ЕВГ. АРЖЕКАЕВ

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

СБОРНИК
ИЗ ГЛАВНЕЙШИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1925

Гиз № 10780. Ленинградский Гублит № 3026. 20.000

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В нашу эпоху интерес к платоновскому, древне-христианскому коммунизму, а также к средневековым утопиям в значительной мере является интересом академическим. Недаром о подобных исследованиях тов. Ленин шутил, что победивший рабочий класс сделает исследователя Каутского школьным учителем древней истории („Пролетарская революция и ренегат Каутский").

Что же касается утопий XIX века, то мы не поместили их потому, что это увеличило бы втрое размеры хрестоматии материалом, не имеющим актуального значения, и нарушило бы стройность хрестоматии.

Для нас гораздо важнее в переходную эпоху от капитализма к коммунизму еще раз присмотреться к тому, как первоучители научного социализма Маркс и Энгельс представляли себе будущий коммунистический строй, как оппортунисты выхолостили „душу живу" из учения Маркса и как вождь пролетарской революции тов. Ленин, на долю которого выпало заложить первые камни социалистического строительства, не только восстановил, но и развил учение Маркса и Энгельса о коммунизме.

Г. В. Плеханов совершенно правильно проводит разницу между утопизмом и научным социализмом, когда он говорит: „Если каждое новое понимание человеческой природы давало, казалось, очень ясные указания относительно организации „будущего строя", то научный социализм чрезвычайно скуп на подобного рода пророчества. Форма социального здания зависит от состояния производительных сил общества. Каково будет это состояние в тот момент, когда власть попадет в руки пролетариата, мы этого не знаем.

Единственное, что мы теперь знаем, это то, что производительные силы, которые уже теперь находятся к услугам цивилизованного человечества, властно требуют обобществления средств производства и его планомерной организации“ (Плеханов. „Анархизм и социализм“). Таким образом марксизм никогда не ставил себе задачей создавать „план“ устройства будущего общества. Он ставил своей задачей исследовать состояние современных производительных сил, производственных отношений, установить законы развития капитализма и на основе этих законов с научной точностью вывести неизбежные следствия этого развития. Точное исследование дало Марксу право с категоричностью заявить: „Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период *революционного переустройства* одного в другое. Этому соответствует и в политике переходный период, во время которого не может быть иного государства, кроме *революционной диктатуры пролетариата*“. (К. Маркс. „Критика Готской программы“.) Эту краеугольную мысль для современной нам эпохи Маркс и Энгельс неоднократно в своих работах повторяли и развивали, и всеже, когда настала эта эпоха революционного переустройства капитализма в социализм, эпоха распада капитализма и эпоха диктатуры пролетариата, вожди II Интернационала „забыли“ этот марксов завет. (См. главу нашей хрестоматии об „отмирании государства.“) Борьбу за диктатуру пролетариата они подменили борьбой за „пятак к заработку“ и за парламентские местечки, да и эту-то борьбу ведут, изменяя на каждом шагу рабочему классу. Не агитационная фраза, а горький факт, что партии II Интернационала стали левым крылом буржуазии, левым крылом фашизма.

Еще в 1905 году тов. Ленин четко выразил мысль о необходимости борьбы рабочего класса за власть именно в форме диктатуры пролетариата. 4-го октября 1905 года он писал в газете „Пролетарий“: „Кризис зреет, близится эпоха диктатуры пролетариата. И вот оппортунисты выдвигают на первый план лозунг: потребительное общество, а революционеры—лозунг: завоевание политической власти пролетариатом. Оппортунисты спорят: потребительное общество—реальная сила пролетариев, завоевание реальной экономической позиции, настоящий кусочек социализма; вы,

революционеры, не понимаете диалектического развития, этого перерастания капитализма в социализм, этого проникновения ячеек социализма в недра самого капитализма, этого опорожнения капитализма новым социалистическим содержанием.

Да, отвечают революционеры, мы согласны, что потребительные общества суть, в известном смысле, кусочек социализма. Во-первых, социалистическое общество есть одно большое потребительное общество с планомерно организованным производством для потребления; во-вторых, социализм неосуществим без мощного, многостороннего рабочего движения, а одной из этих многих сторон неизбежно являются потребительные общества. Но дело-то не в этом. Пока власть останется в руках буржуазии, до тех пор потребительные общества—жалкий кусочек, никаких серьезных перемен не гарантирующий, никакого решительного изменения не вносящий, иногда даже отвлекающий от серьезной борьбы за переворот. Навыки, приобретенные рабочими в потребительных обществах, очень полезны,—спора нет. Но поприще для серьезного приложения этих навыков может создать лишь переход власти к пролетариату. Тогда система потребительных обществ будет включать в свое распоряжение и прибавочную стоимость; теперь сфера применения этого полезного института сужена до убожества убогими размерами заработной платы. Тогда это будет потребительный союз действительно свободных работников; теперь это союз наемных рабов, придавленных и придушенных капиталом. Итак, потребительные общества—кусочек социализма. Диалектический процесс развития, действительно, всовывает еще в пределах капитализма элементы нового общества и материальные и духовные элементы его. Но социалисты должны уметь отличать кусочек от целого, должны выставлять своим лозунгом целое, а не кусочек, должны противопоставлять коренные условия действительного переворота тем частичным штопаниям, которые нередко сбивают борцов с истинно-революционного пути". („Последнее слово „искровской" тактики или потешные выборы, как новые побудительные мотивы для восстания").

Для Ленина социалистический строй является той „целевой установкой", которой он подчинял все свои мысли. Во

всей своей работе, во всех главнейших своих произведениях текущую политическую борьбу рабочего класса Ленин связывал с социализмом.

„Социализм теперь смотрит на нас через окно современного капитализма, социализм вырисовывается непосредственно практически из каждой крупной меры, составляющей шаг вперед на базе этого новейшего капитализма“. (Ленин. „Грозящая катастрофа и как с ней бороться“. Конец сентября 1917 г.).

„К вопросу о социализме наши эс-эры и меньшевики подходят по-доктринерски, с точки зрения заученной ими наизусть и плохо понятой доктрины. Они представляют социализм чем-то далеким, неизвестным, темным будущим.“ (Ленин. „Грозящая катастрофа и как с ней бороться“.) Большевизм в лице Ленина дал прекрасный анализ эпохи диктатуры пролетариата. Пролетариат разбивает государство буржуазии и создает свою государственную машину для подавления сопротивления эксплоататоров, не желающих примириться с потерей господства. В этой борьбе пролетариат привлекает на свою сторону все угнетенные при капитализме слои и, главным образом, крестьянство. Захватив власть, пролетариат в союзе с крестьянством доделывает ту разрушительную работу, которая не доделана буржуазными революциями по отношению к феодализму. Он рвет сословные ограничения, отделяет церковь от государства и школу от церкви, уничтожает дворянское землевладение, но он не ограничивается этими только мерами. Социалистическая революция „экспроприирует экспроприаторов“, уничтожает частную собственность на землю, фабрики и заводы и подавляет свергнутый господствующий класс в гражданской войне. Переходная эпоха не закончилась. Перед ней стоят еще огромные задачи. Пролетариат должен умножить доставшиеся ему производительные силы, проделать целую культурную революцию в деревне, развить кооперативный аппарат до охвата им всего населения, улучшать все время свой государственный аппарат и т. д. В процессе этой стройки социалистического общества начнут отмирать классы, а вместе с ними и государственный аппарат пролетариата (а не буржуазное государство, как утверждают наши противники). Только таким путем общество идет к первой фазе коммунизма. Полный коммунизм, где осуществится лозунг „каждый по

способностям и каждому по его потребностям", осуществится только путем вырастания из первой фазы. Эту единственно-научную постановку вопроса сформулировал Ленин в своей замечательной работе „Государство и революция". Он особенно подчеркивал именно задачи строительства социализма, которые падают на плечи победившего пролетариата.

В своем ответе на рецензию т. Бухарина о книге „Государство и революция" (т. Бухарин тогда стоял в группе „левых коммунистов") тов. Ленин пишет: „Бухарин заметил и подчеркнул, что старый государственный аппарат надо „разбить, взорвать", что буржуазию надо „додушить" и т. п. Взбесившийся мелкий буржуа тоже может хотеть этого. И это в главных чертах уже сделала революция наша с октября 1917 г. по февраль 1918 г.

„Но чего не может хотеть даже самый революционный мелкий буржуа, чего хочет сознательный пролетарий, чего *еще не* сделала наша революция, об этом также говорится в моей брошюре. И об этой задаче, задаче завтрашнего дня, Бухарин промолчал.

„А я тем более имею оснований об этом не молчать, что, во-первых, от коммуниста следует ждать большего внимания к задачам завтрашнего дня, а не вчерашнего, а во-вторых—моя брошюра писана *до* взятия власти большевиками, когда большевиков нельзя было угощать культурно-мещанским соображением: „ну *после* того, как захватили власть, *конечно,* запели о дисциплине...".

„...Социализм будет перерастать в коммунизм..., ибо люди привыкнут к соблюдению элементарных условий общественности без насилия и без принуждения" („Гос. и Рев.", стр. 77—78). Об „элементарных условиях" речь шла, следовательно, о взятии власти.

„...Только тогда демократия начнет отмирать..." когда „люди постепенно привыкнут к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без особого аппарата для принуждения, который называется государством" (там же, стр. 84: о „прописях" речь шла *до* взятия власти).

„...Высшая фаза развития коммунизма" (каждому по потребностям, каждый по способностям) „предполагает не

теперешнюю производительность труда и не теперешнего обывателя, способного зря, в роде как бурсаки Помяловского, портить склады общественного богатства и требовать невозможного“ (там же, стр. 91).

„...До тех пор, пока наступит высшая фаза коммунизма, социалисты требуют строжайшего контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления...“ (там же).

„...Учет и контроль—вот главное, что требуется для налажения, для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества“ (там же, стр. 95). И контроль этот надо наладить не только за „ничтожным меньшинством капиталистов, за господчиками, желающими сохранить капиталистические замашки“, но и за теми из рабочих, которые „глубоко развращены капитализмом“ (там же, стр. 96)—и за „тунеядцами, баричами, мошенниками и т. п. хранителями традиций капитализма“. („О левом ребячестве и о мелкобуржуазности“.)

Книга Ленина „Государство и революция“ — ценнейший документ, который свидетельствует о том, что российский пролетариат во главе со своей большевистской партией, когда шел совершать Октябрьскую революцию, точно знал, каким путем он пойдет к социализму. Социалистический строй для большевизма не доктрина и не утопия, а живое практическое дело, очередная текущая задача нынешнего дня. Не туманный неизвестный будущий идеал, а то конкретное, вполне четко осознанное, что ждет завтра и после завтра.

Если Фр. Энгельс ставил в задачу научного социализма теоретически исследовать исторические условия и характер социалистического переустройства общества [1]), то эта задача в ленинизме нашла теперь свое разрешение.

В главном Ленин завершил учение Маркса и Энгельса: он доделал то, что они не могли сделать, ибо жили в ран-

---

[1]) Совершить этот освободительный акт—вот историческая задача современного пролетариата. Исследовать же его исторические условия и его характер и выяснить таким образом призываемому теперь к действию угнетенному классу условия и сущность его собственной деятельности,—это является задачей теоретического исследования пролетарского движения, научного социализма (Фр. Энгельс. „Анти-Дюринг“).

нюю пору капитализма. Дело сейчас только за живым практическим воплощением ленинизма в жизнь.

У нас, в С. С. С. Р., дело социализма на колесах. В повседневной своей работе мы закладываем основы будущего социалистического строя, перед нашим же собратом западноевропейским пролетарием во весь рост стоит задача захвата власти. Время работает на нас. И не за горами то время, когда западноевропейский пролетариат отбросит в сторону, как помеху, буржуазию и приступит вместе с нами к стройке социалистического общества.

Вот почему изучать вопрос о будущем коммунистическом строе для коммуниста далеко не праздное занятие.

Перспективы коммунизма должны являться той общей целью, которой подчинена вся его повседневная раздробленная работа.

Если наша хрестоматия поможет выработке целостного стройного представления о коммунизме, то мы будем считать свою работу, проделанную урывками по вечерам, в свободное от прямых обязанностей время, а поэтому, конечно, работу не без недостатков,—достигшей цели.

Наша работа содержит в себе нижеследующие главы: I—Идеал социалистического общества; II—Производство, труд и распределение в коммунистическом обществе; III — Социализм и сельское хозяйство; IV — Уничтожение классов и „отмирание“ государства; V—Национальный вопрос; VI—Положение женщины, брак, семья; VII—Проблема народонаселения и VIII—Заключительная часть, в которую входят три темы: „Как молода еще история человечества!“; „Из царства необходимости в царство свободы“ и „Сверхчеловек будущего“.

Мы стремились сохранить цельность и законченность каждой отдельной главы и всей работы в целом. Осью всей работы является глава четвертая, в которой, не желая дробить по разным отделам прекрасные места из книги Ленина „Государство и революция“, мы поместили значительную выдержку из этого произведения, снабдив ее общим заглавием „Ленин об „отмирании государства“ и о коммунизме“ и сохранив подзаголовки отдельных разделов в неприкосновенном виде.

Мы преднамеренно ограничили свою работу отдельными местами и цитатами только главнейших теоретиков мар-

ксизма,—Марксом, Энгельсом, Каутским (теми его работами, когда он был еще революционером) и Лениным. И только в крайнем случае, когда нужно было или популяризировать мысль или в каком-либо отделе создавался пробел, мы обращались и к другим теоретикам. Нами помещены одна статья П. Лафарга („Социалистический идеал“), две статьи Плеханова и две статьи Бебеля. Работу Бебеля „Государство будущего“ (глава из книги „Женщина и социализм“) мы не использовали, потому что эта работа трудно поддается „хрестоматизации“. Если взять отдельные части этой работы, то они окажутся слишком обрывочными, не имеющими цельности и стройности. Если же эту работу включить в хрестоматию целиком или значительными частями, она расстроит весь характер хрестоматии, кроме того это произведение настолько распространено, что оно всегда может быть использовано наравне с хрестоматией. И еще одна очень важная причина. Это произведение содержит в себе больше полемики с различными противниками из лагеря буржуазии, чем положительного материала. Времена изменяются, меняются и противники пролетариата. Сейчас приходится защищать марксизм и ленинизм от „марксистов“ (в кавычках), и поэтому полемика Бебеля против буржуазных ученых не имеет уже той остроты, какую она имела, когда Бебель писал свою книгу.

В промежутках между статьями хрестоматии мы поместили отдельные лозунги. Лозунги подбирались так, чтобы они законцовывали и конспектировали предшествующую мысль. Лозунги не придумывались, они брались у тех же классиков марксизма. Мы не ставили своей задачей осветить подробно эпоху „диктатуры пролетариата“, для такой задачи потребовалась бы специальная очень большая работа и, главным образом, по произведениям Владимира Ильича Ленина. Мы узко ограничивали свою задачу только описанием организации социалистического общества. Понятно, что здесь мы натолкнулись на бедность марксистской литературы именно по этому вопросу. Глубокие мыслители пролетариата не занимались пророчествами и не строили утопий. Сами мы не рискнули на ответственную задачу пересмотра взглядов социал-демократизма на организацию будущего общественного строя. Эту работу начал Ленин, мастер-

ски набросав основные линии расхождений; разработать его взгляды дело ближайшего поколения теоретиков ленинизма. В конце книжки мы прилагаем небольшой словарь непонятных слов и собственных имен, чтобы облегчить возможность в нужное время достать необходимую справку.

В заключение несколько методических указаний, как пользоваться книжкой. Ни в программах совпартшкол и рабфаков, ни в программах окружных военно-политических школ нет предмета, который был бы посвящен теме хрестоматии. Однако беглый просмотр учебного плана этих учебных заведений показывает, что связь отдельных предметов с темой хрестоматии безусловно существует. Политическая экономия строится так, чтобы выявить, как из недр капиталистического строя вырастает более высокая экономическая структура—социализм. История Р.К.П.—это политический путь российского пролетариата к социализму, общая история—тот же путь, взятый в мировом охвате. Экономическая политика Советской власти и конституция—это текущее строительство социализма. Таким образом наша хрестоматия может быть использована двояким путем—либо в начале общественно-политического курса, как вводный комплекс: „Какие конечные цели ставит наша партия“ (этим комплексом очень удачно начинаются занятия в сокращенных партшколах для „ленинского“ призыва), либо в конце курса. При использовании нашей хрестоматии в конце курса отдельные ее главы могут быть использованы различными предметами. Так, глава II—Производство, труд и распределение в коммунистическом обществе—и гл. III—Социализм и сельское хозяйство—могут быть использованы при заключительных занятиях по политэкономии. Главы IV и V по конституции Союза С.С.Р. дадут очень хороший материал для первой части занятий. Вся хрестоматия в целом может дать много материала преподавателю исторического материализма.

При самообразовании хрестоматией лучше пользоваться, разрабатывая последовательно главу за главой и обращая внимание на помещенные лозунги. Для проверки самого себя можно порекомендовать по типу приложенных лозунгов разработать лозунги, выражающие мысль каждой отдельной статьи, составить план статьи и, наконец, сконспектировать целую главу.

Детальных указаний, как составлять задания по хрестоматии, мы не даем, так как лабораторный метод в каждой школе и, можно сказать, у каждого преподавателя имеет свои особенности. Лабораторный метод в настоящее время уже не новость. Опыт в составлении заданий у подавляющего большинства школ уже имеется.

Один из недостатков книги считаем нужным упомянуть. Составителю по разным причинам не всегда удавалось пользоваться последними изданиями книг, из которых заимствовался материал для хрестоматии, поэтому некоторые из статей не совсем удачны по своему переводу, так как были взяты с ранних изданий.

Еще раз оговариваемся, что не скрываем недостатков книги и будем рады всякому указанию.

Указания адресовать: Ленинград. Госиздат, Редакционный сектор, для составителя.

Евг. Арженкаев.

ГЛАВА I. ОБЩЕСТВО БУДУЩЕГО.

1. Идеал социалистического общества.

Уже целые тысячелетия живет идеал в уме человека. Не идеал справедливости, а идеал мира и счастья, идеал общества, в котором нет моего и твоего, где все принадлежит всем и где равенство и братство составляют единственные узы, соединяющие людей. В бурные периоды истории смелые мыслители с великой душой изображали это идеальное общество в упоительных утопиях, а герои жертвовали собою для его осуществления.

Этот идеал—не произвольное изобретение человеческого мозга, а воспоминание о том золотом веке, о том земном рае, о котором говорят нам религии; это—далекое воспоминание об эпохе первобытного коммунизма, прожитой человеком до возникновения частной собственности.

Если римские плебеи и нищие греческих городов потерпели неудачу в своих многочисленных возмущениях против патрициев и богачей,—возмущениях, направленных к восстановлению общности имуществ, если еретические народные секты средних веков потерпели неудачу в своих попытках восстановить на земле равенство и братство,—то это по вполне понятным причинам было неизбежно. Как в эпоху упадка Греции и Рима, так и в конце средних веков экономические отношения не допускали восстановления общности имущества; они (экономические отношения) действовали как раз в обратном направлении,—в сторону разрушения последних остатков коммунизма и выработки элементов частной буржуазной собственности.

В наших умах идеал коммунизма возродился с новой силой, более могучий, более привлекательный, чем когда-либо прежде. Но этот идеал уже не смутное, инстинктивное воспоминание; он вырос из недр реальности, он

вскормлен и вспоен действительной жизнью, являясь продуктом экономического развития. Мы—не утописты, не мечтатели, подобно английским лордам и римским плебеям; мы—люди науки, которые не изобретают новых общественных форм, а только оказывают капиталистическому обществу акушерские услуги, когда наступает час рождения социалистического общества.

Мы—коммунисты потому, что убеждены, что экономические силы капиталистического производства в силу естественной необходимости ведут общество к коммунизму. Мы, которых обвиняют в разжигании классовых антагонизмов, требуем, напротив, уничтожения классов, так как мы убеждены, что нет уже больше на-лицо той экономической необходимости, которая вызвала разделение людей на класс эксплоататоров и класс эксплоатируемых.

Аристотель, этот великий среди мыслителей, предвидел, что, когда машины сами будут выполнять свою работу, свободные граждане не будут более нуждаться в рабах, создающих им возможность досуга. Мы же, социалисты, предвидим конец наемного труда,—этой последней формы рабства, так как мы знаем, что человек владеет железным и стальным рабом—самодвижущейся машиной.

Никогда в древности и ни в одну историческую эпоху свободные граждане не владели таким количеством рабов, как мы.

В доказательство приведу несколько цифр из „Статистического Ежегодника", опубликованного в 1890 году министерством торговли во Франции.

В 1887 г. число паровых машин во Франции (в промышленности и земледелии), в сухопутном и морском транспорте достигло 135.748 и составляло 9 миллионов лошадиных сил. По расчету главного правления рудника каждая лошадиная сила равна силе 21 рабочего. Следовательно, эти 9 миллионов лошадиных сил представляют рабочую силу 189 миллионов рабов.

По переписи 1886 г. Франция имеет 39 миллионов жителей, так что на каждого француза приходится 4,8 раба, или на каждого отца семьи из 5 человек — 24 железных раба.

Работа этих 189 миллионов железных рабов, монополизируемая в свою пользу одним классом, неспособным руководить

ею, создает, посреди сказочного избытка, ужасающую нищету производителей.

Когда средства производства будут вырваны из праздных и бессильных рук капиталистов и станут общим достоянием всей нации, тогда на земле снова наступит счастье и мир для всех. Ибо общество подчинит себе производительные силы, как оно подчинило себе силы природы. Только тогда человек будет свободным, так как он станет господином своей социальной судьбы.

Только тогда человечество освободится от власти бессознательных исторических сил.

(Лафарг. „Из дискуссии с Жоресом о материалистическом и идеалистическом понимании истории".) Заимствуем из С. Ю. Семковский. Марксистская Хрестоматия Укр. ГИЗ. 1924 г. Стр. 46—48.

2. Экономическая неизбежность социалистического строя.

Группа „Освобождение Труда" задается целью пропаганды социалистических идей в России и выработки элементов для организации русской *рабочей социалистической партии*.

Сущность ее воззрений может быть выражена в следующих немногих положениях:

I. Экономическое освобождение рабочего класса будет достигнуто лишь путем перехода в коллективную собственность трудящихся всех средств и продуктов производства и сообразной с общественными потребностями организации всех функций социально-экономической жизни.

II. Современное развитие техники в цивилизованных обществах не только дает *материальную возможность* такой организации, но и делает ее *необходимою и неизбежною* для разрешения противоречий, препятствующих спокойному и всестороннему развитию этих обществ.

III. Эта радикальная экономическая революция повлечет за собою самые коренные изменения во всем складе общественных и международных отношений.

Устраняя борьбу классов—путем уничтожения самих классов; делая невозможной и ненужной экономическую борьбу индивидуумов—путем устранения товарного произ-

водства и связанной с ним конкуренции; короче, устраняя борьбу за существование между личностями, классами и целыми обществами,—она делает излишними все те общественные органы, которые развились в многовековой период этой борьбы за существование, в качестве ее орудий.

Не вдаваясь в утопические фантазии относительно общественной и международной организации будущего, можно теперь уже предсказать уничтожение важнейшего из органов хронической борьбы внутри обществ—именно *государства, как политической организации, противостоящей обществу* и охраняющей, главным образом, интересы его господствующей части. Точно так же уже и теперь можно предвидеть международный характер предстоящей экономической революции. Современное развитие международного обмена продуктов делает необходимым участие в этой революции всех цивилизованных обществ.

Поэтому социалистические партии всех стран признают международный характер современного рабочего движения и провозглашают принципы международной солидарности производителей.

Группа „Освобождение Труда" также признает великие принципы бывшей „Международной Ассоциации Рабочих" и тождество интересов трудящихся всего цивилизованного мира.

IV. Внося сознательность туда, где господствует ныне слепая экономическая необходимость, заменяя современное господство *продукта* над *производителем* — господством *производителя* над *продуктом*, социалистическая революция упрощает и осмысливает все общественные отношения, предоставляя вместе с тем каждому гражданину реальную возможность непосредственного участия в обсуждении и решении всех общественных дел.

Это непосредственное участие граждан в заведывании всеми общественными делами предполагает устранение современной системы политического представительства и замены ее *прямым народным законодательством.*

В своей современной борьбе социалисты должны иметь в виду эту необходимую политическую реформу и всеми зависящими от них средствами добиваться ее осуществления.

Это тем более необходимо, что политическое самовоспитание и господство рабочего класса составляют необходимое предварительное условие его экономического освобождения. Только вполне *демократическое* государство может совершить экономический переворот, сообразный с интересами производителей и требующий разумного участия их в организации и регулировании производства.

(Г. В. Плеханов. Программа социал-демократической группы „Освобождение Труда". Собр. соч. т. 2, Гиз. 2 изд., стр. 357—358.)

3. Материальные условия обобществления производства уже имеются на-лицо.

С тех пор как возник капиталистический способ производства, идея перехода всех средств производства в руки общества часто представлялась более или менее неясно отдельным личностям и целым сектам как идеал будущего. Этот идеал стал возможным и мог сделаться исторической необходимостью лишь тогда, когда появились материальные условия для его осуществления. Как всякий другой общественный прогресс, переход всех средств производства в руки общества становится осуществимым не благодаря развившемуся пониманию того, что существование классов противоречит справедливости, равенству и т. д., не благодаря одному только желанию уничтожить эти классы, но благодаря известным новым экономическим условиям. Разделение общества на эксплоатирующий и эксплоатируемый классы, на господствующий и подчиненный, было необходимым следствием прежнего недостаточного развития производства. Пока совокупный общественный труд давал лишь немного более того, сколько необходимо было для существования всех, пока, следовательно, труд отнимал все или почти все время у огромного большинства членов общества, до тех пор это общество необходимо делилось на классы. На-ряду с этим, поглощенным исключительно трудом, огромным большинством населения образовался освобожденный от непосредственно производительного труда класс, который брал на себя заботу об общих нуждах общества: заведывание работой, государственные обязанности, юстицию, науку и искус-

ство и т. д. Закон разделения труда образует, таким образом, основу классового разделения. Но это не препятствует тому, чтобы это разделение на классы совершалось при помощи насилия, хищения, коварства и обмана и чтобы господствующий класс, раз он стоит у кормила правления, не упускал случая укреплять свое господство за счет рабочего класса и превращать управление общественными делами в эксплоатацию масс.

Но если, поэтому, разделение на классы имеет известное историческое оправдание, то лишь для данного периода, для данных общественных условий. Оно основывается на недостаточном развитии производства и, вследствие этого, может быть совершенно устранено только при полном развитии современных производительных сил. В самом деле, уничтожение общественных классов имеет необходимой предпосылкой такую степень общественного развития, на которой существование не только того или другого определенного господствующего класса, но и господство какого-либо класса вообще, а следовательно и самых классовых противоречий сделается анахронизмом, устареет. Таким образом его предпосылкой является высшая ступень развития производства, на которой присвоение особым классом в обществе средств производства и продуктов и, вместе с тем, политического господства, монополии образования и умственного руководительства не только сделается излишним, но и станет тормозом на пути экономического, политического и интеллектуального развития. Эта высота развития уже достигнута в настоящее время. Политическое и интеллектуальное банкротство буржуазии едва ли для нее самой является тайной, а ее экономическое банкротство повторяется правильно каждое десятилетие. При каждом кризисе общество задыхается под тяжестью своих собственных не находящих применения производительных сил и продуктов и беспомощно стоит перед этим абсурдным противоречием, смысл которого заключается в том, что производителям нечего потреблять, потому что не хватает потребителей. Эластичность средств производства требует уничтожения оков, которые налагает на них капиталистический способ производства. Освобождение средств производства от этих оков является единственным предварительным условием беспре-

рывного все ускоряющегося, прогрессивного развития производительных сил, а следовательно на практике—и условием безграничного возрастания самого производства. Но этого недостаточно. Общественное присвоение средств производства устранит не только существующее теперь искусственное стеснение производства, но и положительное расхищение и опустошение производительных сил и продуктов, которые в настоящее время являются неизбежными спутниками производства и достигают своей кульминационной точки в кризисах. Далее, оно сделает свободной для общества массу производительных средств и продуктов устранением бессмысленной расточительности господствующего теперь класса и его политических представителей. Обобществление производства обеспечит всем членам общества существование не только материальное, вполне достаточное и постоянно улучшающееся, но и гарантирует им также свободное развитие и проявление их физических и духовных дарований. Накопление материальных условий для такого обобществления производства уже имеется на-лицо [1].

(Фр. Энгельс. „Анти-Дюринг". Изд. Петросовдепа 1918 г., стр. 250—251.)

4. Можно ли разработать подробный план организации „государства будущего"?

В нашу задачу не может входить ответ на все возражения, недоразумения и искажения, которые приводятся нашими противниками в целях борьбы против нас. Стараться

---

[1]) Несколько цифр могут дать приблизительное представление о громадной эластичности современных средств производства даже при условии капиталистического гнета, лежащего на них. По новейшему вычислению Гжиффена, национальное богатство Великобритании и Ирландии достигало в круглых числах:

в 1814 г.	— 2200	милл. ф. ст.	= 21 миллиарду руб.
„ 1865 „	— 6100	„ „ „	= 58 „ „
„ 1875 „	— 8500	„ „ „	= 81 „ „

Что же касается опустошения средств производства и продуктов во время кризисов, то на втором конгрессе германских промышленников (в Берлине, 21 февр. 1878 г.) общая потеря в одной только германской железной индустрии во время последнего краха была определена в 455 миллионов марок (Ф. Э.).

вразумить глупость и злобу—напрасно. Мы могли бы писать до мозолей на пальцах и все бы не справились с этим делом.

Только об *одном* возражении здесь придется упомянуть, так как повод к нему был дан из кругов самих социалистов. Оно настолько важно, что мы должны рассмотреть его обстоятельно. Устранение этого возражения послужит к тому, чтобы еще ярче обрисовать точку зрения и цель социал-демократии.

Наши противники заявляют, что социалистическая ассоциация могла бы только тогда быть признана осуществимой и стать целью стремлений разумных людей, если бы существовал ее план, разработанный, исследованный и признанный полезным и выполнимым. Ни один разумный человек не начнет постройки дома, прежде чем не будет готов план, одобренный сведущими людьми. Меньше всего он мог бы согласиться, не имея такого заранее выработанного плана, разрушить свое единственное жилище, чтобы освободить место для этого дома. Следовательно, мы должны выступить с планом „государства будущего“, как принято называть социалистическую ассоциацию или социалистическое общество. Если же мы его скрываем, то это является доказательством, что мы сами хорошо не знаем, чего хотим, и не твердо верим в наше дело.

Действительно, это звучит очень убедительно, настолько убедительно, что не только наши противники, но даже многие среди наших социалистов настаивали на необходимости подобного плана. И в самом деле, его следовало бы считать необходимым предварительным условием нового общества до тех пор, пока не знали законов общественного развития и полагали, что общественные формы строятся так же произвольно, как и дома. Еще и теперь охотно говорят об общественном здании.

О развитии общества вообще стали думать еще очень недавно. В прежнее время экономическое развитие совершалось настолько медленно, что оно было едва заметно. Целыми столетиями и даже тысячелетиями люди оставались на одной и той же раз достигнутой ступени культуры.

Орудия крестьян в отсталых местностях, например в России, еще и теперь почти ничем не отличаются от тех, которые мы встречаем на пороге исторических времен.

Поэтому, с точки зрения отдельного человека, в прежние времена данный способ производства являлся чем-то неизменным: отец его и дед вели хозяйство точно так же, как и он, его сыновья и внуки будут вести его таким же образом. Данный общественный строй рассматривался как неизменный, богом установленный, и кто касался его—был безбожник. Как ни велики были перемены, вызываемые в обществе войнами и классовой борьбой, они, казалось, затрагивали только его поверхность. Правда, эта борьба воздействовала и на *основы* общества, но для отдельного наблюдателя, жившего среди этих событий, такие воздействия оставались незаметными.

История еще и в настоящее время, в сущности, является не чем иным, как более или менее верным сопоставлением достигших до нас сообщений таких наблюдателей. Поэтому и она также-де не идет дальше поверхности, и хотя тот, кто обозревает прошлые тысячелетия, мог бы проследить ход общественного развития, но наши историки его не замечают.

Только капиталистический способ производства сообщил общественному развитию настолько быстрый ход, что люди стали сознавать его и размышлять над ним. Естественно, что сначала они искали причин этого развития на поверхности, прежде чем войти вглубь. Но тот, кто не идет дальше поверхности, замечает только те двигательные силы, которые определяют развитие общества *непосредственно*, а этими последними являются не изменяющиеся условия производства, а изменяющиеся идеи людей.

Когда возникал капиталистический способ производства, он порождал в зависящих от него лицах—капиталистах, пролетариях и т. п.—новые потребности, которые были совершенно отличными от потребностей лиц, экономически связанных с пережитками прежнего феодального способа производства,—потребностей крупных землевладельцев, цеховых ремесленников и т. д. Этим различным потребностям соответствовали также и различные идеи о том, что справедливо, что необходимо и что вредно. Чем больше разрастался капиталистический способ производства и чем сильнее становились классы, которые принимали в нем участие, тем яснее и самостоятельнее становились и соответствующие

этому способу производства идеи, тем распространеннее и влиятельнее делались они в государстве, тем более определяли они собою политическую и общественную жизнь, пока, наконец, вновь возникшие классы не захватили в свои руки власть в государстве и обществе, преобразовав и то и другое соответственно своим идеям и потребностям.

Таким образом то, что казалось мыслителям, желавшим изучить причины общественного развития, двигательной силой этого развития, были *идеи людей.* До известной степени они признавали уже, что эти идеи происходят из *материальных потребностей;* но для них еще оставалось скрытым, что эти потребности изменяются и что их изменения имеют своим началом изменения в экономических, производственных отношениях. Они принимали, что потребности людей—„человеческая природа"—неизменно остаются теми же самыми. Поэтому в их глазах существует только один единственный „истинный", „естественный", „справедливый", общественный строй, ибо только один единственный строй может вполне соответствовать истинной природе человека. Все другие общественные формы являются заблуждениями, которые сделались возможными только потому, что люди не сознавали раньше своих потребностей, в силу ли, как думали они, природной глупости людей или же, как утверждали другие, вследствие намеренного одурачивания со стороны попов и правителей.

Развитие общества является с этой точки зрения следствием развития разума, развития идей. Чем умнее люди, тем искуснее в изобретательности соответствующих человеческой природе общественных форм, тем справедливее и лучше общество.

Это было воззрение буржуазных либеральных мыслителей. Оно господствует еще и в настоящее время, поскольку простирается их влияние. Под властью этого воззрения находились, естественно, и первые из новейших социалистов в начале прошлого столетия. Как и либералы, они думали, что учреждения буржуазного общества и буржуазного государства произошли из чистых идей мыслителей XVIII столетия, экономистов и просветителей.

Но они видели, что новое буржуазное общество далеко не так совершенно, как ожидали философы XVIII столетия.

Следовательно, оно еще не было истинным обществом; очевидно, эти мыслители допустили где-нибудь ошибку,—стоило ее только открыть и изобрести новую общественную форму, которая лучше соответствовала бы человеческой природе, чем существующая. Надо было также тщательнее выполнить план нового общественного здания, чем это сделали Кенэ и Адам Смит, Монтескье и Руссо, для того, чтобы неожиданные влияния не могли вновь уничтожить все расчеты. Это казалось тем более необходимым, что социалисты начала прошлого столетия не имели перед собою, подобно просветителям XVIII века, ни такой общественной формы, гибель которой была бы близка, ни такого могучего класса, который был бы заинтересован в устранении этой общественной формы. Они могли отстаивать такое общество, к которому они стремились, не как нечто *неизбежное*, но лишь как нечто *желательное*. Поэтому они должны были выставить перед людьми свой общественный идеал в самой ясной, вполне осязательной форме, так чтобы у них слюнки потекли, и уже никто не мог сомневаться в возможности и пригодности такого строя.

Наши противники в своем понимании общества не пошли дальше той точки зрения, на которой стояла наука в начале прошлого столетия; поэтому единственный род социализма, который они могут понять, это только что охарактеризованный социализм утопистов, исходивших из тех же самых оснований, как и они. Наши противники рассматривают социалистическое общество как какое-то капиталистическое предприятие, акционерное общество, которое должно быть „основано“,—и они отказываются подписаться на его акции до тех пор, пока его основатели—Бебель, Зингер и К°—не докажут достаточно убедительно в особом проспекте осуществимость и доходность нового предприятия.

Это воззрение еще могло быть оправдано в начале прошлого столетия. В настоящее время социалистическое общество больше не нуждается в кредите этих господ.

Капиталистическое общество отжило свой век; его разложение является только вопросом времени, неудержимое экономическое развитие с естественной необходимостью ведет к банкротству капиталистического способа производства. Образование новой общественной формы на месте суще-

ствующей теперь является не только чем-то *желательным*, оно сделалось уже *неизбежным.*

И все могущественнее и могущественнее становится армия неимущих рабочих, для которых существующий способ производства стал невыносимым, которые при его ниспровержении и ничего не теряют и всё выигрывают, которые *должны* ввести соответствующую их интересам общественную форму—иначе им грозит полная гибель, а вместе с ними и всему обществу, важнейшую составную часть которого они представляют.

Все это вовсе не фантазия, все это доказали мыслители социал-демократии на основании неоспоримых *фактов* современного способа производства. Эти факты говорят гораздо более убедительным и сильным языком, чем самые гениальные и тщательно выработанные картины будущего государства. Подобные картины в лучшем случае могут доказать, что социалистическое общество не невозможно, но они никогда не смогут исчерпать общественной жизни во всей ее полноте и всегда будут иметь пробелы и щели, через которые могут проникнуть противники. Напротив, то, что доказано, как *неизбежное,* является не только *возможным,* но и *единственно возможным.* Если бы социалистическое общество было невозможно, то и вообще было бы уничтожено всякое дальнейшее экономическое развитие. Тогда современное общество должно было бы, подобно Римской Империи около двух тысяч лет тому назад, разложиться, чтобы, в конце концов, вернуться к варварству.

Остановиться на капиталистической цивилизации — невозможно: либо вперед к социализму, либо назад к варварству.

В виду такого положения вещей решительно нет никакой надобности стараться каким-нибудь соблазнительным проспектом склонить наших противников к тому, чтобы они подарили нам свой кредит. Кому осязательные факты современного способа производства недостаточно громко возвещают о необходимости социалистического товарищества, тот и впредь останется глух ко всяким восхвалениям строя, который еще не существует, которого он не может ни осязать ни понять.

Но разработка плана устройства „государства будущего“ в настоящее время не только бесцельна,—она несовместима

более с современной научной точкой зрения. В течение прошлого столетия совершился не только огромный экономический переворот, но и огромный переворот в головах. Понимание причин общественного прогресса чрезвычайно увеличилось. Уже в сороковых годах прошлого столетия Маркс и Энгельс нам показали—и с тех пор каждый дальнейший успех в области общественной науки это подтверждал,—что история человечества в конечном счете определяется не идеями людей, но экономическим развитием, которое непреодолимо движется вперед, следуя определенным законам, но не желаниям и капризам людей. Мы видели в предыдущих главах, как оно создает новые формы производства, которые несут с собой и необходимость в новых общественных формах; как оно рождает новые потребности, которые и вынуждают людей задумываться над своими общественными отношениями и изобретать средства приспособить общество к новым условиям производства. Ибо само собой это приспособление не совершается; оно нуждается в посредстве мыслящей человеческой головы— в посредстве идей. Без мышления, без идей не может быть никакого прогресса. Но идеи являются только посредниками в общественном прогрессе; не от них исходит первый толчок, как это думали прежде, а многие думают и поныне, а от перемен в экономических отношениях.

Поэтому не мыслители, не философы определяют направление общественного прогресса, но оно дается экономическим развитием. Мыслители могут *познать* это направление и тем проницательнее, чем глубже их проникновение в предшествовавшее развитие, *но* они не могут его *предписать* произвольно.

Но и познание направления исторического прогресса имеет свои границы. Ибо механизм человеческого общества чрезвычайно сложен, и для самого проницательного мыслителя невозможно исследовать все его стороны,—настолько подробно измерить все действующие в нем силы, настолько точно, чтобы он мог с уверенностью предвидеть, какие общественные формы создадутся из сочетания и взаимодействия этих сил.

Новая общественная форма осуществляется не в силу того, что отдельные, особенно хитрые умы разрабатывают

план наилучшего устройства этой общественной формы, что они постепенно убеждают других в полезности этого плана и, получив в свои руки необходимую власть, приступают со всеми удобствами к возведению и устройству по этому плану социального здания.

Всякая новая общественная форма до сих пор всегда являлась результатом продолжительно протекавшей с переменным успехом борьбы. Боролись эксплоатируемые классы с эксплоатирующими; боролись сходящие со сцены реакционные классы с классами восходящими, революционными. В этой борьбе вступают между собою в связь различные классы и самым разнообразным образом, чтобы побороть другие противостоящие им классы: порой лагерь эксплоатируемых объединял и революционеров и реакционеров, лагерь революционеров—эксплоататоров и эксплоатируемых. Даже в пределах одного и того же класса часто находятся различные направления, в зависимости от различия в понимании, темпераменте, жизненном положении отдельных личностей и целых слоев. Наконец, сила каждого отдельного класса всегда являлась чем-то в высшей степени изменчивым; она возвышалась или падала в зависимости от того, возрастало или убывало понимание данным классом действительных отношений его, сплоченность и размеры его организаций и его значение в экономической жизни.

В изменчивой борьбе этих классов распадались мало-помалу старые, становившиеся несостоятельными общественные формы и вытеснялись новыми. Не всегда новое, становившееся на место старого, было также и правильным; для последнего было необходимо условие, чтобы революционные классы всецело обладали властью и достигли высшего понимания общественных явлений. Где и пока этого не было—постоянно делались ошибки, и нередко новое оказывалось вполне или отчасти почти таким же несостоятельным, как и отжившее старое. Но чем сильнее теснило экономическое развитие, тем яснее становились его требования, тем больше возрастала сила революционных классов, необходимая для проведения в жизнь назревших потребностей. Те учреждения революционных классов, которые стояли в противоречии с требованиями экономического развития, приходили в упадок и скоро предавались

забвению; те же из их учреждений, которые, напротив, были необходимы, скоро пустили глубоко свои корни и уже не могли быть вырваны приверженцами старины.

Таким путем возникал до сих пор всякий новый общественный строй; так называемые революционные эпохи отличались от других моментов общественного развития только тем, что тогда события разыгрывались гораздо более быстро и бурно, чем в обычное время.

Из этого видно, что общественные формы возникают другим путем, чем постройки. Заранее приготовленные планы при создании их не имеют значения. Убедившись теперь в этом, набрасывать еще „положительные проекты“ для организации государства будущего было бы так же почти полезно и глубокомысленно, как заранее писать историю предстоящей войны.

Ход развития ни в коем случае не является независимым от отдельных личностей. Всякий, кто действует в обществе, оказывает на это развитие большее или меньшее влияние. Отдельные личности, выдающиеся по своему дарованию или общественному положению, могут на десятилетия определить ход вещей в целых государствах; одни из них содействуют прогрессу, открывая новые перспективы на общественные отношения или делая их понятными для масс, или же организуя революционные классы, сплачивая их силы и давая им целесообразное применение; другие, напротив, задерживают прогресс, действуя в противоположном направлении. Первые действуют так, чтобы ускорить процесс развития, уменьшить те страдания и жертвы, которые он причиняет; другие же стараются задержать этот процесс, увеличить страдания и жертвы, которые он несет с собой. Но чего никто не может сделать—ни самый могущественный монарх, ни глубочайший мыслитель—это дать по своему желанию *направление развитию* и точно предсказать те *формы*, в которые оно выльется.

Поэтому нет ничего более смешного, как требовать от нас, чтобы мы дали картину „государства будущего“, к которому мы стремимся. Это требование, которого еще не предъявляли ни к какой партии, настолько смешно, что бесполезно было бы по этому поводу тратить так много слов, если бы это смешное требование не представляло самого

серьезного возражения, которое выставляют против нас в настоящее время наши противники. Другие возражения еще гораздо более забавны.

Еще никогда не было такого случая во всемирной истории, чтобы какая-либо революционная партия могла только предвидеть—не говоря уже о том, чтобы произвольно определить, какие *формы* примет новое общество, к которому она стремится. Для дела прогресса было уже большим выигрышем, если такой партии удавалось познать те *тенденции*, которые вели к этому обществу, так что ее политическая деятельность носила *сознательный*, а не просто *инстинктивный* характер. Нельзя требовать также большего и от социал-демократии.

Между тем, еще никогда не существовало партии, которая так глубоко исследовала бы и так точно понимала бы общественные тенденции своего времени, как социал-демократия.

Это не ее заслуга, а ее счастье. Этим она обязана тому, что опирается на буржуазную политическую экономию, которая предприняла первое научное исследование общественного строя и общественных отношений и благодаря которой революционные классы, низвергнувшие феодальный способ производства, обладали гораздо более ясным сознанием своих общественных задач и поддавались гораздо меньшему самообману, чем какой бы то ни было предшествовавший им революционный класс. Но мыслители социал-демократии повели исследование общественных отношений еще далее, они проникли в эти отношения еще глубже, чем все предшествовавшие им буржуазные экономисты. „Капитал“ Маркса сделался, по общему признанию, поворотным пунктом современной экономической науки, и насколько выше стоит „Капитал“ Маркса над сочинениями Кенэ, Адама Смита и Рикардо, настолько же выше понимание и сознание своей цели социал-демократией в сравнении с революционными классами конца XVIII века и начала XIX столетия. Если социал-демократия отказывается выкладывать для ознакомления почтеннейшей публики какой-либо проспект государства будущего, то буржуазные писатели не имеют никакого повода над этим издеваться и заключать отсюда, что мы не знаем, чего хотим. Социал-

демократия яснее предвидит будущее, чем в свое время предвидели пионеры современного общественного строя—экономисты и просветители.

Мы сказали, что, если какой-либо мыслитель может познать *тенденции* экономического развития своей эпохи, то он не может предвидеть тех форм, в которых получат свое выражение эти тенденции. Для доказательства правильности этого положения достаточно одного взгляда на существующие отношения. Тенденции капиталистического способа производства одни и те же во всех странах, в которых он господствует; и тем не менее, насколько разнообразны государственные и общественные формы в различных капиталистических странах,—насколько различны они в Англии, и во Франции, и в Германии, и как, в свою очередь, совершенно отличны в Америке! Исторические тенденции созданного существующим способом производства рабочего движения точно так же всюду одни и те же, но формы, которые это движение принимает, в каждой стране носят свой особый характер.

Тенденции капиталистического способа производства в настоящее время точно известны. И все же никто не мог бы сказать, какие формы он примет через 10, 20 или 30 лет, если предположить, что он будет еще так долго влачить свое существование. От нас же требуют изображения общественных форм, лежащих за пределом существующего способа производства.

Если мы отвергаем требование создать какой-либо план „государства будущего“ и правила для перехода к нему, то этим мы не хотим сказать, что и вообще считаем бесполезным или даже вредным всякое размышление о социалистическом обществе. Это значило бы выплеснуть из ванны вместе с водой и ребенка. Вредно и бесполезно только сочинять определенные положительные *проекты* основания и организации социалистического общества. *Проекты* определенного преобразования общественных отношений можно создавать только для таких областей, которые в смысле времени и пространства входят в круг нашего познания и воздействия. Следовательно, социал-демократия может создавать *положительные проекты* лишь для современного общества, но не для будущего. Проекты, которые выходят

из этих пределов, должны считаться не с *фактами*, а только с вымышленными *предположениями* и, следовательно, являются плодами фантазии, мечтами, которые, в лучшем случае, остаются безрезультатными. Если виновником таких проектов является человек талантливый и достаточно энергичный, чтобы произвести некоторое действие на умы, то оно может выразиться только в совращении с верного пути и расточении сил.

С такими мечтами, с которыми следует решительно бороться, напротив, не нужно смешивать попыток исследовать, какое направление примут тенденции экономического развития, как скоро это последнее будет перемещено с капиталистической основы на социалистическую. Здесь дело идет не об „изобретении рецептов для кухни будущего", но о научной переработке данных, которые стали известными на основании научного исследования определенных фактов. Исследования такого рода далеко не бесполезны, ибо, чем яснее мы можем предвидеть будущее, тем целесообразнее будем мы применять свои силы в настоящем.

Наиболее крупные мыслители социал-демократии предприняли подобные исследования. В произведениях Маркса и Энгельса рассеяны многочисленные результаты таких исследований. Бебель в своей книге „Женщина и социализм" дал сжатое изложение своих исследований в этом направлении.

Подобную работу лично для себя, вероятно, исполнял каждый мыслящий социалист, ибо всякий, поставивший себе великую цель, чувствует потребность выяснить себе и те условия, при которых она может быть достигнута.

(К. Каутский. „Эрфуртская Программа". Изд. „Коммунист". М. 1918, стр. 126—136.)

Строить коммунизм мы должны из обломков капитализма, и только тот класс, который закален в борьбе против капитализма, может это сделать

(Ленин.)

ГЛАВА II. ПРОИЗВОДСТВО, ТРУД И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ В КОММУНИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ.

1. Высокая ступень развития общественных производительных сил—необходимое предусловие социализма.

Переворот, к которому стремится современный социализм, заключается, коротко говоря, в победе пролетариата над буржуазией и преобразовании общества посредством уничтожения всяких классовых различий. Для этого требуется не только пролетариат, который совершает подобный переворот, но и буржуазия, в руках которой общественные производительные силы достигли такого развития, что является возможность окончательно уничтожить классовое различие. У дикарей и полудикарей тоже часто не существует классовых различий; всякий народ переживал в прошлом подобное состояние. Восстановлять его уже по одному тому нам не может прийти в голову, что из него необходимо вырастают, с развитием общественных производительных сил, классовые различия. Лишь на известной, даже по нынешним временам весьма высокой, ступени развития общественных производительных сил становится возможным настолько увеличить производство, что уничтожение классовых различий будет действительным прогрессом, что классовые различия можно будет уничтожить навсегда, без риска вызвать остановку в развитии или даже регресс общественного способа производства. Но такой ступени развития производительные силы достигли только в руках буржуазии. Значит, буржуазия и с этой стороны является таким же необходимым предусловием социалистической революции, как и пролетариат. Поэтому человек, способный утверждать, что социалистическую революцию легче произвести в известной стране, потому что она хотя и

не имеет пролетариата, *но зато* не имеет и буржуазии, доказывает этим только то, что он незнаком еще и с азбукой социализма.

(Фр. Энгельс. „О социальном развитии в России“. Статьи 1871—75 г.г. Изд. Союза Коммун Сев. Обл. 1919 г., стр. 58—59.)

2. Современная буржуазия—препятствие общественного развития.

До тех пор, пока действительно трудящееся население настолько занято своим необходимым трудом, что у него не остается времени для участия в общих делах общества, а именно: для надзора за работами, для заведывания государственными делами и правосудием, а также для занятия искусствами и науками и проч.,—до тех пор всегда должен был существовать особый класс, который, будучи свободен от действительного труда, заботился бы об этом, при чем он никогда не упускал случая эксплоатировать трудящиеся массы в свою собственную пользу. Только достигнутый крупной промышленностью громадный рост производительных сил позволяет распределить труд между всеми без исключения членами общества и тем ограничить рабочее время каждого так, чтобы для всех оставалось достаточно досуга для участия в общих вопросах общества, как теоретических, так и практических. Следовательно, только теперь господствующий и эксплоатирующий класс стал излишним и даже препятствием для общественного развития, и он неизбежно должен быть устранен, хотя пока он и имеет в своем распоряжении „непосредственную силу“.

(Фр. Энгельс. „Анти-Дюринг“, стр. 162. Изд. Петр. Совдепа 1918 г.).

3. Первый шаг рабочей революции.

Первым шагом рабочей революции должно быть возвышение пролетариата на степень господствующего класса, завоевание демократии.

Пролетариат воспользуется своим политическим господством, чтобы постепенно отнять у буржуазии весь капитал, чтобы централизовать все орудия труда в руках государ-

ства, т.-е. организованного в качестве господствующего класса пролетариата, и по возможности скорее увеличить массу производительных сил.

Конечно, сначала это может совершиться только путем деспотических вторжений в право собственности и в буржуазные условия производства, следовательно, путем мероприятий, которые с экономической точки зрения кажутся недостаточными и ненадежными, но которые в ходе движения перерастут самих себя и неизбежны, как средство для преобразования всего способа производства.

(К. Маркс и Фр. Энгельс. „Коммунистический Манифест". 2 изд. Гиз 1923 г., стр. 96).

4. Уничтожение частной собственности.

Характерною особенностью коммунизма является не уничтожение собственности вообще, а уничтожение собственности буржуазной.

Но современная буржуазная частная собственность есть последнее и самое полное выражение способа производства и присвоения продуктов, основанного на антагонизме классов, на эксплоатации одних другими.

В этом смысле коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности.

Нас, коммунистов, упрекали в том, что мы хотим будто бы уничтожить собственность, приобретенную личным трудом, собственность, служащую основанием личной свободы, самодеятельности и самостоятельности.

Заработанная, нажитая, благоприобретенная собственность. Говорите ли вы о мелко-мещанской и о крестьянской собственности, которая предшествовала собственности буржуазной? Нам нечего уничтожать ее: развитие крупной промышленности уничтожило или уничтожает ее ежедневно.

Или вы говорите о современной, буржуазной частной собственности?

Но разве наемный труд, труд пролетария, создает ему собственность? Никогда. Этот труд создает капитал, т.-е. собственность, эксплоатирующую наемный труд, собственность, которая может умножиться только тогда, когда она создает новый наемный труд, чтобы вновь его эксплоати-

ровать. В ее теперешнем виде собственность основывается на противоположности между капиталом и наемным трудом. Рассмотрим же обе стороны этой противоположности.

Быть капиталистом значит: занимать в производстве не только личное, но и известное общественное положение. Капитал есть продукт общего труда и может быть приведен в движение лишь совместной деятельностью многих членов, в последнем счете—всех членов общества.

Следовательно, капитал есть не личная, а общественная сила.

Если, поэтому, капитал будет обращен в общую, всем членам общества принадлежащую собственность, то это не будет превращением личной собственности в общественную. Изменится только общественный характер собственности, она потеряет свой классовый характер.

Перейдем к наемному труду.

Средняя цена наемного труда есть минимум заработной платы, т.-е. сумма жизненных средств, необходимых для поддержания жизни рабочих. Таким образом того, что приобретает рабочий своей деятельностью, только хватает для поддержания его существования. Мы вовсе не хотим уничтожить его личное присвоение продуктов труда, необходимых для непосредственного поддержания жизни, это присвоение, которое не оставляет никакого чистого дохода дающего власть над чужим трудом. Мы хотим только уничтожить нищенский характер этого присвоения, благодаря которому рабочий живет лишь для того, чтобы увеличить капитал, и живет только до тех пор, пока того требуют интересы господствующего класса.

В буржуазном обществе живой труд есть только средство увеличения накопленного труда. В коммунистическом обществе накопленный труд есть только средство расширить, обогатить, повысить уровень жизни рабочего.

Таким образом в буржуазном обществе прошедшее господствует над настоящим, в коммунистическом—настоящее над прошедшим. В буржуазном обществе капитал самостоятелен и личен, трудящийся же индивидуум несамостоятелен и безличен.

И уничтожение этих-то отношений буржуазия называет уничтожением личности и свободы. И она права. Речь идет,

действительно, об уничтожении буржуазной личности, буржуазной самостоятельности, буржуазной свободы.

При современных буржуазных условиях производства под свободой понимают свободу торговли, свободу купли и продажи.

С падением барышничества падает, конечно, и свободное барышничество. Защита свободного барышничества, как и все буржуазные доводы в защиту свободы, имеет смысл лишь по отношению к несвободному барышничеству, к подневольному горожанину средних веков, но не по отношению к коммунистическому уничтожению барышничества, буржуазных условий производства и самой буржуазии.

Вы возмущаетесь тем, что мы хотим уничтожить частную собственность. Но в вашем теперешнем обществе она уничтожена уже для девяти десятых населения. Она существует именно потому, что не существует для этих девяти десятых. Вы упрекаете нас, следовательно, в том, что мы хотим уничтожить такую собственность, необходимой предпосылкой которой является отсутствие ее у громадного большинства членов общества.

Словом, вы упрекаете нас в том, что мы хотим уничтожить вашу собственность. И, действительно, мы хотим этого.

С той минуты, когда работа не будет более превращаться в капитал, деньги, — в поземельную ренту, короче—в общественную силу, которая может быть монополизированной, т.-е. с той минуты, когда личная собственность не будет превращаться в собственность буржуазную, с той минуты, заявляете вы, человеческая личность будет уничтожена.

Вы сами сознаетесь, таким образом, что под человеческою личностью вы понимаете только буржуа, обладателя буржуазной собственности. Такая личность, действительно, должна быть уничтожена.

Коммунизм никому не помешает присвоить себе общественные продукты, он устранит только возможность пользоваться этим присвоением для подчинения чужого труда.

Возражают также, что с уничтожением частной собственности прекратится всякая деятельность и воцарится всеобщая лень.

Если бы это опасение было основательно, то буржуазное общество давно уже должно было бы разрушиться,

благодаря всеобщей неохоте к труду; ведь трудящиеся его члены ничего не приобретают, а приобретающие не трудятся. Все эти опасения сводятся к простой тавтологии, что не будет наемного труда там, где не будет более капитала.

(К. Маркс и Фр. Энгельс. „Коммунистический Манифест“ 2 изд. Гиз 1923 г. под общей ред. Д. Рязанова, стр. 88—91.)

5. Каким должен быть новый общественный порядок.

Он возьмет, прежде всего, руководство промышленностью и отдельными отраслями производства из рук частных лиц, конкурирующих между собой, и передаст все эти отрасли производства в распоряжение всего общества, т.-е. поставит их под общественный контроль, по одному общему плану, при участии всех членов общества. Он уничтожит конкуренцию и заменит ее ассоциацией. Так как нахождение промышленности в частных руках имело своим необходимым следствием частную собственность, а конкуренция была не чем иным, как способом управления промышленностью через частных собственников, то частная собственность на отдельные промышленные предприятия неотделима от конкуренции. Следовательно, частная собственность тоже будет уничтожена, и ее место заступит общественное пользование всеми средствами производства и распределение всех продуктов по общему согласию. Установится так называемая общность имуществ.

Уничтожение частной собственности—вот самое общее и точное определение преобразования всего общественного порядка вследствие развития промышленности. Оно поэтому вполне правильно выдвигается коммунистами, как главное требование.

(Фр. Энгельс. „Принципы коммунизма“—первоначальный проект „Коммунистического Манифеста“. Гиз. 1920 г., стр. 19—20.)

6. Каковы будут последствия окончательного уничтожения частной собственности.

Тем, что общество возьмет из рук частных капиталистов пользование всеми производительными силами и средствами обмена, а также обмен и распределение продуктов, и будет

управлять по плану, соответствующему наличным средствам и потребностям всего общества, будут устранены прежде всего все дурные последствия, связанные теперь с организацией крупной промышленности.

Кризисы отпадут; расширенное производство, которое при нынешнем общественном строе является перепроизводством и колоссальной причиной нищеты, тогда будет недостаточно и должно будет дальше расширяться. Вместо того чтобы вызвать нищету, перепроизводство свыше ближайших потребностей общества обеспечит удовлетворение потребностей всех, создаст новые потребности и одновременно средства для удовлетворения их. Оно будет условием и стимулом для нового прогресса, оно будет осуществлять этот прогресс, не приводя каждый раз в беспорядок весь общественный строй. Крупная промышленность, освобожденная от гнета частной собственности, разовьется в таких размерах, перед которыми современное состояние ее будет казаться таким же ничтожным, как мануфактурное в сравнении с крупной промышленностью наших дней. Это развитие промышленности предоставит в распоряжение общества достаточное количество продуктов для удовлетворения потребностей всех. Также и земледелие, усвоению которым сделанных улучшений и научных усовершенствований мешает гнет частной собственности и дробление землевладения, испытает небывалый подъем и обеспечит общество вполне достаточным количеством продуктов. Итак, общество будет получать достаточно продуктов для такого распределения их, при котором потребности всех членов его будут удовлетворены.

Разделение общества на различные, друг другу противоположные, классы станет при этом излишним. Но оно будет не только излишним, но и несовместимым с новым общественным строем. Существование классов возникло из разделения труда, и разделение труда в прежнем виде совершенно отпадет. Ибо для того, чтобы поднять на описанную высоту промышленное и земледельческое производство, недостаточно одних механических и химических вспомогательных средств. Должны быть в соответствующей мере развиты и способности людей, занятых применением этих средств. Крестьяне и мануфактурные рабочие

прошлого столетия совершенно изменили весь свой образ жизнии стали совсем другими людьми, после того как были захвачены крупной промышленностью; общественная организация производства и вызванное ею развитие создаст потребность в новых людях и создаст новых людей. Общественная организация производства не может быть проведена людьми нашего времени, из которых каждый подчинен какой-нибудь одной отрасли производства, прикован к ней, эксплоатируется ею, из которых каждый развивает только одну из своих способностей за счет всех других, знаком только с одной отраслью или лишь с одним ответвлением какой-нибудь отрасли производства.

Уже современная промышленность все меньше и меньше нуждается в таких людях. Обыкновенно и планомерно организованная промышленность предполагает людей, способности которых развиты всесторонне, которые способны охватывать взором всю систему промышленности. Уже ныне частью похороненное машинами разделение труда, делающее одного крестьянином, другого сапожником, третьего фабричным рабочим, четвертого биржевым спекулянтом, уничтожится совершенно. Воспитание позволит молодым людям быстро пройти всю систему производства, оно сделает их способными переходить поочередно из одной отрасли производства в другую в зависимости от потребностей общества или собственных влечений. Оно лишит их того одностороннего характера, который накладывается на каждого в отдельности современным разделением труда. Таким образом коммунистически-организованное общество даст возможность всем своим членам всесторонне использовать свои всесторонне развитые способности. Вместе с тем, разумеется, исчезнут и отдельные классы. Итак коммунистически-организованное общество несовместимо с существованием классов, с одной стороны, и с другой—создание этого общества является средством уничтожения классовых различий.

Отсюда следует, что противоположность между городом и деревней также уничтожается. Организация земледелия и промышленности теми же самыми людьми, но не двумя различными классами, уже по материальным причинам есть необходимое условие коммунистической ассоциации. Рассеяние земледельческого населения по всей стране на-ряду

с скоплением промышленного в крупных городах есть состояние, соответствующее еще неразвитой ступени земледелия и промышленности,—препятствие дальнейшему развитию, дающее себя чувствовать уже и теперь.

Всеобщее соединение всех членов общества для совместной и планомерной эксплоатации производительных сил, расширение производства до той степени, когда оно будет удовлетворять потребность всех, прекращение того состояния, при котором потребности одних удовлетворяются за счет других, полное уничтожение классов и противоположностей между ними, всестороннее развитие способностей всех членов общества путем уничтожения существовавшего до сих пор разделения труда, путем промышленного воспитания, путем смены родов деятельности, путем участия всех в произведенных всеми благах, путем слияния города и деревни,—таковы главные результаты уничтожения частной собственности.

(Фр. Энгельс. „Принципы коммунизма"—первоначальный проект „Коммунистического Манифеста". Гиз. 1920 г., стр. 25—27.)

7. Судьба мелкой собственности при социализме.

Наши противники, которые лучше, чем мы сами, знают, чего мы хотим, и которые могут изобразить „государство будущего" с большей определенностью, чем мы, нашли, далее, что социал-демократия не иначе утвердит свое господство, как путем экспроприации (лишения собственности) ремесленников и крестьян, у которых будет конфисковано (отнято без вознаграждения) все,—не только двор и дом, но и необходимое движимое имущество, не составляющее предметов первой необходимости и даже вклады в сберегательные кассы. На-ряду с воображаемым нашим стремлением насильственно порвать всякие семейные связи, это является одним из главных козырей, выдвигаемых против нас.

На это следует заметить, что сущность социалистического общества никоим образом не требует подобной конфискации.

О конфискации ничего не говорит программа социал-демократии. И это не из осторожности, чтобы не произвести отталкивающего действия, но просто потому, что об этом

ничего нельзя сказать определенного. С определенностью можно только заявить, что тенденция экономического развития делает необходимым переход *крупных предприятий* в общественную собственность и общественное заведывание. Каким путем совершится этот переход—явится ли неизбежная экспроприация конфискацией или выкупом, совершится ли она мирным или насильственным путем, все это вопросы, на которые ни один человек не может дать ответа. Точно так же и ссылка на прошлое здесь может помочь очень мало. Переход этот может совершиться самым различным образом, подобно тому как и уничтожение феодальных повинностей в различных странах протекало различнейшим образом. Характер перехода зависит от общих условий, в которых он совершится,—от силы и сознания каждого из заинтересованных классов и т. д., т.-е. всецело от тех условий, которых нельзя учесть заранее. В историческом развитии играет самую большую роль неожиданность.

Само собой понятно, что социал-демократы желают, чтобы ставшая неизбежной экспроприация крупных предприятий произошла, насколько возможно, безболезненно, мирным путем и при всестороннем согласии. Однако историческое событие определяется так же мало нашими желаниями, как и желаниями наших противников.

Ни в коем случае нельзя сказать, чтобы проведение социал-демократической программы требовало безусловно конфискации той собственности, экспроприация которой сделалась необходимой.

Но зато можно сказать с определенностью, что экономическое развитие делает необходимой только экспроприацию одной *части* существующей собственности. То, чего оно требует, это—общественной собственности на *средства производства*; частная собственность на *средства личного потребления* этим вовсе не затрагивается. Это относится не только к средствам существования, мебели и т. д. Вспомните о том, что говорилось в предыдущей главе по поводу сберегательных касс. Они являются средством передать собственность некапиталистических классов в распоряжение капиталистов. Каждый из небольших вкладов в кассу сам по себе слишком незначителен для того, чтобы завести капиталистическое предприятие. Только путем соединения

этих вкладов получается для них возможность выполнить функции капитала. Но по мере того, как капиталистические предприятия будут переходить в собственность общества, сократится возможность получать проценты с вкладов в сберегательные кассы. Они перестанут быть капиталом и станут простым *сбережением, не приносящим процентов*, фондом потребления. Но это нечто совершенно другое, чем *конфискация* сбережений.

Подобная конфискация, однако, не нужна не только из экономических оснований, но она невероятна еще и *по политическим* соображениям. Ибо небольшие сбережения по большей части принадлежат классам эксплоатируемым, тем самым классам, сила которых только и может ввести социализм в обществе. Только тот, кто считает эти классы абсолютно невменяемыми, может думать, что они, стремясь получить в свои руки средства производства, начнут с того, что сами себя лишат своих последних грошей.

Но переход к социалистическому производству не только не обусловливает экспроприации средств потребления, но он не требует также экспроприации у всех владельцев *средств производства*.

Ведь необходимость социалистического общества вызывается *крупным производством*. Коллективное производство требует также и коллективной собственности на средства производства. Но как частная собственность на средства производства стоит в противоречии с коллективным трудом в крупных предприятиях, точно так же и коллективная или общественная собственность на средства производства находится в противоречии с мелким производством.

Последнее требует, как мы видели, для себя частной собственности на средства производства. Уничтожение ее для мелких предприятий было бы тем менее целесообразно, что тенденция социализма направлена к передаче во владение рабочих необходимых средств производства. Следовательно, для мелких предприятий экспроприация средств производства кончилась бы только тем, что их отняли бы у теперешних владельцев, для того, чтобы им же возвратить их обратно, что явилось бы совершенно бессмыслицей.

Поэтому переход к социалистическому обществу ни в коем случае не требует экспроприации мелких ремеслен-

ников и мелких крестьян. Этот переход не только у них ничего не отнимет, но, напротив, даст им еще известные выгоды. В самом деле, так как социалистическое общество вносит тенденцию к замене товарного производства производством для прямого потребления,—как это мы видели,—то он должен стремиться к тому, чтобы все общественные повинности—налоги и проценты на перешедшие в собственность общества ипотеки, поскольку эти последние не будут вовсе уничтожены, превратить из формы *денежных повинностей в натуральные*—хлеб, вино, скот и т. п. А это для крестьян является огромным облегчением. Часто уже и теперь они стремятся к такой замене. Но последняя невозможна при господстве товарного производства. Только социалистическое общество может ее ввести и этим устранить главную причину разорения крестьянского хозяйства.

Именно *капиталисты,* как это мы видели, фактически экспроприируют крестьян и ремесленников. *Социалистическое общество положит конец этой экспроприации.*

Конечно, экономическое развитие не будет задержано социализмом. Напротив, последний является единственным средством, облегчающим ход этого развития дальше известных пределов. Как и в современном обществе, так же и в социалистическом, больше и больше будет развиваться крупное производство, поглощая мелкое. Направление развития остается тем же, но социализм уничтожает все те отвратительные и мучительные явления, которыми сопровождается процесс этого развития в современном обществе, и направляет выгоды этого развития в пользование всех.

В настоящее время превращение крестьянина или ремесленника из рабочего мелкого производства в рабочего крупного производства есть превращение его из *собственника* в *пролетария.* В социалистическом обществе, напротив, крестьянин или ремесленник, переходящий к труду в крупном коллективном предприятии, становится участником всех выгод крупного производства, положение его значительно улучшится, переход его из мелкого производства в крупное, уже не будет превращением собственника в пролетария, но превращением малоимущего в многоимущего.

Мелкое производство безвозвратно обречено на гибель. Но только социал-демократия дает возможность крестья-

нам и ремесленникам в их совокупности превратиться в рабочих крупного производства, не падая в то же время до положения пролетариата. Только в социалистическом обществе ставшее неизбежным разложение крестьянского сельского хозяйства и ремесла означает улучшение положения крестьян и ремесленников.

Двигательную силу экономического развития будет представлять уже не конкуренция, истребляющая остальные предприятия и экспроприирующая их владельцев, но та притягательная *сила*, которую более развитые предприятия и формы производства будут оказывать на рабочих отсталых предприятий и форм производства.

Этот характер развития не только безболезнен, но и совершается гораздо быстрее, чем тот, который обусловливался конкуренцией. В настоящее время, когда введение новых высших форм производства не может совершиться без экспроприации владельцев отсталых предприятий, без лишений и страданий огромных рабочих масс, которые становятся лишними, каждый шаг по пути экономического прогресса встречает упорное сопротивление. Мы видели, как крепко держатся еще нередко производители за самые отсталые формы производства, как отчаянно цепляются за них, пока в них есть еще хоть капля силы. Еще никогда ни один способ производства не был так революционен, как современный; еще ни один способ производства не создал в течение какого-нибудь столетия таких гигантских переворотов во всех областях человеческой деятельности, и тем не менее еще как много сохранилось развалин устарелых, переживших себя, форм производства!

Как только исчезнет страх быть брошенным с потерей самостоятельного хозяйства в ряды пролетариата; как только выгоды общественного крупного производства дадут себя почувствовать всем его участникам в самых различных областях; как только каждому будет предоставлена возможность принять участие в этих выгодах,—одни только глупые люди будут тогда стремиться сохранить устарелые формы производства.

Что не удалось крупной капиталистической промышленности в течение столетий, того достигнет социалистическое крупное производство в самое короткое время, именно

поглощение отсталых мелких предприятий. Оно достигнет этого без экспроприации, при помощи притягательной силы более выгодных предприятий.

Где крестьянское производство еще не стало производством товарным, но является преимущественно производством для собственного потребления, там крестьянское сельское хозяйство, может быть, еще в течение некоторого времени будет продолжаться и в социалистическом обществе. Но, в конце концов, и в этих кругах населения поймут все выгоды крупного общественного производства.

Переход от мелкого производства к крупному в сельском хозяйстве будет ускоряться и облегчаться непрерывным уничтожением противоположности между городом и деревней, той тенденцией к перенесению промышленности в деревню, которая по необходимости окажется свойственной социалистическому обществу. К сожалению, мы должны ограничиться лишь этим указанием, так как более подробное изложение завело бы нас слишком далеко.

(К. Каутский „Эрфуртская Программа". Изд. „Коммунист" М. 1918. стр. 139—143.)

Предстоящее общественное преобразование впервые сделает общественный производственный и резервный фонд, т.-е. совокупность сырых материалов, орудий производства и жизненных средств, действительно общественным, изъяв его из владений привилегированного класса и передав его всему обществу, как общее достояние.

(Фр. Энгельс. „Анти-Дюринг".)

8. Социализм и мелкие производства.

Победы пролетариата не должны бояться не одни мелкие крестьяне, но и владельцы мелких предприятий вообще, также и ремесленных предприятий. Напротив.

Мы видели уже, что преобразование государства из института господства в институт культуры и переложение общественных повинностей на прибавочную стоимость, вернее на прибавочный продукт, прежде всего благодетельно именно для них.

Их положение в эпоху утверждения социалистического общества будет различно, смотря по тому, паразитарно или

нет их производство. Паразитарными мы называем такие мелкие производства, которые в техническом отношении давно уже отстали, а в экономическом совершенно излишни, за которые владельцы их держатся только потому, что существование чисто пролетарское кажется им еще менее обеспеченным и более жалким, чем их собственное, а то и потому, что они не имеют возможности жить наемным трудом. Как много мелких производств, особенно в посреднической торговле, основывается наемными рабочими, оставшимися без работы по какой-либо причине и заводящими с помощью кредита крошечные самостоятельные предприятия для того, чтобы не понизиться до уровня босяка.

Статистик считает безработными только тех, у кого нет в наличности никаких занятий; таких самое большее какая-нибудь сотня тысяч. Но если бы государство получило возможность доставить приличный заработок всем безработным, тогда пришлось бы удивляться тому, как прибыло бы число требующих труда и заработка от государства в качестве безработных. И напротив, число таких карликовых предприятий значительно сократилось бы.

Чем лучше положение рабочего в крупном производстве, чем короче его рабочий день, чем выше заработная плата и обеспеченнее доход, тем скорее владельцы паразитарных мелких производств откажутся от своего жалкого существования, поддерживаемого посредством реакционных экспериментов за счет общества, тем скорее решатся они покончить с своими устарелыми и ненужными предприятиями и стать работниками в предприятиях современных. Это сильно подымет число находящихся в распоряжении нации рабочих сил и уничтожит в то же время богатейший источник нужды и нищеты.

Рядом с производствами паразитарными имеются еще необходимые мелкие производства в отраслях, не завоеванных еще машиной, не предназначенных для массового производства. Можно спорить о том, какие из производств следует отнести к этой категории, да и условия технические меняются изо дня в день. Машина проникла уже и в художественное ремесло, считавшееся до сих пор прочным убежищем мелкого производства; проникла она и в булочные и сапожные заведения. Пожалуй, следует допустить, что

часть ремесел сохранится при начале социалистического строя, даже, что благодаря повышению благосостояния масс вновь оживут некоторые ремесла, при чем падет спрос на дешевые продукты массового производства и поднимется спрос на более дорогие, но более приспособленные к индивидуальным требованиям продукты ремесленного производства. В то же время вследствие пролетарской налоговой политики (поскольку еще можно будет говорить о налогах) уменьшится тягость повинностей, лежавших на ремесленнике. Общее его образование улучшится и умножатся случаи его более высокого технического и художественного развития. В этом смысле даже можно сказать, что социалистическое общество не только не основывается на полной гибели ремесла, но что оно приводит к новому расцвету некоторых его отраслей. Но это расцветшее ремесло получит совсем иной характер, чем теперешнее; оно составит только исключение из общего типа производства.

Огромная масса средств производства, и как раз имеющая решающее экономическое значение, станет общественной собственностью, производство станет общественным производством. Мелкий ремесленник, если даже он сохранит самостоятельность в своей мастерской, будет поставлен в полную зависимость от общества, которое одно будет ему поставлять сырой материал и орудия производства и почти всегда будет единственным покупщиком его продуктов. Ему придется приспособиться и подладиться к организации общественного производства и, несмотря на свою изолированность в мастерской, стать общественным работником.

Таким же образом пойдет вперед и крестьянское развитие. Бесчисленные обладатели карликовых предприятий с радостью откажутся от блеска своей самостоятельности и обладания имуществом, раз социалистическое крупное производство подаст им осязательные надежды.

Не носящие паразитарного характера крестьянские мелкие предприятия, те, которые продолжают выполнять важные в экономическом отношении функции, станут звеньями общественного производства, так же как предприятия ремесленные, даже если они и сохранят свое якобы изолированное положение. Они еще больше, чем ремесленные предприятия, усилят могущество общества, благодаря передаче

в руки государства ипотек и сельско-хозяйственной индустрии, в зависимости от которой находятся сельские хозяева.

Но крестьянам нечего бояться этой зависимости; она не повредит им. Зависеть от государства при демократическом режиме во всяком случае приятнее, чем подвергаться эксплоатации какой-либо пары сахарных королей. К тому же государство не только не отберет ничего от крестьянства—оно ему многое даст. Крестьяне и сельские рабочие при переходе общества из капиталистического строя в социалистический будут особенно ценными рабочими силами.

(К. Каутский. „Аграрный вопрос". Изд. Петровской библиотеки. М. 1906, стр. 395—397. Изд. „Пролетарий" 1923 г., стр. 315—317.)

9. Капитализм создает аппарат учета и распределения, нужный при социализме.

Капитализм создал *аппараты* учета в роде банков, синдикатов, почты, потребительных обществ, союзов служащих. *Без крупных банков социализм был бы неосуществим.*

Крупные банки есть тот „государственный аппарат", который нам *нужен* для осуществления социализма и который мы *берем готовым* у капитализма, при чем нашей задачей является здесь лишь *отсечь то, что капиталистически уродует* этот превосходный аппарат, сделать его еще *крупнее*, еще демократичнее, еще всеобъемлющее. Количество перейдет в качество. Единый крупнейший из крупнейших государственный банк с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике—это уже девять десятых *социалистического* аппарата. Это—общегосударственное *счетоводство*, общегосударственный *учет* производства и распределения продуктов, это так сказать нечто вроде *скелета* социалистического общества.

(Ленин. „Удержат ли большевики государственную власть". Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 231.)

10. Распределение продуктов в „государстве будущего".

Мы хотим остановиться еще на *одном* только пункте, касающемся государства будущего, именно на том, который кажется важнее всех.

Первый вопрос, который обыкновенно задает посторонний человек социалисту, таков: „как вы будете производить дележ ваших богатств? Неужели каждый получит то же и столько же, как и всякий другой?“

Дележ,—в этом сказывается филистер целиком. Дележом исчерпываются все его представления о социализме.

Не так давно еще самые образованные люди Германии думали, что коммунисты хотят все принадлежащие нации богатства разделить между народом.

Что такой взгляд мог так упорно держаться, несмотря на все протесты со стороны социал-демократии, этому виною является не одна только злонамеренность наших противников, но—и даже, может быть, в большей части—их неспособность понять отношения, созданные развитием крупной промышленности.

Их умственный кругозор все еще сплошь и рядом не идет дальше тех представлений, которые соответствуют мелкому производству. А с точки зрения мелкого производства дележ является единственной возможной формой своего рода социализма. И действительно, понятие дележа чрезвычайно близко мелкому буржуа и крестьянину.

Со времени возникновения товарного производства в древности, случалось бесчисленное множество раз, что, как только немногие семьи, купцы или землевладельцы, накопляли крупные богатства и повергали в нужду и зависимость от себя ремесленников и крестьян, эти последние стремились помочь себе путем изгнания богачей и дележа их имущества. Всего сто лет тому назад, во время французской революции, которая так резко подчеркивала право частной собственности, ремесленники и крестьяне поделили между собой, например, церковные имущества. *Дележ, это—социализм мелкого производства, социализм „консервативных“, „охранительных“ слоев народа, это не социализм пролетариата крупной промышленности.*

Понадобилось долгое время, но в конце концов все же удалось вдолбить даже в философские черепа немецкой нации сознание, что социал-демократы не хотят *делить*, но стремятся как раз к обратному—к *соединению* раздробленных в настоящее время между многими владельцами средств производства в руках общества.

Однако этим еще не был устранен вопрос о дележе. Если средства производства принадлежат обществу, то в его распоряжение, естественно, поступают также и продукты, добытые при помощи этих средств производства. Каким образом будет оно распределять эти продукты между своими членами? На основании принципа равенства или же соответственно затраченному каждым труду? В последнем случае, будет ли каждая работа определяться одинаковым вознаграждением,—безразлично, приятная эта работа или нет, трудная или легкая, требующая предварительных знаний или нет?

Ответ на этот вопрос кажется основным пунктом социализма. Не только наши противники усерднейшим образом постоянно выдвигают его, но даже и сами прежние социалисты уделяли вопросу о дележе продуктов наибольшее внимание. От Фурье до Вейтлинга и от Вейтлинга до Беллями протекает целый ряд самых разнообразных попыток решить этот вопрос, попыток, свидетельствующих нередко об удивительном остроумии их авторов. В „положительных проектах“ тоже нет недостатка, при чем из них многие настолько же просты, как и практичны.

Однако этот вопрос далеко не представляет такой важности, какую ему так часто приписывают.

Прежде обыкновенно распределение продуктов рассматривали как нечто вполне независимое от производства. так как противоречия и недостатки капиталистического способа производства впервые выступили в характерном для него способе распределения продуктов, то было вполне естественно, что эксплоатируемые и их друзья видели к рень всего зла в „несправедливом“ распределении пр дуктов.

Само собой разумеется, они предполагали, соответственно воззрениям, господствовавшим в начале прошлого столетия, что распределение является следствием господствующих „идей“, правовых понятий. Следовательно, чтобы устранить несправедливое распределение, стоило только придумать лучшее и более справедливое и убедить мир в его выгодности. Справедливое же распределение не могло быть ничем иным, как противоположностью существующего. В настоящее время господствует самое ужасное *неравенство;* поэтому,

думали одни, принципом распределения должно быть *равенство.*

В настоящее время тунеядец утопает в богатстве, а рабочий бедствует, поэтому, взывали другие, *каждому—по его работе* (или в новейшей форме: *каждому—продукт его труда).* Но как та, так и другая формула вызвали сомнения, и таким образом возникла третья: *каждому—по его потребностям.*

С тех пор социалисты пришли к сознанию, что распределение продуктов в обществе обусловливается не господствующими в нем правовыми воззрениями и формулами, но господствующим способом производства. Доли землевладельцев, капиталистов и наемных рабочих в общем продукте определяются в современном обществе той ролью, которую в современном способе производства играют земля, предметы капиталистического владения и рабочая сила.

Конечно, в социалистическом обществе распределение продуктов будет совершаться не по слепо действующим законам, которые осуществляются помимо сознания участников. Подобно тому как в настоящее время в каком-нибудь крупном промышленном предприятии производство и уплата заработка организованы обдуманно и планомерно, так это должно будет происходить и в социалистическом обществе, являющемся не чем иным, как единым огромным промышленным предприятием. Правила, на основании которых будет совершаться распределение продуктов, будут устанавливаться самими участниками. Но не от их произвола будет зависеть, какие правила они пожелают установить,— эти правила не могут быть произвольно выдуманы соответственно тому или иному „принципу“, но они будут определяться фактическими отношениями, господствующими в обществе, и прежде всего отношениями *производства.*

Так, например, достигнутая высота производительности труда будет иметь наибольшее влияние на способ распределения продуктов труда. Можно себе представить, что применение науки в промышленности современем создаст настолько высокую производительность труда, что люди будут обладать в избытке всем необходимым; тогда и формула: „Каждому—по его потребностям“, будет проведена без всякого затруднения, почти сама собой. Напротив, даже

самое глубокое убеждение в справедливости этой формулы не в силах будет ее провести, если производительность труда останется настолько ничтожной, что без чрезмерной затраты труда будет производиться не больше, чем это безусловно необходимо.

Формула: „Каждому — продукт его труда“, во всяком случае разобьется о потребности производства. Ибо, если эта формула имеет какой-либо смысл, то она предполагает, что весь данный продукт общественного труда распределяется между членами социалистического общества. Это представление, как и представление о великом разделе, который якобы должен явиться переходом к социалистическому порядку, вращается в круге идей, порождаемых современной частной собственностью. Из года в год делить все продукты—это значило бы постепенно вновь восстановить частную собственность на средства производства.

Сущность социалистического производства делает необходимым, чтобы только некоторая *часть* полученных в данное время продуктов подлежала распределению. Все те продукты, которые предназначены для продолжения и расширения *производства* (равно как и для покрытия могущих случиться убытков), само собою разумеется, не подлежат распределению. Точно так же не подлежат ему и те продукты, которые служат для *общественного потребления*, т.-е. для основания, содержания или расширения общественных учреждений—воспитательных, учебных, лечебных, предназначенных для отдыха, развлечения и т. п.

Число и размеры подобных институтов уже и в современном обществе постоянно возрастают, и в этой области крупное производство все более вытесняет мелкое,—в данном случае семью. В социалистическом обществе это развитие, естественно, будет не тормозиться, а поощряться.

Поэтому число продуктов, которые могут перейти в частное потребление, — в частную собственность, — будет в социалистическом обществе *по отношению ко всей массе продуктов* гораздо меньшим, чем в современном обществе, где почти все продукты являются товарами, т.-е. частной собственностью. Распределяться будет не весь почти продукт, как в наше время, а только некоторый его остаток.

Однако и этим остатком социалистическое общество не сможет распоряжаться вполне произвольно; точно так же и в его распределении руководством будут служить потребности продолжения производства. И так как производство будет испытывать постоянное развитие и преобразование, то уже в силу одного этого формы и способы распределения продуктов в социалистическом обществе будут подвергаться разнообразным изменениям.

Совершенно утопично думать, что следует изобрести какую-то особую систему распределения, которая затем служила бы руководством на вечные времена. В этой области, так же как и во всех других, социалистическое общество не сделает никакого скачка, а будет исходить из существующего. Распределение имуществ в социалистическом обществе, насколько можно предвидеть, может происходить только в таких формах, которые будут представлять собой дальнейшее развитие существующих в наше время *форм заработной платы.* Из них оно должно будет исходить. И как формы заработной платы изменяются не только с течением времени, но и в одно и то же время являются различными для различных отраслей труда и в различных местностях, точно так же вполне возможно, что и в социалистическом обществе—в зависимости от различных исторических традиций и обычаев, сохранивших свою силу среди населения, и от изменяющихся потребностей производства—будут встречаться друг подле друга самые разнообразные формы распределения продуктов.

Социалистическое общество следует представлять себе не в виде чего-то застывшего или однообразного, а как строй, находящийся в полном ходу развития и одаренный тем богатством изменяющихся форм, которые с естественной необходимостью вытекают из роста разделения труда, мирового обмена и господства науки и искусства в обществе.

На-ряду с „дележом“ существует еще „равенство“, которое причиняет головам наших противников больше всего страданий. „Социал-демократы, — говорят они, — хотят, чтобы каждый получал равную долю в общем продукте. Следовательно, прилежный будет получать столько же, сколько ленивый; тяжелая и неприятная работа будет оплачиваться так же, как и легкая и приятная; чисто-механи-

ческий труд—так же, как и самое искусное творчество, требующее долголетней подготовки, и т. д. Естественно, при таких условиях каждый будет трудиться как можно меньше, никто не станет исполнять тяжелых и неприятных работ, никто не пожелает чему-нибудь учиться, и в результате явится полное расстройство общества—варварство. Отсюда ясно видна вся невыполнимость социал-демократических стремлений“.

Насколько бессмысленно это утверждение, едва ли нужно подробно рассматривать после того, что было уже нами сказано. Мы не так дальнозорки, как наши противники, и потому никак не можем высказаться с такою же определенностью, как они, установит ли „государство будущего“ полное равенство всех доходов или нет. Но если бы социалистическому обществу когда-нибудь пришло на мысль предписать подобное постановление и это постановление, действительно, повлекло бы за собой столь отчетливо предусмотренные нашими противниками ужасные последствия, то естественным результатом этого было бы то, что пришлось бы выбросить за борт не социалистическое производство, а... принцип равенства.

Наши противники только тогда имели бы право заключать от равенства доходов к неосуществимости социалистического общества, если бы им удалось доказать: 1) что это равенство ни в каком случае не совместимо с развитием производства. Этого доказательства они до сих пор не представили и никогда не смогут представить, так как проявление отдельного человека в производстве зависит не только от его вознаграждения, но и от различнейших обстоятельств, как чувство долга, честолюбие, соревнование, привычка, притягательная сила труда и т. д., о характере которых в будущем обществе мы можем делать только предположения, но не знаем ничего достоверного,—предположения, которые, к слову сказать, говорят не *за, а против* взгляда наших противников; но наши противники, кроме того, должны были бы еще доказать, что 2) равенство доходов необходимо обусловливается сущностью социалистического общества, так что подобное общество немыслимо без этого равенства. Но и этого доказательства им привести невозможно, ибо уже один взгляд на различные формы

коммунистического производства, существовавшие до сих пор—от первобытного коммунизма древнейших дикарей вплоть до общины-марки и домашних артелей наших крестьян—показывает, насколько разнообразные формы распределения продуктов совместимы с общей собственностью на средства производства. Все формы современного вознаграждения: постоянное жалование, плата по времени, поштучная плата, премия за работу, превышающую известную среднюю норму, различная оплата в различных отраслях деятельности, все эти формы вознаграждения, конечно, соответственно преобразованные,—совместимы с сущностью социалистического общества, и каждая из них может играть от времени до времени в различных социалистических обществах бо́льшую или меньшую роль, в зависимости от различных потребностей и привычек членов общества и потребностей производства.

Этим, однако, мы не думаем утверждать, что принцип *равенства* (которое не должно непременно быть однообразием) доходов или материальных условий жизни не будет играть роли в социалистических обществах; но он проявится не как цель какого-нибудь насильственного *уравнения*, вынужденного вопреки требованиям жизни, а как цель *естественного развития, как тенденция.*

В капиталистическом способе производства господствует тенденция как к увеличению, так и к уменьшению различия в доходах,—*к увеличению и к уменьшению неравенства.*

Внося разложение в средние слои и способствуя все большему усилению крупных капиталистов, этот способ производства заметным образом увеличивает ту пропасть, которая существует между *массой* населения и ее *верхами*. Последние все выше и выше поднимаются над нею,—все недоступнее и круче. Но одновременно тенденция капиталистического способа производства ведет все к большему и большему выравниванию существующих различий доходов внутри массы населения. Капиталистический способ производства бросает не только крестьян и мелких буржуа в ряды пролетариата или понижает их доходы до пролетарского уровня, но даже и в недрах самого пролетариата он все больше уничтожает существующие различия.

Машина все более стремится к тому, чтобы уничтожить те различия в заработке разных слоев рабочих, которые создавались в период господства ремесла, а также и мануфактуры, вследствие более или менее продолжительного срока обучения, большего или меньшего предложения рабочей силы, большей или меньшей прочности организации, и которые при устойчивости форм производства, существовавших до введения машин, превратились в настоящие крепко укоренившиеся различия. В настоящее время различия в высоте заработной платы разнообразных слоев рабочих непрерывно изменяются и все больше уравниваются. Одновременно с этим доходы лиц, занимающихся умственным трудом, начинают также, как мы видели, становиться все больше одинаковыми с доходами пролетариев: это уравнивание, которое наши противники клеймят с величайшим нравственным негодованием, как цель социал-демократии, совершается в современном обществе на их глазах

В социалистическом обществе, естественно, прекратятся все те тенденции к увеличению неравенства, которые вытекают из частной собственности на средства производства. Напротив, тем сильнее получит свое выражение в этом обществе тенденция к уравниванию различий в доходах. В настоящее время совершается уравнивание доходов больших масс населения таким путем, что более высокие доходы *понижаются* до уровня низких. В социалистическом же обществе, естественно, эта тенденция будет осуществляться таким образом, что более низкие доходы *повысятся* и сравняются с более высокими.

Наши противники стараются застращать рабочих и мелких буржуа, говоря, что уравнивание доходов только ухудшило бы их положение, так как общего дохода состоятельных классов не хватило бы, чтобы путем раздела его между беднейшими классами поднять доходы последних на высоту среднего дохода рабочего класса. Следовательно, в интересах „равенства“ лучше обставленным рабочим и мелким буржуа пришлось бы отдать кое-что из своего дохода. Благодаря социализму, они потеряли бы, вместо того чтобы выиграть.

В этом верно лишь то, что число наиболее бедствующих и прежде всего пролетариев-босяков, в настоящее время,

несомненно, настолько велико и их нужда настолько вопиюща, что едва ли было бы достаточно разделить между ними огромные доходы богачей, чтобы сделать возможным для них такое же существование, как у более зажиточного рабочего. Но является ли это, действительно, основанием, делающим особенно необходимым сохранение нашего прекрасного общества, это кажется нам, во всяком случае, сомнительным. Нам думается, что одно *улучшение* бедственного положения, которое было бы вызвано таким распределением, означало бы шаг вперед.

Однако ведь дело идет, как мы знаем, вовсе не о „дележе", но об изменении *способа производства. Переход же от капиталистического производства к социалистическому безусловно должен вызвать быстрый рост массы ежегодно производимых продуктов.*

Не забудем, что капиталистическое товарное производство сделалось препятствием экономическому развитию, препятствием полному расцвету производительных сил современного общества. Оно не только не в состоянии поглощать мелкие предприятия в той мере, в какой это позволяет и даже требует техническое развитие, оно не имеет больше даже возможности употребить все наличные рабочие силы. Оно растрачивает эти последние, вытесняя все большую часть их в ряды безработных пролетариев—босяков, паразитов, непроизводительных торговых посредников, и откармливая другую их часть в постоянных армиях без всякой пользы для производства.

Социалистическое общество нашло бы производительную работу для всех этих рабочих сил; оно значительно увеличило бы число занятых в производстве рабочих, может-быть удвоило бы их, увеличив в таком же размере и общее количество годичных продуктов. Одного уже этого расширения производства было бы достаточно, чтобы повысить доходы всех рабочих, а не только наиболее бедных среди них.

Но благодаря переходу к социалистическому производству, как уже было изложено, сильно ускорился бы процесс поглощения мелких предприятий и их замены крупными, а вместе с тем значительно повысилась бы и производительность труда вообще. Стало бы возможным не только увеличить доходы рабочего, но и сократить рабочее время.

Поэтому совершенно бессмысленно утверждать, будто бы социализм означает равенство нищенской суммы для всех. Это равенство является тенденцией не социализма, а современного способа производства. Переход к социалистическому производству должен будет с естественной необходимостью принести с собой повышение благосостояния *всех трудящихся классов,* в том числе крестьян и мелких буржуа. В зависимости от тех обстоятельств и экономических отношений, при которых совершится такой переход, это повышение будет большим или меньшим, но во всяком случае *заметным.* И всякий дальнейший экономический прогресс с этого момента будет уже содействовать *увеличению* общего благосостояния, а не его *уменьшению,* как это происходит в наши дни.

Этот поворот в направлении развития доходов кажется нам еще более важным для благосостояния общества, чем абсолютное увеличение доходов. Ибо мыслящий человек живет не столько в настоящем, сколько в будущем; угрозы или обещания последнего занимают его больше, чем наслаждения минутой. Не *бытие,* но *развитие,* не *состояние,* но *тенденции* решают вопрос о счастии или несчастии отдельного человека и целого общества.

Мы узнаем здесь еще одну новую сторону превосходства социалистического общества над капиталистическим. Оно дает не только *повышение благосостояния,* но и *обеспеченность существования,* такую обеспеченность, какой в настоящее время не может гарантировать даже величайшее богатство. Если увеличение благосостояния касается только тех, которые до сих пор эксплоатировались, то обеспечение существования явится достойным благодарности даром даже и для нынешних эксплоататоров, для тех, довольство которых не нуждается в повышении, а часто и неспособно более к нему. Необеспеченность тяготеет как над богатыми, так и над бедными, и она может быть еще более мучительна, чем самая нужда; она заставляет мысленно чувствовать нужду тех, кто еще не испытывает ее; она является призраком, от которого не избавлены даже и дворцы.

Всем исследователям, которые знакомились с коммунистическими общинами, например: с индийскими или русскими сельскими общинами (до их разложения вследствие

товарного производства, посягательств со стороны государства, денежного хозяйства и его следствия—ростовщичества), или же с крестьянскими домашними артелями, сохранившимися еще доныне среди южных славян, прежде всего бросалось в глаза чувство спокойствия, уверенности, душевного равновесия, свойственное всем их членам. Совершенно независимо от всевозможных колебаний товарного рынка, вполне располагая своими средствами производства, они удовлетворяются собственными силами, регулируют труд сообразно своим потребностям и заранее знают, чего им следует ожидать.

И всеже далеко не полной была обеспеченность, которую давали эти первобытные коммунистические общества. Их власть над природой была ничтожна, сами же общины были малы. Убытки, причиняемые падежами скота, неурожаями, наводнениями и т. п., случались нередко, и тогда постигали всю общину. Насколько же будет обеспеченнее, напротив, социалистическая община, обладающая размерами современного государства, имеющего в своем распоряжении все приобретения современной науки!

(К. Каутский. „Эрфуртская Программа". Изд. „Коммунист". М. 1918, стр. 143—153.)

11. „Оплата" простого и сложного труда в социалистическом обществе.

Для социализма, который хочет эмансипировать человеческую рабочую силу от ее роли товара, весьма важное значение имеет то соображение, что труд не имеет ценности и не может иметь ее. Вместе с ним становятся бесмыссленными все попытки, перешедшие по наследству к г. Дюрингу от стихийного рабочего социализма, который полагал регулировать в будущем распределение средств существования посредством установления особого рода высшей заработной платы. Настоящий социализм, напротив, предполагает, что распределение, поскольку оно управляется чисто экономическими соображениями, будет регулироваться интересами производства, а развитию производства наиболее способствует такой способ распределения, который позволяет всем членам общества возможно всесторонне развить, сохра-

нить и применить свои способности. Унаследованному же г. Дюрингом образу мышления образованных классов должно, конечно, казаться чудовищным, что настанет время, когда не будет ни извозчиков, ни архитекторов по профессии, и что человек, который распоряжался в течение ½ часа как архитектор, будет затем править лошадью в качестве извозчика, пока не явится опять необходимость в его деятельности как архитектора. Хорош был бы социализм, увековечивающий должность извозчика, как специальную профессию!

Если равноценность рабочего времени должна иметь тот смысл, что каждый работник в равные промежутки времени производит равные ценности и что нет необходимости для определения ценности принимать в расчет какую-либо среднюю норму, то это, очевидно, неверно. Ценность продукта одного часа труда двух работников, хотя бы одной и той же отрасли промышленности, всегда окажется различна, смотря по интенсивности труда и по искусству работника; этой беде, которая, впрочем, может казаться таковой только таким социалистам, как г. Дюринг,—не может помочь никакая хозяйственная коммуна, по крайней мере, на нашей планете. Что же остается, следовательно, от всей равноценности всякого труда? Не более, как задорная фраза, неимеющая иной экономической основы, кроме неспособности г. Дюринга провести различие между определением ценности трудом и определением ценности заработной платой. Он в сущности написал указ, основной закон новой хозяйственной коммуны: заработная плата за равный труд должна быть равна. Но ведь старые французские рабочие-коммунисты и Вейтлинг приводили гораздо лучшие доводы в пользу такого равенства заработной платы.

Как же разрешается весь важный вопрос о высшей оплате сложного труда? В обществе частных производителей издержки по образованию обученного рабочего падают на частных лиц или их семейства, поэтому и частным лицам ближайшим образом достается высшая плата за обученную рабочую силу; как прежде обученный раб продавался дороже, так теперь обученный наемный рабочий оплачивается по высшей цене. В обществе, организованном социалистически, эти издержки оплачивает общество, поэтому ему

принадлежат и результаты их, т.-е. созданные более сложным трудом высшие ценности. Сам рабочий не может претендовать ни на какой избыток,—из чего, между прочим, следует вывод, что и излюбленное притязание работника на „весь продукт труда“ тоже иной раз оказывается не совсем неуязвимым.

(Фр. Энгельс. „Анти-Дюринг“. Изд. Петр. Совдепа 1918 г., стр. 179—180.)

12. Как решается вопрос об еде и жилище при социализме.

Мне, во всяком случае, не приходит в голову решать *вопрос* о жилище, точно также, как я не стану заниматься деталями еще более важного *вопроса* об *еде*. Я удовольствуюсь тем, что могу показать, что производство нашего современного общества достаточно для доставления еды всем его членам, и что имеется достаточно домов, чтобы трудящимся массам предоставлены были поместительные и здоровые жилища. Рассуждение же о том, как именно будущее общество будет регулировать распределение еды и жилищ, приводит нас прямым путем в область утопии. Самое большое, что мы можем, это утверждать, на основании исследования основных условий всех существовавших доселе способов производства, что с падением капиталистического способа производства исчезнут формы присвоения старого общества. Даже переходные мероприятия должны будут везде быть сообразованы с существующими в тот момент отношениями и в странах мелкого землевладения должны будут существенно отличаться от мер, принятых в странах с крупной земельной собственностью, и т. д.

(Фр. Энгельс. Жилищный вопрос. Гиз. 1920., стр. 94.)

13. Жилищный вопрос.

Как же разрешается жилищный вопрос? В современном обществе он разрешается, как всякий другой общественный вопрос, постепенным экономическим выравниванием спроса и предложения,—такое решение вновь вызывает всякий раз самый вопрос,—это, словом, вовсе не решение. Способ раз-

решения этого вопроса социальной революцией зависит не только от условий времени и места, но и от решения гораздо более основных проблем, среди которых одной из существеннейших является уничтожение различия между городом и деревней. Так как мы не собираемся создавать утопической системы будущего устройства общества, то было бы более чем бесполезно итти так далеко. Несомненно только, что уже и теперь в крупных городах достаточно зданий для жилья, чтобы при разумном использовании их тотчас устранить действительную „жилищную нужду“ (в смысле недостатка жилищ). Для этого нужно, конечно, экспроприировать нынешних владельцев, иначе сказать, заселить их дома беспriютными или живущими слишком скученно рабочими, и, едва пролетариат завоюет политическую власть, эта мера, настоятельно требуемая общественным благом, будет так же легко осуществлена, как и другого рода экспроприации и принудительный постой, к которым прибегает современное государство.

(Фр. Энгельс. „Жилищный вопрос“. Гиз. П. 1920, стр. 30.)

14. „Всякий по своим способностям, всякому по его потребностям“.

В обществе, основанном на принадлежности средств производства всему обществу, производители не обмениваются своими продуктами. Равным образом и труд, употребленный на производство продуктов, не проявляется в виде ценности, как бы свойственной самим продуктам, так как здесь в противоположность капиталистическому обществу работа отдельного лица является частью коллективного труда не косвенно, а непосредственно. Выражение „продукт труда рабочего“, уж и теперь негодное в виду своей двусмысленности, теряет таким образом всякий смысл.

Здесь мы говорим о коммунистическом обществе, которое не *развивалось* на собственных своих основаниях, а только что *вышло*, наоборот, из капиталистического общества,—об обществе, носящем поэтому во всех отношениях, экономическом, моральном и умственном, резкий отпечаток отличительных свойств старого общества, из недр которого оно

появилось на свет. Сообразно с этим всякий производитель лично получает (после сделанных вычетов) в точности то, что он дает обществу. То, что он ему дал, есть количество его индивидуального труда. Например, общественный рабочий день представляет сумму рабочих часов отдельных лиц: индивидуальное рабочее время отдельного производителя составляют часы, вложенные им в общий рабочий день, его долю—этого дня. Он получает от общества удостоверение в том, что доставил столько-то и столько-то труда, за вычетом из его труда того, что идет в общественный фонд и по представлении этого удостоверения получает из общественных магазинов такое количество предметов потребления, которое стоит того же количества труда. То самое количество труда, которое он доставил в одной форме, он извлекает от общества в другой.

Господствующий здесь принцип, очевидно, тот самый, который регулирует обмен товаров, поскольку обмениваются одинаковые ценности. Содержание и форма изменились потому, что, в силу изменившихся условий, никто не может давать ничего кроме своего труда и что, с другой стороны, только предметы личного потребления могут находиться в собственности отдельного лица. Но что касается до распределения этих предметов между производителями, то господствующий здесь принцип тот же, что и при обмене товарных эквивалентов: определенное количество труда в одной форме обменивается на то же количество труда в другой форме.

Равное право в принципе остается еще все тем же *буржуазным правом* с тою разницею, что теория и практика уже не воюют друг с другом, как в настоящее время, когда при обращении товаров обмен эквивалентов не существует для отдельных сделок и проявляется лишь в средних общих числах.

Несмотря на прогресс, это „равное право“ еще сохраняет свою буржуазную ограниченность. Право производителей *пропорционально* доставленному ими труду, равенство состоит здесь в употреблении общего для всех мерила— труда.

Но один человек сильнее другого физически или духовно и может поэтому сделать больше в тот же проме-

жуток времени или работать дольше, и труд, чтобы служить мерилом, должен учитываться сообразно со своей продолжительностью или интенсивностью, без чего немедленно прекратилась бы его роль измерителя.

Равное право является неравным правом за неравный труд. Оно не знает классовых различий, потому что все люди являются только работниками того же порядка, но оно молчаливо признает естественные привилегии неравенства индивидуальных способностей, а следовательно и производительных способностей индивидуумов.

По своему содержанию, следовательно, это право, как и всякое право, является правом неравенства.

По самой природе своей право есть лишь применение одинакового масштаба. Но неравные индивидуумы (а они не были бы различными индивидуумами, если бы не были неравными) измеримы одинаковым масштабом, лишь поскольку их всех рассматривают с одной точки зрения, берут с одной определенной стороны — в данном случае, поскольку их рассматривают *только как работников*, не видя в них ничего другого и отвлекаясь от всего остального. Помимо этого, один работник женат, другой нет; у одного больше детей, у другого меньше и пр. При равном труде, следовательно, при равном участии в общественном потребительном фонде, один получит на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого и т. д.; чтобы избежать всего этого, право, вместо того чтобы быть равным, должно бы быть неравным.

Но эти недостатки неизбежны в первом фазисе коммунистического общества, только что вышедшего после долгих родовых мук из капиталистического. Право никогда не может стоять выше экономического строения и обусловленного им культурного развития общества.

На высшей ступени развития коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее подчинение человека закону разделения труда, а вместе с ним и противоположность умственного и физического труда, и труд, перестав быть только средством для жизни, сам сделается первой потребностью жизни; когда вместе со всесторонним развитием индивидуумов разрастутся производительные силы и все источники общественного богатства будут литься широкой рекой,—только тогда впервые раздвинется узкий

горизонт буржуазного права, и общество напишет на своем знамени: „Всякий по своим способностям, всякому по его потребностям!“

Я подробнее остановился как на полном продукте труда рабочего, так и на „равном праве“ и „справедливом распределении“, чтобы показать, какое преступление хотят совершить, с одной стороны, снова навязывая нашей партии, в виде догматов, представления, имевшие когда-то некоторый смысл, но теперь превратившиеся в устарелый негодный хлам, а с другой стороны—стараясь вытеснить реалистическое понимание, с таким трудом внесенное в умы нашей партии, но теперь уже пустившее корни, чтобы снова заменить его ходкими идеологическими фразами демократов и французских социалистов о праве и всем прочем.

Помимо только что сказанного, видеть в так называемом *распределении* сущность дела и на нем ставить главное ударение вообще ошибочно.

Любое распределение средств потребления есть лишь *производное* следствие распределения самих средств производства. А распределение этих последних составляет характер самого способа производства. Капиталистический способ производства, например, опирается на принадлежности всех вещественных условий производства—капиталов и земли—лицам неработающим, тогда как масса населения остается собственницей только личных условий производства, то-есть своей рабочей силы. Раз дано это распределение факторов производства, современное распределение предметов потребления вытекает само собою. Как само собою же вытекает отличное от нынешнего распределение предметов потребления, когда условия и средства производства переходят в общественную собственность самих рабочих.

Вульгарный социализм (а благодаря ему и часть демократии) усвоил от буржуазных экономистов взгляд на распределение как на нечто совершенно независимое от способа производства и поэтому представляет себе задачи социализма главным образом в области распределения. Зачем возвращаться назад, когда действительные отношения давно выяснены.

(К. Маркс. „Критика Готской Программы“. Изд. Петросовета 1919 г., стр. 15—20.

15. О равенстве.

Г. либеральный профессор Туган-Барановский отправился в поход против социализма. На этот раз он подошел к вопросу не с политико-экономической стороны, а со стороны общих рассуждений о равенстве (может-быть, эти общие рассуждения показались профессору более подходящими для религиозно-философских собеседований, на которых он выступал?).

„Если взять социализм,—провозгласил г. Туган,—не как экономическую теорию, а как жизненный идеал, то несомненно он связан с идеалом равенства, но равенство—понятие... из опыта и разума не выводимое.“

Вот рассуждение либерального ученого, повторяющего невероятно избитые и затасканные доводы: дескать, опыт и разум свидетельствуют явно, что люди *не* равны, а социализм основывает свой идеал на равенстве. Значит, социализм, изволите видеть, нелепость, противоречит опыту и разуму, и так далее!

Г. Туган повторяет старый прием реакционеров: сначала извратить социализм, приписав ему нелепость, а потом победоносно опровергает нелепицы! Когда говорят, что опыт и разум свидетельствуют, что люди *не* равны, то под равенством разумеют равенство *способностей* или *одинаковость* физических сил и душевных способностей людей.

Само собою разумеется, что в этом смысле люди *не* равны. Ни один разумный человек и ни один социалист не забывает этого. Только к социализму *такое* равенство не имеет *никакого* отношения. Если г. Туган совсем не умеет думать, то во всяком случае он *умеет* читать, и, взявши известное сочинение одного из основателей научного социализма, Фридриха Энгельса, „Против Дюринга“, г. Туган мог бы прочесть там специальное разъяснение, что под равенством в области экономической глупо разуметь что-либо иное, кроме *уничтожения классов*. Но когда гг. профессора берутся опровергать социализм, то не знаешь, чему больше удивляться: их тупости, или их невежеству, или их недобросовестности.

Придется начинать с азов, раз имеешь дело с г. Туганом.

Под равенством социал-демократы в области политической разумеют *равноправие*, а в области экономической,

как уже указано, *уничтожение классов*. Об установлении же человеческого равенства в смысле равенства сил и способностей (телесных и душевных) социалисты и не помышляют.

Равноправие есть требование одинаковых политических прав для *всех* граждан государства, достигших известного возраста и не страдающих ни обыкновенным, ни либерально-профессорским слабоумием. Это требование выдвинуто впервые вовсе не социализмом, не пролетариатом, а *буржуазией*. Общеизвестный исторический опыт всех стран мира свидетельствует об этом, и г. Туган легко мог бы узнать это, если бы он не ссылался на „опыт“ исключительно в целях одурачения студентов и рабочих, в целях угождения власть имущим „уничтожением социализма“.

Буржуазия выдвинула требование *равенства* прав всех граждан в борьбе с средневековыми, феодальными, сословными привилегиями. В России, например, в отличие от Америки, от Швейцарии и т. п. и сейчас сохраняются привилегии сословия дворянского во всей политической жизни и на выборах в Государственный Совет, и на выборах в Думу, и в местном управлении, и в отношении налогов, и во многом, многом другом.

Даже самый недогадливый и неразвитый человек может сообразить, что отдельные люди, принадлежащие к дворянскому сословию, *не* равны по своим телесным и душевным способностям, как *не* равны между собой и люди, принадлежащие к „податному“, „черному“, „низшему“ или „непривилегированному“ крестьянскому сословию. Но по *правам* своим все дворяне *равны*, а все крестьяне равны по своему бесправию.

Понимает ли теперь г. ученый и либеральный профессор Туган разницу между равенством в смысле равноправия и равенством в смысле равенства сил и способностей?

Перейдем теперь к равенству в смысле экономическом. В Соединенных Штатах Америки, как и в других передовых государствах, средневековых привилегий нет. Все граждане равны в смысле политических прав. Но равны ли они *по положению в общественном производстве?*

Нет, г. Туган, не равны. Одни владеют землей, фабриками, капиталами и живут на счет неоплаченного труда рабочих;—таковых ничтожное меньшинство. Другие, именно

громадная масса населения, не имеют никаких средств производства и живут только продажей своей рабочей силы;— это пролетарии.

Дворян в Соединенных Штатах Америки нет, а буржуа и пролетарии имеют равные политические права. Но они *не* равны по своему *классовому* положению: одни, класс капиталистов, владеют средствами производства и живут на счет неоплаченного труда рабочих; другие, класс наемных рабочих, пролетариев, не имеют средств производства и живут продажей на рынке своей рабочей силы.

Уничтожить классы это значит—поставить *всех* граждан *в одинаковые* отношения *к средствам производства* всего общества, это значит—все граждане имеют *одинаковый* доступ к работе на общественных средствах производства, на общественной земле, на общественных фабриках и т. д.

Это разъяснение того, что такое социализм, необходимо было для просвещения ученого либерального профессора г. Тугана, который, может-быть, понатужившись, поймет теперь, что *равенства* сил и способностей людей в социалистическом обществе ждать нелепо.

Кратко говоря: когда социалисты говорят о равенстве, они понимают под ним всегда *общественное* равенство, равенство общественного положения, а никоим образом не равенство физических и душевных способностей отдельных личностей.

Читатель спросит, пожалуй, в недоумении: как могло быть, чтобы ученый либеральный профессор позабыл эти азбучные истины, известные всякому из любого изложения взглядов социализма. Ответ простой: *личные* особенности современных профессоров таковы, что среди них можно встретить даже редкостно-тупых людей в роде Тугана. Но *общественное* положение профессоров в буржуазном обществе таково, что пускают на эту должность только тех, кто продает науку на службу интересам капитала, только тех, кто соглашается против социалистов говорить самый невероятный вздор, бессовестнейшие нелепости и чепуху. Буржуазия все это простит профессорам, лишь бы они занимались „уничтожением“ социализма.

(Ленин. „Либеральный профессор о равенстве“. Собр. соч., т. XII, ч II, стр. 400—403).

В будущем обществе, где исчезнет антагонизм классов, где не будет и самих классов, не потребление будет зависеть от минимума времени, необходимого на производство, а наоборот, количество времени, которое будет посвящаться на производство того или иного предмета будет определяться степенью его полезности.

(К. Маркс. „Нищета философии".)

16. Уничтожение разницы между приятной и неприятной работой.

Раз сам пролетариат будет регулировать производство, эти причины, обусловливающие ныне приниженность рабочего класса, окажутся как раз факторами его поднятия. Благодаря именно простоте приемов обращения с машиною окажется возможным от времени до времени менять род работы, заставлять упражняться в разных отраслях деятельности различные мышцы и нервы, благодаря чему рабочий может освежаться и оживляться в гармонической деятельности так же, как прежде этого достигали путем *гимнастики*, работы не вполне продуктивной. Переходя последовательно от одного рода деятельности к другому, рабочий только и сознает скрытые в нем способности сделаться из машины свободным человеком. А занятие науками, которое будет итти рука об руку с постепенным укорочением рабочего дня, вернет труду его умственное содержание, так как благодаря знанию рабочему откроется вся техническая и экономическая стороны данной отрасли и он в корне поймет ее происхождение. Таким образом труд станет действительно свободной работой, так как вместо голода, принуждающего в настоящее время пролетария к работе, рабочий будет действительно сознавать ее необходимость.

А как же поступить с учреждениями, не носящими характера ремесленных? Как устроить класс поденщиков, который во время Моора был уже очень многочислен, как справиться с грязными, отвратительными работами: убоем скота, очисткою отхожих мест в городах и отдельных домах и т. д.? Этот неприятный труд, на который с удовольствием

указывают буржуа, как на довод против социализма, служил действительно и для всех утопистов камнем преткновения...

Только современная крупная промышленность, производство, совершающееся на научных основах, дает полную возможность уравнять прелести и неприятности разных видов труда и до такой степени упростить то немногое, что остается от неприятных работ, что оно может поочереди выполняться всеми людьми, способными к труду; таким образом вполне устранится надобность в особом классе обиженных отвратительным трудом рабочих. Уже в настоящее время разница между приятными и неприятными работами стала значительно менее резкою, хотя, в большинстве случаев, уравнение это совершилось таким образом, что те виды труда, которые прежде были приятны, теперь лишились уже всякой прелести. Зато современная техника совершенно устранила или, по крайней мере, значительно ослабила целый ряд противных работ. Впрочем, в общем техника все-таки в этом отношении сделала еще очень мало. Капитализм вовсе не задается целью сделать требуемую им работу приятною. Он требует от техники только *сбережения рабочих сил,* хотя бы сама работа, благодаря этому, и становилась менее привлекательною.

Наука сможет со всей энергией приняться за устранение неприятных видов труда лишь тогда, когда рабочий класс получит решающее влияние на способ производства. Ведь нет таких трудных задач в этой области, которых современная техника не была бы в состоянии разрешить, раз она серьезно занялась бы этим вопросом. Впрочем, и ныне уже большая часть работ, противных человеческой природе, устраняется тем, что промышленность переходит из города в деревню.

(К. Каутский. „Томас Моор и его утопия". Изд. Петросовдепа 1919 г., стр. 248—251.)

17. Система Тэйлора—порабощение человека машиной.

Какая бездна труда пропадает даром в настоящее время от безалаберности, хаотичности всего капиталистического производства! Сколько теряется времени на переход сырого

материала к фабриканту через сотни скупщиков и перекупщиков при неизвестности требований рынка! Не только время, но и самые продукты теряются и портятся. А потеря времени и труда на доставку готового продукта потребителям через бездну мелких посредников, которые тоже не могут знать требований покупщиков и делают массу не только лишних движений, но лишних закупок, поездок, и так далее, и тому подобное!

Капитал организует и упорядочивает труд внутри фабрики для дальнейшего угнетения рабочего, для увеличения своей прибыли. А во всем общественном производстве остается и растет хаос, приводящий к кризисам, когда накопленные богатства не находят покупателей, а миллионы рабочих гибнут и голодают, не находя работы.

Система Тэйлора — без ведома и против воли ее авторов—подготовляет то время, когда пролетариат возьмет в свои руки все общественное производство и назначит свои, рабочие, комиссии для правильного распределения и упорядочения всего общественного труда. Крупные производства, машины, железные дороги, телефон—все это дает тысячи возможностей сократить вчетверо рабочее время организованных рабочих, обеспечивая им вчетверо больше благосостояния, чем теперь.

И рабочие комиссии при помощи рабочих союзов сумеют применить эти принципы разумного распределения общественной работы, когда она избавлена будет от порабощения ее капиталом.

(Н. Ленин. Собр соч., т. XII, ч. II, стр. 407—408.)

18. Труд — удовольствие.

Делаясь господином над всеми средствами производства, чтобы общественно-планомерно распоряжаться ими, общество должно уничтожить господствующее до сих пор порабощение людей их собственными средствами производства. Само собою разумеется, такое освобождение не может совершиться без того, чтобы не освободился от пут капитализма каждый отдельный член общества. В виду этого, старый способ производства должен быть изменен до осно-

вания, а следовательно должно исчезнуть и старое разделение труда, угнетающее как все общество, так и каждого отдельного его члена. Вместо разделения труда должна возникнуть такая организация производства, при которой, с одной стороны, никто не мог бы сваливать на другого свою долю участия в производительном труде, как естественного условия человеческого существования, а с другой стороны— производительный труд, вместо того чтобы быть средством порабощения, сделался бы средством освобождения, предоставляя каждой личности возможность развивать во всех направлениях и проявлять все свои способности как физические, так и духовные. Труд следовательно, из тяжелой обязанности должен превратиться в удовольствие.

Все это в настоящее время отнюдь не фантазия и не благочестивое пожелание. При современном развитии производительных сил для полного удовлетворения потребностей общества достаточно уже того увеличения производства, которое вне сомнения будет вызвано самим фактом обобществления производительных сил. Для этого достаточно устранение присущих капиталистическому способу производства затруднений, существующих нарушений нормального хода производства и бесполезного расточения продуктов и средств производства. И тогда же при всеобщем участии в работах всего общества возможно будет сократить рабочее время до минимальных размеров.

Устранение старой системы разделения труда отнюдь не является таким требованием, которое может быть достигнуто лишь за счет уменьшения производительности труда. Напротив, оно без всякого ущерба может быть осуществлено именно в сфере крупной промышленности. „Машинное производство уничтожает необходимость закреплять, как это было в мануфактуре, распределение разнородных групп рабочих по разнородным машинам и приурочение одних и тех же рабочих к одним и тем же постоянным функциям. Так как общий ход фабрики зависит не от рабочего, а от машины, то возможна постоянная перемена в персонале без перерыва в процессе труда... Наконец, быстрота, с которой человек в юношеском возрасте научается работать при машине, также устраняет необходимость воспитывать такой класс рабочих, которые были бы исключительно рабочими,

занятыми при машинах.“ „Несмотря на то, что капиталистический способ применения машин продолжает дальше развивать старое разделение труда с его окостенелыми частными функциями, хотя технически это стало излишним,— старая система разделения труда мало-по-малу превращается в анахронизм. Технический базис крупной индустрии—революционен. Машинами, химическими процессами и другими способами, вместе с техническими основаниями производства, новейшая промышленность постоянно преобразовывает занятия работников и общественные комбинации рабочего процесса. Вследствие этого она также постоянно преобразует деление труда внутри общества и бросает массы капиталов и рабочих из одной отрасли производства в другую. Отсюда видно, что, по самой природе своей, крупная промышленность требует *перемены работ*, непостоянства занятий, всесторонней подвижности рабочего... Мы уже видели, как это абсолютное противоречие... разрешается непрерывным принесением в жертву рабочего класса, безграничным расточением рабочих сил и господством общественной анархии. Это отрицательная сторона. Между тем как перемена работы является теперь только могущественным законом природы и проявляется со слепо разрушающею силою закона природы, повсюду встречающего препятствия,— сама крупная промышленность, вследствие своих собственных катастроф, делает вопросом жизни как признание перемены занятий,—а следовательно и многосторонности рабочего,—всеобщим социальным законом, так и преобразование отношений сообразно нормальному осуществлению этого закона. Она делает вопросом жизни устранение того безобразия, которое представляет собою нищенствующее население, содержимое в резерве на случай перемены в потребностях капитала, и замену его абсолютною годностью человека для всех изменяющихся требований труда, замену социализированного индивидуума,—представляющего собою лишь орган для специальной общественной функции,—индивидуумом вполне развитым, который одинаково способен на все разнообразные общественные занятия.“ (Маркс. „Капитал“.)

Научив нас преобразовывать в технических целях более или менее повсюду существующее молекулярное движение

в движение масс, крупная промышленность в значительной степени освободила промышленное производство от местных рамок. Сила воды была связана с местом, сила пара стала свободной. Если сила воды, находящейся в деревне, неизбежно связана с нею, то сила пара отнюдь не обязательно связана с городом. Только капиталистическое применение концентрирует ее предпочтительно в городах и преобразует фабричные села в фабричные города, но этим самым создаются условия, могущие подорвать самое производство. Первая потребность паровой машины и главная потребность почти всех отраслей производства крупной промышленности—это наличность сравнительно чистой воды. Между тем фабричный город превращает всякую чистую воду в вонючее болото. Таким образом, поскольку концентрация в городах является основным условием капиталистического производства, постольку же каждый отдельный капиталист постоянно стремится, по необходимости, перевести свое производство из города в сферу сельского производства. Этот процесс можно наблюдать в подробностях в текстильных округах Ланкашира и Иоркшира, капиталистическая крупная промышленность содействует там образованию новых больших городов, а рядом с этим фабрики постоянно перекочевывают из города в деревню. То же самое и в округах металлургической промышленности, где, впрочем, те же результаты порождаются частью другими причинами.

Уничтожить этот новый порочный круг, это постоянно вновь возникающее противоречие современной промышленности опять-таки возможно лишь с упразднением ее капиталистического характера. Только общество, способное гармонически приводить в движение свои производительные силы, согласно единому общему плану, в состоянии организовать их так, что будет возможно равномерно распределить крупные промышленные предприятия по всей стране, сближая фабричное производство с сельскохозяйственным, как это необходимо для развития и сохранения промышленных сил.

Устранение противоречий между городом и деревнею должно совершиться не только в интересах индустриального и земледельческого производства, но также для установления общественной гигиены. Только с соединением города и деревни в одно целое возможно устранить нынешнее

отравление воздуха, воды и почвы, и только при этом хилые городские массы населения смогут добиться такого положения, что их отбросы, вместо того чтобы порождать между ними болезни, станут полезными материалами в общей лаборатории природы и будут содействовать успеху сельского хозяйства.

Капиталистическая промышленность уже поставила себя в независимое положение относительно тесных рамок, в которых находится местное производство необходимых для нее сырых продуктов. Текстильная промышленность перерабатывает преимущественно привозное сырье. Испанская железная руда перерабатывается в Англии и Германии. испанская и южно-американская медная руда—в Англии, Каждая каменноугольная копь снабжает горючим материалом промышленные округа, находящиеся далеко за границами его собственного производства. На всем европейском материке паровые машины питаются английским, местами немецким и бельгийским каменным углем. Освобожденное от пут капиталистического производства, общество сможет пойти еще дальше в этом направлении. Порождая новое поколение всесторонне развитых производителей, понимающих научные основы всего промышленного производства и изучивших практически, каждый в отдельности, весь ряд отраслей производства от начала до конца, оно может создать новую производительную силу, которая с избытком покроет расход по перевозке из самых отдаленных пунктов сырья и горючих материалов.

Уничтожение поводов к отделению города от деревни, с точки зрения возможности осуществления равномерного распределения крупной промышленности по всей стране, не может представляться поэтому утопией. Цивилизация, конечно, оставила нам в лице крупных городов наследие, покончить с которым будет стоить много времени и усилий. Но с ним необходимо покончить, и это будет сделано, хотя бы это был очень продолжительный процесс. Независимо от гадания, какая участь постигнет германское государство, созданное прусской нацией, Бисмарк мог лечь в могилу с гордой уверенностью, что его задушевное желание наверно осуществится—погибнут крупные города.

(Фр. Энгельс. „Анти-Дюринг“. Изд. Петросовета 1918 г., (стр. 261—264.)

19. Свобода труда.

Социалистическое общество дает своим членам благосостояние и обеспеченность,—это положение поняли и признали даже многие из наших противников. Но, возражают они, эти выгоды будут куплены слишком дорогой ценой, ибо они будут оплачены полной потерей *свободы*. Птица в клетке может рассчитывать каждый день на достаточный корм; она обеспечена от голода, непогоды и врагов. Но ей недостает свободы, и потому она представляет достойное сожаления создание, страстно рвущееся в мир опасностей и нужды, в борьбу за существование.

Социализм, говорят они, уничтожает хозяйственную свободу, свободу труда. Он ведет к такому деспотизму, перед которым самый неограниченный политический абсолютизм является свободным состоянием, так как он держит в плену лишь *одну сторону* человека, социалистический же деспотизм—*всего человека*.

Так велик страх перед рабством коммунизма, что имеются даже социалисты, которые им охвачены, именно *анархисты*. Они питают отвращение к коммунизму не менее, чем к товарному производству, и пытаются избежать опасностей того или другого тем, что одновременно желают того и другого. Они хотят коммунизма с товарным производством. В теории это абсурдно, на практике же сводится к уже отмеченным рабочим товариществам либеральной „самопомощи“.

Когда говорят, что социалистическое производство несовместимо с полной свободой труда, т.-е. с свободой рабочего трудиться, когда, где и как он хочет, то это верно. Но эта свобода рабочего несовместима со *всякой* планомерной совместной работой многих, в какой бы форме она ни выражалась: в форме капиталистической или коллективистической организации. Свобода труда возможна только для *мелкого производства*, но и для него лишь в известной степени; даже там, где мелкое производство свободно от всех ограничивающих предписаний: от принудительного севооборота, от цеховых стеснений и т. п., все же отдельный рабочий остается в зависимости от естественных и общественных влияний,—крестьянин, например, от погоды, ремесленник—от состояния

рынка и т. д. При всем том мелкое производство дает возможность известной свободы труда, и эта свобода представляет его идеал, самый революционный идеал, на какой только способен мелкий буржуа, который не может взглянуть дальше кругозора мелкого производства.

Этот идеал сто лет тому назад, ко времени французской революции, имел еще прочные корни в экономических отношениях. В настоящее время он потерял всякую опору и может еще складываться в головах людей, которые не видят происшедшего с тех пор экономического переворота. С гибелью мелкого производства неизбежно связана и гибель свободы труда. Не социал-демократы ее уничтожают, а неудержимый прогресс крупной промышленности. И как раз те, которые чаще всего говорят о необходимости свободы труда,—капиталисты,—больше всего содействуют ее устранению.

Не только для фабричного труда прекращается свобода, но для всякого труда, в котором отдельный человек действует только как член одного большого целого. Ее не существует для рабочего, изготовлящего отдельные части товара в мануфактуре и домашней промышленности, не существует и для всех тех, *занимающихся умственным трудом*, которые работают не как отдельные личности за свой страх, а как служащие в учреждениях. Госпитальный врач и школьный учитель, железнодорожный чиновник и журналист и т. д.,—все они не пользуются свободой труда и связаны определенными правилами, должны работать на определенных, предписанных им местах, в определенное время и т. д. Но как уже было замечено, в области умственной деятельности крупное производство точно также вытесняет мелкое, как и в других областях человеческой деятельности; поэтому и для занимающихся умственным трудом уже в современном обществе все больше и больше сокращается свобода труда.

Конечно, рабочий при господстве капиталистической крупной промышленности еще обладает известной свободой. Если в настоящее время ему не подходит работа в каком-нибудь предприятии, то он имеет полную свободу искать работы в другом; от одной службы он может перейти к другой. В социалистическом обществе все средства производ-

ства сосредоточены в *одних* руках, в нем есть только один единственный „работодатель", которого невозможно переменить.

Следовательно, в этом отношении современный наемный рабочий пользуется, по сравнению с рабочим соцалистического общества, одной лишней свободой, но ее нельзя назвать свободой труда. Как бы часто он ни переходил с одной фабрики на другую, свободы труда ни на одной из них он не найдет; повсюду функции отдельного рабочего точно определены и урегулированы. Это—техническая необходимость.

Свобода, потеря которой угрожает рабочему при социалистическом производстве, является, следовательно, не свободой труда, а лишь свободой самому отыскивать себе хозяина. Эта свобода в настоящее время далеко не лишена значения; она представляет некоторую защиту для рабочего,—как это знает всякий, кто работал или работает в каком-нибудь монопольном предприятии. Но и эта свобода становится все более и более сомнительной, благодаря экономическому развитию; растущая безработица приводит к тому, что число освобождающихся мест гораздо меньше числа добивающихся их. Безработный обыкновенно должен радоваться, если вообще найдет какое-нибудь место. И все растущее соединение средств производства в немногих руках приводит к тому, что в конце концов рабочий в каждом предприятии вновь находит того же самого „работодателя", или, по крайней мере, те же самые условия труда.

То, что наши противники объявляют злым умыслом, враждебным культуре и свободе социал-демократов, является естественно-необходимой тенденцией экономического развития в современном обществе. Это действительно, как во многих других областях, так и в этой.

Не социал-демократы, а экономическое развитие является причиной, благодаря которой устраняется свобода выбора условий работы, так же как и свобода во время самой работы. Социал-демократия не хочет, конечно, да и не может вовсе помешать этому развитию; но, как мы уже видели в других областях так и здесь, она придает этому развитию другой, более благоприятный для рабочих вид. Она не может устранить зависимости рабочего от всего хозяйствен-

ного механизма, в котором он является лишь одним колесиком, но на место зависимости рабочего от какого-нибудь капиталиста, интересы которого враждебны его интересам, она ставит его в зависимость от общества, членом которого является он сам, общества равноправных товарищей, имеющих *одинаковые интересы*.

Подобная зависимость может показаться невыносимой какому-нибудь либеральному адвокату или литератору, но она не представляется таковой для современного пролетария, как это показывает один взгляд на *профессиональное движение*. Профессиональные союзы дают нам уже картину той „тирании социалистического принудительного государства“, о которой мелют всякий вздор наши противники. Там уже условия труда каждой личности регулируются самым строгим и точным образом, однако до сих пор ни одному члену подобного общества не приходило в голову видеть в этом невыносимое нарушение его личной свободы. Если кто находил необходимым защищать против этого „терроризма“ „свободу труда“, частью посредством вооруженной силы и кровопролития, так это были не рабочие, а их эксплоататоры. Бедная свобода, которая нынче не находит уже других защитников, кроме рабовладельцев!

Но несвобода труда не только потеряет в социалистическом обществе свой характер угнетения, но *она сделается даже основанием высшей свободы*, какая только до сих пор была возможна для человеческого рода.

Это звучит несколько противоречиво. Но это противоречие только кажущееся.

До возникновения крупной промышленности труд для производства и добывания продуктов, необходимых для поддержания жизни, короче сказать, *промысловый* труд поглощал целиком занятых им людей; он требовал напряжения всех сил не только физических, но и духовных. Это относится не только к охотнику и рыболову, но также и к крестьянину, ремесленнику и купцу: жизнь производителя почти целиком уходила на его промысел. Именно труд закалял его мускулы и нервы, делал его мозг изобретательным и пытливым. Но чем больше развивалось разделение труда, тем одностороннее должно было оно делать производителя. Его тело и дух уже не применяются более к раз-

личным областям, они перестают развивать все свои способности. Всецело поглощенные частичной работой минуты, производители теряли способность понимать всю совокупность окружающих их явлений. Гармоническое всестороннее развитие духовных и физических сил, внимательное изучение вопросов взаимной связи в обществе и природе, философское мышление, т.-е. искание высших истин ради них самих, могло при таких условиях уже встречаться только среди тех, которые оставались свободными от промыслового труда. Это было возможно до возникновения машинного производства только путем переложения этого труда на других, путем *эксплоатации.*

Самым идеальным племенем философов, какое только знает история, единственным в своем роде обществом мыслителей и художников, служивших науке и искусству ради них самих, была афинская аристократия, рабовладельческие землевладельцы Афин.

Труд—не только рабский труд, но и труд *свободный*—считался у них чем-то унизительным, и не без основания. Не было никакого высокомерия в словах Сократа: „лавочникам и ремесленникам недостает образования уже по причине одного недостатка свободного времени, без которого невозможно хорошее воспитание. *Они учатся только тому, чего требует их дело*, знание само по себе не имеет для них никакой привлекательности. Так, арифметикой они занимаются лишь для торговли, а не для того, чтобы ознакомиться с природой чисел. У них нет силы стремиться к чему-либо высшему. Промышленник говорит: радость, доставляемая славой и наукой, не имеет никакой ценности в сравнении с денежным барышом. Пусть кузнецы, плотники, сапожники очень искусны в своем деле, всеже они в большинстве рабские души, они не знают, что такое красота, добро, справедливость“.

С тех пор экономическое развитие шагнуло вперед, разделение труда достигло неимоверной высоты, а преобладание товарного производства ввело эксплоататоров и образованных людей в круг промышленников. Подобно ремесленникам и крестьянам, в настоящее время даже и богатые люди целиком уходят в свою промышленную деятельность. Не в гимназиях и академиях уже собираются они, но на

биржах и рынках; спекуляции, в которые они погружены, касаются уже не понятий об истине и справедливости, но шерсти и водки, русских займов и португальских купонов. Их естественные силы исчерпываются в этих спекуляциях. После совершенной „работы“, у них хватает сил и интереса лишь для самых пошлых удовольствий.

Для образованных же людей образование стало, как это мы видели, товаром, у них также нет времени и побуждения к бескорыстному исканию истины и стремлению к идеалу. Каждый зарывается в свою специальность и считает для себя потерянной всякую минуту, потраченную на изучение чего-нибудь такого, из чего он не может извлечь выгоды. Отсюда стремление нашего времени изгнать из средних учебных заведений латинский и греческий языки. Против них тут меньше говорят педагогические соображения, чем стремление заставить молодежь учиться только тому, что может когда-нибудь „понадобиться“, т.-е. может быть превращено в деньги.

Даже у людей науки и искусства утрачивается всякая мысль о целом, всякое стремление к всестороннему, гармоническому развитию. Всюду только односторонняя специализация. Наука и искусство падают до ремесла. К ним также вполне относится то, что Сократ говорил о занятиях ремесленников. Философская мысль вымирает, по крайней мере в пределах упомянутых классов.

Между тем возник новый вид труда—*труд при машине*, и новый класс—*пролетариат*.

Машина лишает труд всякого духовного содержания. Рабочему при машине не нужно больше думать, соображать, его дело только пассивно подчиняться машине. Она предписывает ему, что делать; он становится ее придатком.

Сказанное о труде при машине относится также, хотя обыкновенно в меньшей степени, и к труду в мануфактуре и домашней промышленности. Разложение труда ремесленника, создающего нечто целое, на ряд детальных работ, из которых каждая, при помощи одного или нескольких вполне простых приемов, дает лишь часть целого продукта, представляет, как известно, подготовительную ступень, введение к машинному производству.

Первым следствием, которое влечет за собой однообразие и отсутствие работы мысли для пролетариата, является кажущееся умерщвление его духа.

Однако ближайшим результатом является то, что в нем пробуждается чувство возмущения против чрезмерной продолжительности труда. Работать уже для него не значит то же, что жить. Для него жизнь начинается только тогда, когда работа пришла к концу. Для рабочего, у которого работа и жизнь составляют одно, *свобода труда* может отождествляться *с свободой жизни*. Но рабочий, который живет лишь тогда, когда не работает, может достигнуть *свободной жизни* только путем *освобождения от труда*. Естественно, что стремление последней категории рабочих не может простираться до того, чтобы освободиться от всякого труда. Ведь труд есть предварительное условие жизни. Но их стремление должно быть с естественной необходимостью направлено к такому ограничению возложенной на них работы, чтобы она давала им время для жизни.

В этом лежит глубочайший корень борьбы современных пролетариев за сокращение рабочего времени, борьбы, перед которой крестьяне и ремесленники старого закала стоят в недоумении. Это не борьба за мелкие экономические выгоды, за повышение платы, за уменьшение числа безработных, эти цели играют также свою роль, но в основе своей это — *борьба за жизнь*.

Между тем из того факта, что благодаря машине труд лишился своего духовного содержания, вытекает еще одно дальнейшее следствие: духовные силы пролетариата не исчерпываются, подобно силам других производителей, промышленной деятельностью; во время ее они остаются нетронутыми. Тем сильнее стремление пролетариев к проявлению своей духовной деятельности вне работы, если она дает хоть сколько-нибудь места для этого. Одним из характерных явлений современного общества является *жажда знания пролетариата*. В то время как все другие классы стараются возможно бессмысленнее убить свой досуг, пролетариат поистине с жадностью стремится к образованию. Только тот, кому случалось работать среди пролетариев, может вполне оценить силу этого стремления к знанию и просвещению. Но ее может уловить даже и посторонний, если он

сравнит газеты, журналы и брошюры рабочих с излюбленной литературой других кругов общества.

И это стремление к знанию вполне бескорыстно. Рабочему при машине знание не может помочь повысить его доходы. Если он ищет истины, то ищет ее ради ее самой, не ради какой-нибудь материальной выгоды. Поэтому он не ограничивается также какой-нибудь отдельной узкой областью; его взор обращен к целому; все общество, весь мир хочет он понять. Труднейшие загадки привлекают его больше всего, с особенным предпочтением он обращается к вопросам философии, метафизики, часто трудно бывает вновь свести его с облаков на землю.

Не обладание знанием, но *стремление* к знанию вырабатывает философа. И как раз в презренных невежественных пролетариях снова возрождается философский дух блестящих мыслителей афинской аристократии. Но свободный расцвет этого духа невозможен в современном обществе. Ведь пролетарии не имеют средств, чтобы учиться, не имеют руководства для систематических занятий, они предоставлены всем случайностям и трудностям лишенного планомерности самообразования, а прежде всего они не имеют достаточного досуга. Наука и искусство остаются для них обетованной землей, на которую они смотрят издалека, из-за обладания которой они борются, но в которую они не могут вступить.

Только победа социализма откроет пролетариату все источники образования; только победа социализма даст возможность сократить время труда для добывания средств к жизни настолько, что рабочему дан будет досуг, необходимый для приобретения достаточных знаний. Капиталистический способ производства пробуждает жажду знаний в пролетариате, — социалистический способ производства один может ее утолить.

Не свобода труда, но освобождение от труда, которое сделает возможным в широких размерах машинное производство в социалистическом обществе, принесет человечеству *свободу жизни, свободу художественной и научной деятельности, свободу благороднейших наслаждений.*

То счастливое гармоническое образование, которое до сих пор явилось только однажды в мировой истории, как привилегия небольшой кучки избранных аристократов,

станет общим достоянием всех цивилизованных народов; что для первых делали рабы, то для последних сделают машины; они всецело почувствуют возвышающее влияние освобождения от промышленного труда, но уже без тех его унижающих сторон, благодаря которым рабовладельческое хозяйство в конце концов обессилило афинских аристократов. И подобно тому как современные средства науки и искусства далеко превзошли те, которые были известны две тысячи лет тому назад, подобно тому как современный культурный мир далеко превысил маленькую Грецию,—и социалистическое общество превзойдет нравственным величием и материальным благосостоянием самое блестящее общество, какое только знает до сих пор история.

Счастлив тот, кому суждено отдать свои силы в борьбе за осуществление этого прекрасного идеала.

(К. Каутский. „Эрфуртская Программа". Изд. „Коммунист" М. 1918, стр. 154—161.)

20. Профсоюзы—„школа коммунизма".

Капитализм неизбежно оставляет в наследство социализму, с одной стороны, старые, веками сложившиеся, профессиональные и ремесленные различия между рабочими, с другой стороны—профсоюзы, которые лишь очень медленно, годами и годами, могут развиваться и будут развиваться в более широкие, менее цеховые, производственные союзы (охватывающие целые производства, а не только цехи, ремесла и профессии) и затем, через эти производственные союзы, переходить к уничтожению разделения труда между людьми, к воспитанию, обучению и подготовке *всесторонне развитых* и *всесторонне* подготовленных людей, людей, которые *умеют все делать*. К этому коммунизм идет, должен итти и *придет*, но только через целый ряд лет. Пытаться сегодня практически предвосхитить этот грядущий результат вполне развитого, вполне упрочившегося и сложившегося, вполне развернутого и созревшего коммунизма, это все равно, что четырехлетнего ребенка учить высшей математике.

Мы можем (и должны) начать строить социализм не из фантастического и не из специально нами созданного человеческого материала, а из того, который оставлен нам в на-

следство капитализмом. Это очень „трудно“, слов нет, но всякий иной подход к задаче так несерьезен, что о нем не стоит и говорить.

Профсоюзы были гигантским прогрессом рабочего класса в начале развития капитализма, как переход от распыленности и беспомощности рабочих к *начаткам* классового объединения. Когда стала вырастать *высшая* форма классового объединения пролетариев, *революционная партия пролетариата* (которая не будет заслуживать своего названия, пока не научится связывать вождей с классом и с массами в одно целое, в нечто неразрывное), тогда профсоюзы стали неминуемо обнаруживать *некоторые* реакционные черты, некоторую цеховую узкость, некоторую склонность к аполитицизму, некоторую косность и т. д. Но иначе, как через профсоюзы, через взаимодействие их с партией рабочего класса, нигде в мире развитие пролетариата не шло и итти не могло. Завоевание политической власти пролетариатом есть гигантский шаг вперед пролетариата, как класса, и партии приходится еще более и по-новому, а не только по-старому, воспитывать профсоюзы, руководить ими, вместе с тем, однако, не забывая, что они остаются и долго останутся необходимой „школой коммунизма“ и подготовительной школой для осуществления пролетариями их диктатуры, необходимым объединением рабочих для постоянного перехода в руки рабочего *класса* (а не отдельных профессий), и затем всех трудящихся, управления всем хозяйством страны.

Некоторая „реакционность“ профсоюзов, в указанном смысле, *неизбежна* при диктатуре пролетариата. Непонимание этого есть полное непонимание основных условий *перехода* от капитализма к социализму. Бояться этой „реакционности“, пытаться *обойтись* без нее, перепрыгнуть через нее есть величайшая глупость, ибо это значит бояться той роли пролетарского авангарда, которая состоит в обучении, просвещении, воспитании, вовлечении в новую жизнь наиболее отсталых слоев и *масс* рабочего класса и крестьянства. С другой стороны, откладывать осуществление диктатуры пролетариата до тех пор, когда не останется ни одного профессионалистски узкого рабочего, ни одного рабочего, в котором не было бы цеховых и трэд-юнионистских предрас-

судков, было бы ошибкой еще более глубокой. Искусство политика (и правильное понимание коммунистом своих задач) в том и состоит, чтобы верно учесть условия и момент, когда авангард пролетариата может успешно взять власть, когда он сумеет при этом и после этого получить достаточную поддержку достаточно широких слоев рабочего класса и непролетарских трудящихся масс, когда он сумеет после этого поддерживать, укреплять, расширять свое господство, воспитывая, обучая, привлекая все более и более широкие массы трудящихся.

(*В. И. Ленин. Детская болезнь „левизны в коммунизме.“* Собр. соч., т. XVII, стр. 140—142.)

21. Коммунистические субботники — прообраз коммунистического труда.

Как ни слабы еще все наши субботники, как ни велика обнаруживаемая всяким субботником бездна недостатков налаженности, организованности, дисциплинированности, а всеже главное сделано. Тяжеловесная махина сдвинута с места, а в этом вся суть и есть. Мы нисколько не обманываем себя насчет того, как мало еще сделано и как бесконечно много предстоит еще сделать; но только злосчастные враги трудящихся, злостные сторонники буржуазии в состоянии пренебрежительно относиться к первомайскому субботнику, только самые презренные и бесповоротно продавшиеся капитализму люди способны осуждать использование великого первомайского праздника для массовой попытки введения коммунистического труда.

После свержения царей, помещиков и капиталистов впервые только очищается поле для настоящей стройки коммунизма, для выработки новой общественной связи, новой дисциплины общего труда, нового всемирноисторического уклада всего народного, а затем и международного хозяйства. Это дело переработки самих нравов, надолго загаженных, испорченных проклятой частной собственностью на средства производства, а вместе с ней всей той атмосферой грызни и недоверия,—вражды, раздробленности, взаимоподсиживания, которая неминуемо вырождается и посто-

янно возрождается вновь мелким обособленным хозяйством. хозяйством собственников при вольном обмене между ними,

Свобода торговли, свобода обмена была сотни лет для миллионов людей величайшим заветом экономической мудрости, была самой прочной привычкой сотен и сотен миллионов людей. Эта свобода так же лжива насквозь, так же служит прикрытием капиталистического обмана, насилия, эксплоатации, как другие свободы, провозглашенные и осуществленные буржуазией, в роде „свободы труда“ (читай—свободы умирать с голода) и т. п. Все эти свободы были созданы собственниками. С этой свободой эксплоатации труда капиталом мы разорвали и рвем бесповоротно и боремся беспощадно. Долой старые общественные связи, старые экономические отношения, старую свободу подчиненного капиталу труда, старые законы, старые привычки! Будем строить новое общество. Нас не пугали поражения в ходе великой революционной войны против царизма, против буржуазии, против всемирно-могущественных империалистических держав. Нас не пугают гигантские трудности и неизбежные в начале труднейшего дела ошибки, ибо дело переработки всех трудовых навыков и нравов—дело десятилетий. И мы даем друг другу торжественное и твердое обещание, что мы готовы на всякие жертвы, что мы устоим и выдержим в этой самой трудной борьбе, в борьбе с силой привычки, что мы будем работать годы и десятилетия, не покладая рук.

Мы будем работать, чтобы вытравить проклятое правило „каждый за себя, один бог за всех“, чтобы вытравить привычку считать труд только повинностью и правомерным только оплаченный по известной норме труда. Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание привычку, во вседневный обиход масс правило: „все за одного и один за всех“, правило: „каждый по своим способностям, каждому по его потребностям“, чтобы постепенно, неуклонно проводить коммунистическую дисциплину в коммунистический труд.

Мы сдвинули с места глыбу неслыханной тяжести, глыбу косности, невежества, упорства в отстаивании привычки свободной торговли, в свободной купле и продаже рабочей и человеческой силы, как любого другого товара. Мы начали колебать и разрушать самые закоренелые предрассудки, самые твердые, вековые, заскорузлые привычки. Наши суб-

ботники за один год сделали громадный шаг вперед. Они еще бесконечно слабы. Нас этим не запугаешь. Мы видели, как бесконечно слабая советская власть, на наших глазах, нашими усилиями, окрепла и стала превращаться в бесконечно могучую, всемирную силу. Будем годы и десятилетия работать над применением субботников, их развитием, распространением, улучшением, внедрением в нравы. Мы придем к победе коммунистического труда.

(Н. Ленин. Собр. соч., т. XVII, стр. 205—207.)

Коммунизм есть высшая против капиталистической производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику рабочих.

(Ленин.)

ГЛАВА III. СОЦИАЛИЗМ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

1. Земля должна стать общественной собственностью.

Все культурные народы начинают с общинной собственности на землю. У всех народов, которые перешли известную ступень первобытного состояния, общинная собственность начинает, по мере развития земледелия, сковывать его производство. Она отменяется, отрицается и, после более или менее долгих промежуточных стадий, превращается в частную собственность. Но на высшей ступени развития земледелия, достигаемой благодаря господству частной собственности на землю, последняя, в свою очередь, налагает оковы на производство, и это в настоящее время наблюдается как в мелком, так и в крупном земледелии. Отсюда необходимо возникает требование отрицания частной земельной собственности, превращения ее в собственность общественную. Но это требование не означает восстановления первобытной общинной собственности, но установление более высшей, более развитой формы общего владения, которое далеко от того, чтобы стать препятствием производства, которое, напротив того, впервые освободит последнее от оков и даст ему возможность сполна использовать современные химические открытия и механические изобретения.

(Фр. Энгельс. „Анти-Дюринг" Изд. Петросовдепа 1918 г., стр. 123—124.)

2. Капитализм в земледелии подготовляет почву социализму и является его предшественником.

Техника современного производства, начавшись социализацией труда, логически-неизбежно ведет к социализации владений, т.-е. к практическому осуществлению социалистических учений. Родившись на фабрике, рабочий социа-

лизм проникает и в деревню вслед за исчезновением мелкой поземельной собственности и капиталистической организации земледельческих предприятий. При господстве индивидуального владения землею, социализация поземельного владения может явиться лишь как следствие социализации труда в таких предприятиях. Неудивительно поэтому, что социалистическая пропаганда встречает самый радушный прием в местностях, охваченных процессом капиталистического производства; напротив, мелкие собственники-крестьяне относятся к ней очень враждебно и составляют надежную опору реакционных партий. Классическим примером в этом случае может служить земледельческое население современной Франции. Но и там концентрация поземельного владения в руках крупных собственников рано или поздно вытеснит господствующую ныне систему землевладения, и французское крестьянство, силою экономической необходимости, вынуждено будет присоединиться к революционной армии городского пролетариата.

Таким образом капитализм подготовляет почву социализму и является его необходимым предшественником. Но, как мог уже заметить читатель из вышеизложенного, неизбежность капиталистической продукции, как переходной ступени к социалистической организации будущего общества, признается нами лишь для тех сфер имущественных отношений людей, где индивидуализм являлся до сих пор исключительно господствующим принципом. Еще со времени феодализации поземельной собственности на Западе этот последний вытеснил собою коллективное владение землею; что касается орудий труда, то они по самым свойствам своим требовали единоличного владения, и лишь введение машин крупной промышленностью создало конкретную основу для применения к ним коллективного начала.

Поэтому все сферы общественных отношений в западноевропейском обществе должны были пройти чистилище капиталистической продукции, чтобы реорганизоваться на началах коллективизма. Там же, где эти последние проникают собою, по крайней мере, поземельные отношения массы, их дальнейшее развитие и распространение на движимые орудия труда может совершиться естественным путем, конечно, при благоприятных условиях. Коллективные формы

владения даже движимой собственностью не представляют чего-либо нового и неизведанного в истории имущественного права. Мы встречаем их на первых ступенях общественного развития, и если они, мало-по-малу разрушаясь, уступили, наконец, место торжеству противоположных им индивидуалистических форм во всех известных нам культурных странах, то до сих пор еще вопрос о причинах их исчезновения представляется далеко не решенным окончательно и безапелляционно в сторону внутренней необходимости. Напротив, даже с предвзятой мыслью предпринятые исследования приводят лишь новые доказательства в пользу того мнения, что исчезновение коллективизма обусловливалось неблагоприятными стечениями исторических условий. Они не только не носят в самих себе элементов разложения, но, напротив, при благоприятном стечении обстоятельств, прогрессируют и совершенствуются, налагая свою печать на все предприятия общинников. Стремление к коллективной организации промышленных предприятий было замечено во всех странах, где поземельная община сохранилась в более или менее полном виде.

Таково, например, развитие артельных промыслов в тот период нашей истории, когда государственный гнет, с одной стороны, не успел еще подавить народной инициативы, а с другой—не породил еще того кулачества, которое монополизирует в настоящее время все отрасли промышленности.

Подобное же явление замечается и в Индии, где уже древнейшие законодательства упоминают о „людях, соединившихся с целью содействовать, каждый своими трудами, успеху общего предприятия“. Несмотря на множество самых неблагоприятных исторических влияний, эти кооперативно-промышленные товарищества существовали вплоть до английского завоевания. Но, разумеется, применение принципа кооперации возможно только в тех сферах труда, где оно способно повести к увеличению его производительности. Современное состояние, например, нашего земледелия, господство экстенсивной культуры почвы не благоприятствует общинной эксплоатации полей. Самое употребительное при такой обработке земельное орудие—соха, которою, как известно, с удобством может управлять один рабочий. Разделение труда между отдельными работниками невоз-

можно при подобном состоянии земельных орудий, а потому артельная обработка мирских земель не в состоянии была бы увеличить его производительность. В этом нужно искать разгадки того на первый взгляд странного явления, что, несмотря на всю привычку нашего крестьянина к артельной организации, он не применяет своего излюбленного артельного принципа к земледелию. Совсем иное значение имеет этот принцип в других отраслях сельского хозяйства и, вообще, крестьянского обихода. Покос лугов, вырубка леса, рытье канав и т. п. часто требуют дружных усилий всего мира, и здесь мы видим применение коллективного труда.

Таким образом социализация земельного труда может явиться естественным следствием общинного землевладения лишь на известном уровне сельскохозяйственной культуры. Введение интенсивных способов обработки почвы и более совершенных земледельческих орудий не только не затрудняет, но, напротив, значительно облегчается существованием неразделенной поземельной собственности в общине. А это введение поставит на очередь вопрос об артельной эксплоатации мирских полей. Тогда и пропаганда последней получит, так сказать, экономическую санкцию и будет, без всякого сомнения, плодотворной. В настоящее же время только общинное землевладение и артельная организация народной промышленности составляют практически осуществимую в России часть социалистической доктрины. Поэтому они и должны быть взяты агитационным девизом русской социально-революционной партии. Говорим—агитационным — потому, что возможность и пределы *пропаганды* в различных частных случаях могут и должны быть шире требований, непосредственно вытекающих из условий переживаемого Россией фазиса экономического развития.

(Г. В. Плеханов. Передовая статья из № 1 „Черного Передела"— Собр. соч., т. 1. Гиз. 1920, стр. 52—54.)

3. Социализм несет крестьянству избавление от капиталистической экспроприации.

Чрезвычайный рост индустрии, работающей для мирового рынка, и одновременное переполнение рынка привозным хлебом—два явления, стоящие в теснейшей взаимной

связи, гонят сельское население в города, притом предпочтительно его наиболее работоспособные элементы. Как скоро внутренний рынок займет первое место в национальной экономике, это прежде всего скажется в возрастающем значении сельского хозяйства. Более высокая потребительная способность масс потребует и большего количества продуктов питания; уменьшение вывоза сократит ввоз извне. Тогда неизбежной станет повсеместная рациональная постановка сельского хозяйства, которая и доставит нам возможно больший доход. Сельскому хозяйству понадобятся лучшие средства производства, лучшие рабочие силы, а последнее далеко не так просто. Всякий сельский рабочий годится для той или иной промышленной работы, и, напротив, немногие промышленные рабочие пригодны для работ сельскохозяйственных. Конечно, можно надеяться, что рациональное воспитание юношей сделает их годными к выполнению сельскохозяйственных работ на-ряду с промышленным и чисто интеллектуальным трудом; но для начала одной этой надежды недостаточно.

Сельский рабочий и мелкий крестьянин, в настоящее время оба пасынки общественной жизни, при этом станут желанными членами общества, следовательно, займут весьма благоприятное социальное положение. Как же тут можно допустить, будто социалистический строй прогонит крестьян с их полей. Это было бы безумием, превосходящим даже то, какое приписывают нам наиболее придирчивые и вздорные из наших противников.

Социалистический строй уже в интересах народного питания позаботится о наиболее выгодном положении сельских хозяев. Вытеснение товарного производства производством исключительно потребительных ценностей даст затем возможность крестьянину проценты по ипотекам и прочие налоги, пока еще они будут существовать, перевести с денежной оплаты на натуральную, а это для крестьянина чрезвычайно крупное облегчение. Пролетарский строй целиком заинтересован в том, чтобы сделать труд крестьянина как можно более производительным, а следовательно обставить его лучшими техническими приспособлениями. Социал-демократия, взамен экспроприации, даст в распоряжение крестьянина самые совершенные средства произ-

водства, совсем недоступные для него в эпоху капиталима.

Конечно, пользоваться этими средствами он может только в крупных предприятиях, и социалистический строй постарается поскорее распространить эту форму производства. Для того же, чтобы заставить крестьян сгруппировать их поля и перейти к кооперативной или коммунальной форме крупного производства, совсем не требуется экспроприации. Если производство на кооперативных началах покажется выгодным кооператорам-рабочим, то достаточно будет примера передачи государству крупного предприятия для того, чтобы вызвать подражание у крестьян. Тогда рушатся серьезные преграды, стоящие теперь на пути развития кооперативного сельского хозяйства, недостаток в образцах, риск, недостаток капитала, и сведется до минимума самое могущественное препятствие—неограниченная частная собственность на землю—путем передачи государству ипотек, путем все более растущей зависимости крестьян от находящихся в заведывании государства отраслей промышленности, путем все усиливающегося права надзора и вмешательства государства в область земельной культуры, в область гигиены людей и животных.

В виду всего этого, в виду заинтересованности социалистического строя в безостановочном прогрессе сельскохозяйственного производства, в виду того громадного социального значения, какое получит там крестьянский класс, прямо-таки трудно себе представить, чтобы целью доставить крестьянам преимущества совершенного способа производства был избран метод насильственного отчуждения.

Если же затем окажутся еще отрасли сельского хозяйства или местности, в которых мелкая форма производства выгоднее крупной, то ни малейших оснований не будет подводить их под шаблон крупного производства. Ни эти отрасли, ни местности эти особого значения для национального производства не будут иметь, так как в наиболее важных отраслях сельского хозяйства и теперь уже преобладает форма крупного производства. Перенесение экономического центра тяжести с мирового рынка на рынок внутренний выдвинет на первый план именно эти отрасли, и прежде всего обработку зерна.

Разрозненные мелкие производства при социалистическом строе так же будут собраны воедино в области сельского хозяйства, как и в области ремесла; и для той и другой имеют силу одни и те же рассуждения. А то обстоятельство, принадлежит ли земля, обработкой которой они заняты, обществу или частному лицу, довольно безразлично. Дело в существе, а не в названии, в характере экономической деятельности, а не в установлении юридических категорий.

Разумеется, мы не предрекаем ничего, мы только строим гипотезу. Она не говорит о том, как все это *осуществится*, она говорит только *о возможности* осуществления. Но то, каким образом процесс совершится в действительности, нашим противникам так же мало известно, как и нам; они так же, как и мы, могут опираться только на установленные уже в настоящее время факты; а если мы продлим в будущее линию, по направлению которой движутся эти факты, то придем как раз к изображенному нами здесь пути развития.

Намерения и пожелания, которые социал-демократия выставила в официальных заявлениях и сочинениях своих выдающихся защитников, отнюдь не находятся в противоречии с выводами, к которым мы пришли, так как нигде в них мы не находим требования экспроприации крестьянства.

Непосредственно перед мартовской революцией 1848 г. Центральный Комитет Коммунистического Общества, в котором заседали Маркс и Энгельс, формулировал „требования коммунистической партии в Германии". Три пункта, относящиеся к сельскому хозяйству, гласят:

„7. Княжеские и прочие феодальные владения, все рудники, копи и т. д. обращаются в собственность государства. На этих землях организуется земледелие в крупном масштабе со всеми новейшими вспомогательными средствами науки на благо всему обществу."

„8. Ипотеки на крестьянские земли объявляются собственностью государства; проценты за них крестьяне вносят государству."

„9. В местах, где развита арендная система, земельная рента или арендная плата уплачивается государству, как налог."

Ни слова о нарушении права собственности крестьян. Государству передают только ипотеки, а не самые земли крестьян.

Когда зажили раны, нанесенные поражениями в 1848 г., и рабочее движение стало организоваться по-новому, на очередь стал и аграрный вопрос. Он трактовался на различных конгрессах Интернационала. Наибольшим признанием и значением пользуются решения Базельского Конгресса (1869), который постановил:

„1. Конгресс заявляет, что общество имеет *право* уничтожить частную собственность на землю и сделать ее собственностью общественной.“

„2. Конгресс заявляет, что он признает необходимым в интересах общества осуществить этот переход земли в общественную собственность.“

Конгресс не высказался по поводу того, *как* осуществить этот переход. Он объявил следующее: „Конгресс, признавая принцип общественной собственности на землю, поручает всем отделам заняться выработкой практических мер для проведения его в жизнь.“

В марте в 1870 г. Либкнехт читал лекции в Саксонии по поводу этих постановлений, из них самая обширная была обработана в брошюру, появившуюся под заглавием „К вопросу о земле“ в 1873 г. первым и в 1876 г. вторым изданием. Там он, между прочим, говорит: „не так легко (как в Англии) разрешается вопрос во Франции и даже в Германии. Конечно, сельские рабочие или уже признали разумность изменения отношений собственности на землю, или очень легко приходят к этому признанию. Только *мелкие крестьяне,* хотя они фактически уже пролетарии или неудержимо идут к тому, чтобы стать пролетариями, всё еще по большей части крепко держатся за свою собственность. Декрет об экспроприации несомненно возбудил бы крайне бурное сопротивление со стороны множества таких мелких крестьян, быть-может даже побудил бы их к открытому мятежу. Итак государство должно избегать всего, что может повредить интересам крестьян на деле или же только по-видимому. Рука-об-руку с разъяснениями преимуществ социализма должны итти практические меры непосредственного облегчения тяжело обремененного крестьянского насе-

ления. На первом плане следовало бы поставить принятие на себя государством ипотечных долгов, понижение процентной нормы и путем этих и дальнейших ссуд наложение на крестьян обязательства рациональной постановки земледелия. Тогда при содействии со стороны государства отдельные отрасли производства мало-по-малу перейдут к крупному производству на кооперативных началах" (стр. 172—175).

Экспроприацию сельского населения революционным правительством Либкнехт называет очевидным безумием.

Быстрый рост промышленности и рабочего движения в промышленных центрах отодвинул аграрный вопрос на задний план после событий 1870 года. Крайне бедственное состояние крестьян вновь поставило его на очередь не только в программах буржуазных партий, но и в программе пролетарской партии.

В последовавшем затем обсуждении вопроса принял участие и Энгельс. В 1894 году он заявил то же, что заявлял и в 1848 году. Он поставил вопрос: каково же наше отношение к мелкому крестьянству, и как мы должны поступить с ним в тот день, когда власть будет в наших руках. И отвечал на это:

„Во-первых, положение французской программы безусловно правильно: мы предвидим неизбежную гибель мелкого крестьянина, но отнюдь не призваны своим вмешательством ускорить ее.

„А во-вторых очевидно, что мы, имея в своих руках власть, не можем *думать о том, чтобы насильственно экспроприировать мелких крестьян* (безразлично, с выкупом или без него), мы вынуждены сделать это по отношению к крупным землевладельцам. Задача наша по отношению к мелкому крестьянину заключается в том, чтобы частное производство и частную собственность сделать кооперативными, но не силою, а путем примера и оказания им помощи в этих целях. И, разумеется, у нас имеется достаточно средств для того, чтобы обнадежить мелкого крестьянина относительно преимуществ, которые и теперь уже должны быть ему ясными."

Даже относительно крупных крестьян Энгельс высказывает следующее: „тут мы тоже, вероятно, откажемся от мысли о насильственной экспроприации, рассчитывая, впро-

чем, что экономическое развитие образумит и эти тупые головы". („Крестьянский вопрос во Франции и в Германии".)

Приведенные здесь мнения вполне соответствуют нашим соображениям. Эти последние указывают на то, что экспроприация крестьянства ни в коем случае не в *интересах* социализма, а первые доказывают недвусмысленно, что такого рода экспроприация не входит также и *в планы* социалистов.

Крестьянам нечего бояться социал-демократии: они вполне могут на нее надеяться. Конечно, в современном обществе она никак не может удовлетворить всем их желаниям, но не потому, чтобы она не хотела, а потому, что многие из ее пожеланий должны оставаться скромными желаниями — и только, да и никакая другая партия не в состоянии выполнить их. Социал-демократия не может конкурировать с аграрными партиями в области *обещаний*, а что можно сделать для сельского населения в современном обществе, то делается ею, и только она одна может это сделать в полной мере, потому что она выступает против капитала беспощадней любой из буржуазных партий.

Крестьяне могут ждать гораздо большего от перехода к социалистическому строю, чем от социальной реформы в рамках современного общественного строя. Экспроприация, это—капиталистический метод для перехода от низших форм производства к высшим. В современном обществе крестьянин всегда стоит перед дилеммой: или ногами и руками упираться перед всяким прогрессом, или же быть оттиснутым прочь экспроприирующим капиталом. Лишь социализм дает ему возможность принять участие в общественном прогрессе, не подпадая экспроприации. Социализм не только не приносит ему экспроприации,—он несет ему надежнейшую защиту от нее, постепенно нависшей над его головой при современном общественном строе.

(К. Каутский. „Аграрный вопрос". Изд. Петровской библ. М. 1906 стр. 397—401. Изд. „Пролетарий" 1923 г., стр. 317—320).

4. Сельское хозяйство и социализм.

Все могучие препятствия, которые встречает прогресс в земледелии со стороны капитализма, будут устранены с устранением последнего,—частная собственность на землю,

наемный труд и политика колониальных завоеваний и грабежей. Отсюда возникает возможность устранить и теперь уже весьма заметное и все растущее противоречие между возможною и действительною производительностью труда в сельском хозяйстве,—развить те громадные производительные силы, которые уже теперь предоставляет в распоряжение земледелия теоретическое естествознание и практическая техника и которые ко времени падения капиталистического строя увеличатся еще в большей степени. Наука и техника не отдыхают.

Устранение капитализма пролетариатом даст не только *возможность* поднять до самой высокой степени производительные силы сельского хозяйства так скоро, как это позволят производительные силы промышленности, которая должна дать сельскому хозяйству средства для его подъема; устранение капитализма приведет к *необходимости* по возможности ускорить этот подъем, так как пролетариат после победы должен будет всеми силами стараться увеличить количество пищи и досуга, поскольку это достижимо для населения.

Прежде чем исследовать этот вопрос более детально, мы должны предупредить одно возможное недоразумение. Мы указали, что господство пролетариата, после его победы, поведет к устранению частной собственности на землю. Это нужно понимать только в том смысле, что, как мы должны ожидать, частная собственность на землю будет в конце концов устранена в процессе того развития, которое начнется с победой пролетариата. Мы ни в коем случае не хотим этим сказать, что пролетариат, достигнув власти, немедленно использует ее в целях экспроприации всех крестьян или конфискации у них земли.

Об этом никто из социал-демократов не думает. Это, конечно, само по себе не могло бы еще быть гарантией, что дело не дойдет до подобной экспроприации. Мы ведь можем говорить только за самих себя, но мы не знаем, кто из нас доживет до победы пролетариата, при каких условиях она наступит, каковы будут воззрения победителей. Однако, помимо доброй воли живущих теперь социал-демократов, существует и другой фактор, представляющий гораздо большее ручательство за то, что дело не дойдет до экспроприа-

ции крестьян: это—тот простой факт, что подобная экспроприация не только не отвечает интересам пролетариата, но противоречит им.

Победоносный пролетариат будет иметь все основания позаботиться о том, чтобы производство пищи шло нормальным порядком. А экспроприация крестьян привела бы всю эту отрасль производства в сильнейшее замешательство и угрожала бы новому режиму голодом. Крестьяне, следовательно, могут не беспокоиться. Экономически без них нельзя обойтись, и это гарантирует их от экспроприации, не говоря уже о том, что самое элементарное благоразумие требует избегать враждебных отношений с таким сильным слоем населения.

Мелкие крестьяне от победы социализма ничего не потеряют, они могут только выиграть. Только с этой победой будет устранена взаимная вражда капиталистических наций, которая ведет к все растущему вооружению и постоянно грозит разразиться войною; только с этой победой будут даны все условия разоружения и столь желанного вечного мира. А от этого никто не получит такого облегчения, как именно крестьяне, ибо никакой другой слой населения не страдает так сильно от милитаризма, как они.

Но тогда пролетариат будет иметь все средства и будет заинтересован в том, чтобы оказать крестьянину поддержку в техническом усовершенствовании его хозяйства: дать ему удобрение, скот, улучшенные орудия и тем самым увеличить количество его продуктов.

Мы не ожидаем от этого нового укрепления мелкого крестьянского хозяйства: мы думаем, наоборот, что никакое облегчение и никакая поддержка не будут в состоянии сделать для мелкого крестьянского хозяйства доступной в полной мере современную технику. Мелкие крестьяне поэтому, рано или поздно, когда укрепится новый способ производства, сами добровольно откажутся от своей формы хозяйства, которая для них будет препятствием для дальнейшего социального подъема. Будущее общество будет иметь все основания помочь им при переходе к высшей форме хозяйства, так как ему нужны пищевые средства и сырые материалы, и потому оно сильнейшим образом заинтересовано в таком переходе.

Этот процесс будет ускорен еще и другим способом.

Социалистический режим будет иметь дело в сельском хозяйстве не только с мелкими крестьянами, но и с многочисленными наемными рабочими. Какое положение займет он по отношению к тем хозяйствам, которые применяют наемный труд?

Поклонники крестьянского хозяйства во что бы то ни стало хотят думать, что сельскохозяйственные рабочие являются истинными фанатиками частной собственности на землю и ничего так страстно не желают, как стать мелкими крестьянами. Социальный переворот для них равносилен раздроблению крупных хозяйств и наделению образованными из них мелкими кусками земли теперешних рабочих.

Что и теперь еще многие сельскохозяйственные рабочие мечтают об этом—не подлежит сомнению. Эта потребность образует одну из причин прогрессирующего дробления земли в некоторых странах и высоких цен на землю при продаже ее мелкими участками.

Но и теперь уже, хотя дороговизна жизни и безработица угрожают пролетарию, собственный кусок земли не имеет все той же притягательной волшебной силы для сельского рабочего, как прежде. Мы видим, что сами дети крестьян, чтобы избавиться от невозможного крестьянского существования, предпочитают уйти в город, а не хозяйничать дальше на своем клочке.

Но в социалистическом обществе—это не может подлежать никакому сомнению—положение промышленного рабочего изменится к лучшему в гораздо большей степени, чем положение мелкого крестьянина, сколько бы ему ни помогали.

Современный рабочий класс стремится не только к увеличению пищи, к улучшению жилища и одежды, но и к уменьшению монотонной работы современного массового производства, к тому, чтобы иметь больше досуга и свободы. Досуг представляет теперь не менее необходимое средство существования, чем мясо и хлеб.

Если производство должно подняться, а рабочее время одновременно значительно сократиться, тогда необходимо применять только самые совершенные средства производ-

ства, а все менее совершенные, по возможности, вывести из употребления. В промышленности это не представит больших трудностей. И здесь, не только в сельском хозяйстве,— существуют еще многочисленные, в высшей степени нерациональные, а часто прямо-таки паразитические мелкие предприятия.

Они не исчезают при капитализме, но имеют еще тенденцию размножаться, несмотря на победоносное шествие крупного производства, и даже именно благодаря ему, так как они всё более становятся одной из форм промышленной резервной армии, убежищем для тех, кого крупное производство оставляет без работы. Огромное большинство таких карликовых предприятий без всякого ущерба для производства может быть уничтожено одним ударом, и оно будет уничтожено в тот момент, когда крупные предприятия будут привлекать лучшими условиями труда, более высокой платой и обеспеченностью заработка.

Положим, что в самых продуктивных предприятиях увеличат число рабочих втрое, введут три смены в день по 8 часов для каждой и может-быть в течение трех летних месяцев будут работать только две смены, а третья будет пользоваться месячным отпуском, так чтобы каждый рабочий предприятия получал такой отпуск. Кто из мелких ремесленников и лавочников не захочет тогда стать рабочим в таком предприятии, кто станет еще заниматься рецептами для спасения мелкого производства? Оно исчезнет совершенно безболезненно в торговле и промышленности, а мелкие мастера и лавочники, сохраняющие теперь только видимость самостоятельности, вздохнут свободно.

Но при такой перемене в промышленности сюда не в меньшей степени устремятся и рабочие из деревни: не только те, кто до сих пор был наемным рабочим, но и самостоятельные мелкие крестьяне, которые тогда легко откажутся от своих парцелл, если они смогут обменять их на привольную жизнь.

Как ни желательно, чтобы мелкие торговцы, лавочники и ремесленники бросили свои бесцельные для общества предприятия и увеличили собою число рабочих сил, занятых в наиболее продуктивных крупных предприятиях промышленности и транспорта, но было бы опасно для нового

режима, если бы к этому присоединилось массовое бегство сельскохозяйственного населения из деревни в город. Наделение сельскохозяйственных рабочих собственными хозяйствами не могло бы предотвратить этой опасности.

Социалистический режим, всего вероятнее, примет заранее меры, чтобы занятие сельским хозяйством сделать по возможности привлекательным, но если бы он даже упустил это сначала из виду, то бегство из деревни скоро заставило бы его сделать это.

Но в сельском хозяйстве это не так просто, как в промышленности. В последней само капиталистическое развитие создает в техническом отношении в высшей степени совершенные предприятия. Новое общество будет иметь перед собой в промышленности не столько задачу создания новых предприятий высшего типа, сколько задачу ликвидации отсталых предприятий и концентрации рабочих сил в наиболее совершенных.

В сельском хозяйстве есть только немного таких предприятий, которые можно назвать совершенными и в которых достигнут максимум того, что может быть сделано при современном состоянии техники и науки. И этих немногих предприятий было бы далеко не достаточно, чтобы покрыть потребность общества в продуктах земледелия. Нужно будет, значит, заново организовать все сельское хозяйство и поднять его на высшую ступень. Здесь экономическое развитие совершило еще недостаточную подготовительную работу для будущего строя, здесь последний сам должен будет создать для себя техническую основу с помощью естествознания и капиталистической техники города. Технический переворот в городской индустрии, созданный капитализмом, из которого вырастет новый строй, может и должен дать ему средства для технического преобразования сельского хозяйства.

Прежде всего будет важно обеспечить сельскому хозяйству возможно наибольшую производительность, дать отдельным предприятиям максимальные размеры, при которых они будут в состоянии наиболее совершенным образом использовать все находящиеся в их распоряжении средства. Эти максимальные размеры не могут быть одинаковы для всех стран, всех видов предприятий и всех времен. Мы уже

знаем, что марксизм ни в коем случае не утверждает, будто более крупное предприятие при всех условиях выше, чем более мелкое. Он утверждает это не относительно предприятий, но относительно капиталов. Но едва ли можно принять, чтобы когда-нибудь и где-нибудь для какой бы то ни было значительной отрасли производства размеры собственного хозяйства одной семьи могли считаться самой рациональной, максимальной или в какой бы то ни было мере достаточной величиной. Если это теперь еще и возможно до некоторой степени, то только потому, что буржуазному мозгу представляется вполне естественным, что рабочий есть вьючное животное и существует исключительно для своей работы. Мелкое крестьянское дворовое хозяйство потеряет свою жизнеспособность в тот момент, когда массы сельского населения начнут считать досуг необходимым условием жизни.

Мелкое дворовое хозяйство крестьян не допускает ни разделения труда, ни системы смен или даже праздников, вообще более или менее продолжительного перерыва в работе. Беспрерывно, изо дня в день, с утра до ночи должны надрываться мелкий крестьянин и его жена; сменить их некому.

Если рядом с его мелким хозяйством вырастет большое сельскохозяйственное производительное товарищество, где весною, летом и осенью будут работать тремя сменами, скажем, по 5 часов, а зимой двумя сменами, так что каждая смена будет иметь месячный отпуск, кто поверит, что и тогда крестьянин будет продолжать молиться по евангелию мелкого дворового хозяйства, которое теперь проповедуется нам некоторыми социалистами? Он все бросит, чтобы стать членом такого производительного товарищества. Так будет исчезать частная собственность на землю. Сперва для крупных хозяйств, а потом без всякого внешнего принуждения и для мелких, которые перейдут в крупные.

Разумеется, это не было бы достигнуто одной организацией крупных производительных товариществ в сельском хозяйстве и сокращением в них рабочего времени. Чтобы хозяйство могло достигнуть совершенства, нужно привлечь в деревню интеллигентные и научно-образованные рабочие силы, нужно сделать работу в деревне сносной для более

активных и более образованных людей. Нужно основать там лучшие и более высокого типа школы, библиотеки и читальни, учреждения для общественного наслаждения искусством.

Конечно, новые хозяйства должны быть в полной мере снабжены всеми вспомогательными средствами современной науки и техники, а это требует обзаведения многочисленными двигателями, приводимыми в действие частью паром, частью силою воды. Если применение этих сил должно быть использовано полностью, то это требует с своей стороны связи между промышленностью и сельским хозяйством, так как последнее нуждается в двигателях неравномерно в течение всего года. То же самое применимо и к человеческим силам. Они, при наличности, на-ряду с сельскохозяйственным и промышленного предприятия, могут быть заняты более равномерно.

Перенесение промышленности в деревню, соответствующее интересам поднятия производительности общественного труда, будет отвечать и духовным потребностям сельских и промышленных рабочих. Для промышленных рабочих этим облегчится соприкосновение с природою, а для сельских, с увеличением плотности населения в деревне, будет дана возможность жить более разнообразной общественной жизнью и заниматься искусством и наукой.

Таким образом социализм произведет могущественный переворот в сельском хозяйстве. Переворот этот не только увеличит производство сельских продуктов; он увеличит для сельского населения количество свободного времени, сделает из вьючных животных, какими теперь является деревенское население, свободных людей.

Везде переворот в сельском хозяйстве вызовет глубокие изменения. Но еще гораздо сильнее, чем в промышленных странах, скажется преобразующее действие будущего строя в странах земледельческих, так как здесь разность между действительной и возможной производительностью труда гораздо больше, а следовательно скачок будет сильнее.

Как капиталистическое, так и социалистическое общество должно заботиться о том, чтобы повысить избыток в продуктах, доставляемых сельским хозяйством. Но оно

может применять только методы производства относительного, а не абсолютного прибавочного продукта. Оно освободит жителей земледельческих стран от давящей их и разоряющей капиталистической эксплоатации, чтобы вдохнуть в их сельское хозяйство новую жизнь и поднять его на высшую ступень совершенства при помощи современной науки и современной техники.

Для этого не нужно ни колониальной политики, ни завоевания, ни насилия. Средства для увеличения производства и сбережения труда каждый возьмет охотно; отсталые народы только там относятся враждебно к новейшим средствам производства, где они навязываются им, как средства эксплоатации и порабощения. Именно уничтожение всякого принуждения и является первым предварительным условием для того, чтобы открыть современным средствам производства быстрый доступ в земледельческие страны. В будущем обществе применение современных методов производства в земледельческих странах будет развиваться в такой же степени, в какой индустрия промышленных стран будет создавать необходимые вспомогательные средства производства и транспорта, а духовное развитие населения земледельческих стран будет достигать нужной для применения этих средств производства высоты. У нас нет никакого основания думать, что второй фактор будет развиваться медленнее первого.

Какой-нибудь благоразумный и трезвенный мудрец из реальных политиков не преминет, конечно, посмеяться над моими „фантазиями" и заметит по этому поводу, что, если верить мне, будущее общество, без больших разговоров, предоставит в распоряжение негров в Конго паровые плуги для распашки девственного леса.

Но эти самодовольные критики не должны забывать, что к земледельческим странам, о которых здесь главным образом идет речь, принадлежат те страны, где и теперь уже современная наука далеко не остается неизвестной: Ирландия, Испания, южная Италия, Венгрия, Румыния, Балканские государства, Малая Азия, Персия, Египет, Ост-Индия, тропические и субтропические страны Америки. Пока удастся во всех этих странах поднять годную для обработки площадь до высоты современной производительности, пока

будут закончены все работы по осушке в одном и по орошению в другом месте, пока закончатся облесение в одних странах и расчистка девственного леса в других, пока здесь будет закончено снабжение лучшими средствами производства и искусственными двигателями—пока все это будет сделано, потребуется, ведь, некоторое время, может-быть достаточное для того, чтобы и в Конго созрели условия для применения парового плуга, если только до тех пор его не вытеснит какой-нибудь более целесообразный и простой аппарат. Во всяком случае, нет ни малейшей необходимости при распространении парового плуга в земледельческих странах начинать как раз с негров Конго

Темп огромного процесса преобразования и усовершенствования сельского хозяйства в будущем обществе зависит от количества вспомогательных средств производства, которое может дать сельскому хозяйству промышленность. Большая часть металлургических и строительных рабочих, которые теперь работают для расширения городов или для военного дела, будет занята постройкой строений, машин и орудий для сельского хозяйства. Победа промышленного пролетариата в конечном счете принесет более всего пользы сельскому хозяйству и поставит сельское население в лучшие условия существования.

Капитализм в девятнадцатом столетии преобразовал прежде всего и почти исключительно промышленность и средства сношения; будущий строй, которому, мы надеемся, будет еще принадлежать большая часть XX столетия, должен в гораздо большей степени преобразовать сельское хозяйство, чем промышленность.

Нет ничего более ошибочного, как приписывать социал-демократии враждебность или хотя бы только равнодушие по отношению к сельскому хозяйству. Мы враги не сельского хозяйства, а земельной ренты, которую кладут себе в карман праздные землевладельцы и ростовщики-капиталисты. Мы восстаем не против мелких крестьян, а против тех, кто хочет внушить сельским рабочим, что их конечной целью должна быть жизнь мелкого крестьянина, что к этому они и должны стремиться более всего и на этом концентрировать свои силы. Это значит — сделать их конечною целью вечную барщину, это значит также по-

низить силу их сопротивления против эксплоататоров в настоящем, ибо их самое действительное оружие есть угроза отказаться от работы и эмигрировать, а это оружие они выбрасывают из рук, как только связывают себя клочком земли.

Процесс преобразования сельского хозяйства промышленностью, который должен начаться с победой пролетариата, будет так обширен, что он вряд ли скоро окончится или, по крайней мере, замедлится, так как полной остановки в нем никогда не будет. Темп его зависит прежде всего от количества рабочих сил, которыми может располагать промышленность. Чем быстрее будет оно расти, тем быстрее будут развертываться производительные силы сельского хозяйства.

Это произойдет даже в том случае, если возделанная теперь площадь земли не увеличится, если гигиенические, технические, эстетические соображения не позволят расширять ее дальше за счет леса, площадь которого должна увеличиться в одном месте настолько, насколько уменьшается в другом, и даже если потребность в досуге значительно сократит, по сравнению с настоящим, рабочее время для необходимых работ. И в этом случае производство средств существования быстро возрастет, так как по сравнению с уже возможной в настоящее время производительностью труда в сельском хозяйстве его действительная производительность еще ничтожна во всех почти странах, кроме старых капиталистических промышленных стран.

Пока эта разница между действительной и возможной производительностью труда в сельском хозяйстве не выравнена, до тех пор всякая новая рабочая сила, притекающая к промышленности, будет означать увеличение производительных сил для сельского хозяйства, увеличение его производительности и его излишков, следовательно, поднятие уровня средств существования. А до какой степени этот уровень может быть еще поднят, мы можем видеть из следующих данных

Никто не станет утверждать, что немецкое сельское хозяйство стоит на высоте совершенства. Недавно опубликованное исследование свое по вопросу о том „Стоит ли немецкое сельское хозяйство под давлением закона убываю-

щего плодородия“ [1]), д-р Рыбарк заканчивает следующими словами:

„Кто знаком со страной и людьми и знает, как много существует крестьянских дворов и даже более крупных владений, куда еще не попадало ни одной крупинки искусственного удобрения, где с дедовских времен культивируется одно и то же зерно и один и тот же сорт картофеля, где земледельческие орудия—жалки и обработка почвы недостаточна, где накопление навоза, плодосмен и другие технические и хозяйственные мероприятия оставляют еще многого желать в своей рациональности, тому будет ясно, что немецкое сельское хозяйство в целом, несмотря на все успехи, еще далеко не достигло того пункта, когда больший сбор может быть достигнут только посредством еще больших затрат.“

То же самое можно сказать об Англии.

„Об английском сельском хозяине... говорят, что он хороший скотовод, но собственно в земледелии он не идет вперед наравне с временем и еще мало знаком с искусственным удобрением. Это происходит, конечно, частью вследствие отсталости сельскохозяйственного образования, но может быть также поставлено в связь с краткосрочными и непрочными арендными договорами, которыми не обеспечиваются в достаточной мере произведенные мелиорации.“ [2])

В какой мере отстало еще европейское сельское хозяйство, до какой степени мало усвоило оно себе из успехов техники, об этом свидетельствует, между прочим, доклад, прочитанный в Венском высшем земледельческом училище 16 февраля 1910 г. доктором Эдуардом фон-Зайдлем. Докладчик арендует с 1889 года несколько смежных имений в Моравии, с общею площадью в 2.135 гектаров, и ведет хозяйство с достаточным капиталом по современным методам, впрочем не применяя при этом всех усовершенствований, какие предоставляет сельскому хозяину современная техника. Электричество, например, еще не играет у него

[1]) Dr. Rybark. Ob die deutsche Landwirtschaft unter dem Drucke des Gesetzes vom abnehmenden Bodenertrag steht? „Zeitschrift für Sozialwissenschaft“ 1909, S. 455.

[2]) Ad. Mayer. Ueber den Erfolg der Reform der Pachtgesetzgebung in England. „Zeitschrift für Sozialwissenschaft“ 1909, S. 660.

никакой роли. Почва имений не особенно хороша, отчасти она болотиста, отчасти расположена чересчур по откосу и нивы перемешаны с участками других владельцев, зачастую малых размеров и неправильной формы. Рабочие отчасти пришлые словаки, их работа малоценная, соседи относятся враждебно ко всяким новшествам, и это чрезвычайно затрудняет, например, дренаж. И однакоже Зайдлю удалось с 1890 г. в высокой степени поднять производительность имения благодаря применению машин и результатов новейшей химии и биологии.

О результатах отдельных улучшений можно судить, например, по успехам, достигнутым путем высушивания резаной кормовой свеклы.

„Высушивание резаной свеклы позволяет мне при том же количестве ее выкармливать на 1.000 убойных быков в год больше, чем прежде, когда я скармливал ее в невысушенном виде.“

Если бы этот метод был применен всеми 200 сахарными заводами Австрии, то они сумели бы вскормить на 200.000 быков в год больше при прежних затратах свеклы. Но всего лишь около дюжины заводов применяет этот способ.

Не менее важен способ обработки соломы, позволяющий превращать в хороший корм не только всякого рода солому, но и картофельную ботву. Зайдль ввел этот способ в 1905 г., и это дало ему возможность сократить площадь, отведенную под кормовые травы, с 430 гектаров до 250.

Не менее значительны были успехи, достигнутые Зайдлем и в производстве зерна.

„Удобрение, своевременная обработка (паровые плуги на 80.000 крон!) и правильный выбор сортов позволили мне... поднять производство хлеба с 9.000 метрич. центнеров в год до 27.000, стало быть *утроить производство*.

„Но я не оставил без внимания и успехов, достигнутых в новооткрытой области воспитания растений. Мне удалось получить из одной местной породы озимой ржи семена, которые дали в прошлом году на 5 гектарах урожай в 33 метрических центнера, а в текущем году при засеве в широком масштабе даже в 37 метрических центнеров на гектар.“

При этом в прошлом году урожай, вообще говоря, был неважный.

В среднем, за последнее пятилетие урожаи в Моравии давали 13,4 метрических центнера на гектар! В Германии среднее за 1899—1907 г.г. также достигало всего лишь 15,5 метрических центнеров.

Достижение таких высоких урожаев отнюдь не являлось при этом игрою, в которой не считаются с расходами. Г. Зайдль — хороший хозяин. Разумеется, он умалчивает о высоте своих прибылей. Однако он говорит, что годовой доход его за время от 1889 г. до 1909 г. поднялся с 420.000 крон до 798.000, в то время как расход на рабочих вырос всего лишь от 100.000 до 157.000. В 1906 г. этот расход поднялся до 189.000 крон, но введение новых машин дало возможность понизить его на 32.000 крон!

Но, конечно, в имение нужно было вложить и соответствующий капитал. Средствами крестьянского хозяйства такое повышение производительности было бы недостижимо.

Предприятия, в роде зайдлевского, далеко еще не являются последним словом современной сельскохозяйственной техники. Несмотря на это, они до сих пор встречаются лишь в отдельных случаях.

А как далеко отстали от Германии и Англии другие страны, житницы мира! По данным английского сельскохозяйственного бюро сбор пшеницы с акра составлял в среднем за пять лет (до 1907 г.):

	С одного акра бушелей пшеницы:
В Великобритании	31,32
„ Германии	29,59
„ Бельгии	34,09
Напротив, в Северо-Америк. Соед. Штатах	13,57
В Аргентине	10,58
„ Австралии	8,76
„ Европ. России (без Польши)	9,72
„ Ост-Индии	11,44

Следовательно, сбор последних стран, если судить по приведенным цифрам, можно легко утроить, даже при условии снабжения их хотя бы только все еще несовершенными вспомогательными средствами английского или немецкого сельского хозяйства.

С другой стороны, для производства человеческой пищи можно было бы значительно увеличить уже наличное коли-

чество обработанной площади, если заменить силу лошади силою механических двигателей. В Германии пшеницей засевается неполных 2 миллиона гектаров, а овсом более 4 милл., в России—почти 17 милл., в Соед. Штатах—13 милл.

Какая площадь может быть присоединена к культуре при помощи осушительных и оросительных работ, видно из следующих данных. В Германии одни возвышенные болота занимают площадь в 27.500 кв. километров — больше, чем Рейнская область, больше, чем находящаяся под пшеницей площадь во всей империи. В Соединенных Штатах площадь болот в 1900 году составляла 75 милл. акров, а площадь, засеянная пшеницей,—50 милл.

Относительно площади, которую в Соединенных Штатах можно сделать годной для обработки путем искусственного орошения, Саймонс приводит следующие данные из отчета сенатской комиссии:

„Более $^{2}/_{5}$ всей земли Соединенных Штатов, не считая Аляски, требуют искусственного орошения, если с них хотят собирать регулярную жатву, и по крайней мере для $^{4}/_{5}$ этой земли искусственное орошение является необходимым предварительным условием всякой обработки. Область засухи охватывает 1.200.000 — 1.300.000 англ. кв. миль, она на $^{1}/_{3}$ больше Британской Индии и очень похожа на нее своим общим характером... Спрошенные лица единогласно утверждали, что один акр земли в Монтане при искусственном орошении равен по урожайности 3—5 акрам во влажных, подверженных дождям штатах.“

Область эта охватывает в круглых цифрах тысячу миллионов акров, а вся засеянная пшеницей площадь в Соединенных Штатах—50 милл.; уже и при теперешней обработке эта область дает в среднем 35 бушелей пшеницы на 1 акр, тогда как в общем в Соединенных Штатах получается 13½ бушелей с акра. Можно себе представить, какое огромное повышение уровня средств существования может дать орошение этой области. В 1899 г. там было орошено круглым счетом 7 милл. акров. Работы по орошению стоили 64 милл. долларов, около 125 милл. рублей, а ежегодная стоимость всего урожая достигала 84 милл. долларов, почти 175 милл. руб. [1]).

---

[1]) Ср. M. A. Simons. The American Farmer, p. 176. Chicago. 1902.

Того же самого можно достигнуть и в странах Средиземного моря, а также в Месопотамии, тропической Африке и Америке.

Пока этот процесс будет продолжаться, о перенаселении не может быть и речи, как бы быстро ни размножалось народонаселение. И не будет преувеличением, если мы предположим, что весь колоссальный процесс преобразования сельского хозяйства на всем земном шаре социализмом не будет закончен и по истечении столетия.

(К. Каутский. „Размножение и развитие в природе и обществе". Изд. „Пролетарий" 1923 г., стр. 136—145.)

5. Элементы социалистического сельского хозяйства.

Мы исходили из того положения, что развитие современной промышленности неизбежно ведет к социализму. Для доказательства этого положения потребовалась бы целая книга; эта задача выполнена уже в основных сочинениях научного социализма и прежде всего в „Капитале".

Здесь мы пытаемся только по возможности конкретнее очертить, как завоевание политической власти пролетариатом и его необходимый результат — обобществление промышленности—должно повлиять на сельское хозяйство.

Мы преднамеренно говорим „обобществление", а не „огосударствление". Мы хотим оставить совершенно в стороне вопрос о том, может ли социалистическое общество сохранить форму государства; в начальной своей стадии оно несомненно удержит эти формы; именно государство должно стать могущественным рычагом социального переворота. Но этот переворот сам по себе требует только *обобществления* всего производства и всех средств производства, а никак не их *огосударствления;* они не должны больше быть предметом частной собственности, они должны стать общественной собственностью; их общественная роль опередит ту общественную организацию, во владение которой они должны перейти. Средства производства, удовлетворяющие местным потребностям, как-то: пекарни, осветительные предприятия, городские дороги более подходят к коммунальному, чем к государственному владению, в то время как многочисленные средства производства (к ним

относятся, конечно, средства сообщения) приобретают международное значение и потому могут стать международной собственностью, как Суэцкий или Панамский каналы. Важнейшие средства производства перейдут, конечно, в собственность государства, так как современное государство одно только может служить рамками для социалистического общества, одно может создать условия, необходимые для превращения коммунальных или товарищеских предприятий в звенья социалистического производства.

Если даже обобществление производства на первых порах коснется только крупной капиталистической промышленности, то очевидно все-таки, что оно превратит в общественных рабочих и тех земледельцев, которые не в состоянии прокормиться одним своим земледелием, которые должны прибегать к подсобным промыслам, не задевая при этом ни малейшим образом их земельной собственности. Так, например, обобществление горноделия или кирпичных заводов превратит из наемных рабочих капитализма в общественных рабочих те сотни тысяч карликовых хозяев, которые должны прибегать к работе в горноделии или на кирпичных заводах, чтобы покрыть дефицит в своем земледельческом хозяйстве.

С другой стороны, крестьяне, возделывающие свекловицу, без всякой экспроприации, благодаря простому обобществлению сахарных фабрик, из детализированных рабочих капиталистического предприятия, превращаются в детализированных рабочих общественного предприятия. То же относится и к взаимоотношению между молочными хозяйствами и маслобойными и сыроваренным заводами, всё более принимающими ныне капиталистический характер, и т. п. Но обобществление крупных промышленных предприятий, благодаря соединению их в одних руках, должно превратить в детализированных общественных рабочих и тех сельских хозяев, которые при современном режиме свободной конкуренции самостоятельно выступают на рынке.

Раз все пивоваренные заводы перейдут в одни руки, то хмелеводы и производители солода сразу станут в те же отношения к пивоваренным заводам, как возделыватели свекловицы к сахарным заводам. Так же сложатся отношения между крестьянами-поставщиками хлеба и обществен-

ными мельницами, между виноградарями и общественными винными погребами, и т. д.

Уже теперь зависимость производителей-земледельцев от крупных предприятий этого рода весьма велика, поэтому передача их из рук капиталистов в собственность общества также равносильна освобождению сельского хозяина, особенно мелкого, как обобществления горноделия и т. п. для карликового хозяина, поставлявшего ему свой наемный труд.

Рука-об-руку с растущей индустриализацией сельского хозяйства идет отделение земельной ренты от прибыли на капитал, земельной собственности от сельского хозяйства: с одной стороны — в форме арендной системы, с другой—в форме ипотеки. Пролетарский режим безусловно поведет к обобществлению земельной собственности в обеих этих формах, обобществлению сданной в аренду земли и ипотек. Чем сильнее (в странах с развитой арендной системой) крупное землевладение и чем более концентрированы в немногих руках ипотечные долги, тем скорее сельские хозяева признают и радостно приветствуют этот процесс, как и процесс обобществления сельскохозяйственных промышленных предприятий, как освободительный.

Наконец, пролетарский режим должен повести и к обобществлению крупных промышленных сельскохозяйственных предприятий, покоящихся на системе эксплоатации наемного труда. Правда, крупное производство в земледелии не имеет такой же тенденции к господству, как в промышленности. Но безусловно ложно ждать вытеснения крупного производства крестьянским хозяйством. В капиталистическом сельском хозяйстве крупное и мелкое производство обусловливают друг друга.

Самостоятельное крестьянское хозяйство нельзя уже спасти; оно может утвердиться, только опираясь на крупное хозяйство. Где имеются вблизи крупные промышленные предприятия, дающие крестьянину занятие, как наемному рабочему или как мнимо самостоятельному, работающему на капиталистов хозяину, там он делается их рабом. Где таковых нет, там он нуждается в крупном земледельческом хозяйстве, чтобы не опуститься на крайнюю степень нищеты. Конечно, крупное земледельческое хозяйство более страдает

от бегства из деревни, чем мелкое хозяйство, но и крестьянская семья начинает от этого распадаться, и в ее распоряжении нет средств хоть несколько помочь недостатку в рабочих руках увеличенным применением машин. И если аграрный кризис скорее экспроприирует неимеющих в своем распоряжении достаточного капитала крупных землевладельцев, чем крестьян, то всё быстрее растущее накопление капиталов создает достаточно капиталистов, умеющих извлекать доход из соединения сельскохозяйственной эксплоатации с промышленной, что для них, само собой разумеется, возможно только в рамках крупного, а не крестьянского хозяйства.

Как бы мало поэтому мы ни были в праве рассчитывать на быстрое поглощение в сельском хозяйстве мелких хозяйств крупными, еще менее нам оснований ожидать противоположного процесса. В действительности статистика показывает нам только ничтожные колебания в отношениях между отдельными по величине категориями, изменения, часто объясняемые переменами в способе производства,— большей интенсивностью производства, а не экономическим регрессом. Если в Германии доля хозяйств свыше 50 гектаров во всей сельскохозяйственной эксплоатируемой площади понизилась за время от 1882 по 1895 г. с 33,00% до 32,56%, т.-е. менее чем на полпроцента, то во Франции с 1882 по 1898 год доля хозяйств свыше 40 гектаров во всей культурной площади поднялась с 44,96% до 45,56%, т.-е. более чем на полпроцента.

Это—совершенно ничтожные различия. Но здесь, как и там, крупные хозяйства захватила весьма значительная часть земель, почти $^{1}/_{3}$ здесь, почти $^{1}/_{2}$ там. Но в этих хозяйствах во Франции в 1882 году были заинтересованы только 142.000 (из 5.672.000 сельских хозяев, т.-е. 2,51%), в 1892 г. даже только 139.000 (из 5.703.000, т.-е. 2,42%), в Германии в 1882 году 66.614 (из 5.276.344 сельских хозяев, т.-е. 1,20%), в 1893 г. 67.185 (из 5.558.317, т.-е. 1,21%). Что эти хозяйства перейдут в общественную собственность, когда дальнейшее существование наемной системы сделается невозможным, конечно, не подлежит никакому сомнению. Но благодаря только одному этому общество получит в свое распоряжение от $^{1}/_{3}$ до ½ сельскохозяйственной земли.

Громадная земельная площадь, занятая крупным сельским хозяйством, всё более развивающийся капиталистический характер его, рост арендной системы и ипотек, индустриализация сельского хозяйства — вот элементы, подготовляющие почву для обобществления сельскохозяйственного производства, которое с такой же неизбежностью вытекает из грядущего господства пролетариата, как и обобществление индустриального производства, с которым оно всё более сливается в одно гармоническое целое.

Одновременно с этими общественными элементами социалистического сельского хозяйства развиваются и его технические элементы. Мы видели, как современная наука и современная техника вторгаются в область сельского хозяйства и совершают в нем переворот, и как современное крупное сельскохозяйственное производство достигает своей высшей точки в капиталистических латифундиях, Но, как совершенная техника английского земледелия в прошлом столетии могла процветать только в немногих имениях, свободных от разрушительного гнета феодальной собственности, так и современная техника может развиваться только в отдельных имениях. Нужна снова социальная революция, чтобы сделать возможным ее всеобщее распространение и удалить с пути те препятствия для развития, которые делают сельское хозяйство слабым после короткого подъема.

Победа пролетариата равносильна уничтожению милитаризма и централизации больших городов. Обобществление крупных имений освободит последние от пут, наследственного права и абсентеизма. Замена же наемного рабства трудом свободных членов общины доставит и сельскохозяйственному крупному производству тот элемент расцвета, который для него всего важнее и отсутствие которого в настоящее время больше всего мешает его развитию: *интеллигентных, добровольных и старательных рабочих сил в достаточном числе*. Бегство из деревни прекратится, как только рабочий найдет в деревне достаточно работы, которая доставит ему то же благосостояние, те же культурные условия, как городская работа. Оно прекратится тем скорее, чем сильнее будет связь промышленности с земледелием, чем скорее место товарного производства и торговли

предполагающих экономическую централизацию в больших городах, займет производство обществом и для общества, которое позволит равномерно распределить по всей стране производство и положит конец убийственному скучению населения в больших городах. Мы уже встречали первую жалкую форму возрождающегося объединения сельского хозяйства с промышленностью в виде промыслового наемного труда мелких крестьян и кустарей; в более совершенной форме оно выступало перед нами в виде промышленных подсобных занятий земледельца, обрабатывающего свое сырье; в современных латифундиях это объединение достигает высшей стадии своего развития; но только в социалистическом обществе оно станет общим законом всего общественного производства.

Самостоятельное мелкое производство в земледелии теряет свое последнее убежище. Мы познакомились с тремя формами, с помощью которых оно поддерживает свое существование: с подсобным промысловым занятием, с наемным трудом в крупном сельскохозяйственном имении, а там, где нет ни того ни другого, где мелкий крестьянин остается сельским хозяином чистой воды, где он выступает по отношению к другому хозяину не как наемный рабочий, а как конкурент,—с чрезмерным трудом и недостаточным потреблением, *с варварством,* по выражению Маркса. Благодаря переходу капиталистических предприятий в общественную собственность, мелкие сельскохозяйственные предприятия как первого, так и второго рода попадают в зависимость от общественного производства, будут им поглощены или превратятся в простой придаток его. Но тогда чисто земледельческие самостоятельные мелкие хозяйства потеряют всякую притягательную силу для их владельцев. Уже теперь жизнь городских пролетариев настолько выше варварской жизни мелких крестьян, что молодое поколение крестьян бежит из деревень не хуже сельских наемных рабочих. Но когда их окружат со всех сторон социалистические латифундии, обрабатываемые уже не жалкими наемными рабами, а зажиточными членами товариществ, свободным, жизнерадостным поколением,—тогда вместо бегства с парцеллы в город начнется еще более стремительное бегство с парцелл в товарищеские крупные хозяйства, и варвар-

ство будет изгнано из своего последнего убежища, в котором он чувствует себя ныне неприступным от окружающего его цивилизованного мира.

Социалистическое крупное производство принесет мелкому крестьянину не экспроприации, а освобождения от ада, к которому он ныне прикован своею частною собственностью.

Общественное развитие в земледелии идет в том же направлении, как и в промышленности. Общественные потребности и общественные условия толкают его и тут и там к крупному общественному производству, в высшей форме которого земледелие и промышленность сливаются в прочном единстве.

(К. Каутский. „Аграрный вопрос". Изд. Петровск. библ. М. 1906 г., стр. 271—275. Изд. „Пролетарий" 1923 г., стр. 213—216.)

6. Будущее собственного жилища.

Хотя мы и полагаем, что для очень многих отраслей производства в области сельского хозяйства преимущественной формой будет форма крупного производства, и экономическое развитие, по устранении победоносным пролетариатом препятствий с его пути, приведет к вытеснению мелкого производства производством крупным на кооперативных или коммунальных началах, а следовательно и к соединению полей, но это отнюдь не обусловливается исчезновением собственного жилища. В этом случае прекратится свойственная пока еще сельскому хозяйству тесная связь между домом и хозяйством; дом отделится от хозяйственного двора, но ничто не побудит передавать жилище крестьянина в общественную собственность. Современный социализм основывается на общественной собственности на средства производства, а не на средства потребления; он не исключает частной собственности на эти последние. Среди средств для поддержания и придания бодрости человеческой жизни одно из важнейших, быть-может самое важное, это—собственное жилище. Общественная собственность на землю с этим вполне совместима.

Мы перешли бы на шаткую почву, если бы вздумали обсуждать образ жизни в будущем обществе. Окажут ли люди будущего предпочтение жизни в подобных дворцам

фаланстерах а-ля Фурье или же в отдельных коттеджах а-ля Беллами,—будет ли то одна то другая форма, будут ли они обе, одна рядом и вместе с другой развиваться,—несомненно, что, если для людей будущего будет дорого то, чтобы каждая семья имела свой собственный дом, то они не встретят препятствий этому в основаниях, на которых покоится социалистическое общество...

...Итак, крестьянину нечего опасаться за свой дом. Социалистический строй не уничтожит его бесследно; те же изменения, которые он внесет, гигиенические и эстетические, не послужат во вред крестьянскому дому. Нигде, может-быть, не выступает с такой очевидностью упадок крестьянства, как в крестьянских домах. Мы указывали на трущобные жилища рабочих. Но жилища крестьян зачастую ничуть не лучше убогих, грязных хлевов. А между тем у крестьянина есть стремление к чистоте и красоте; это обнаруживается повсюду, где он живет в достатке. Крестьянский дом в старину, например: дом швейцарского или русского крестьянина—предмет восхищения архитекторов; а теперь искусство крестьян сохраняется в городских виллах; оригиналы пришли в упадок и не находят себе последователей в крестьянских дворах. А между тем недостает только благосостояния и досуга для того, чтобы крестьянин вновь стал художником. Победоносный пролетариат даст ему всё это, он освободит не только промышленных наемных рабов, он обратит также землю, чудные красоты которой теперь представляют такой грустный контраст с неразвитостью, нищетой и грязью ее обитателей, в цветущий сад, населенный свободным, радостным и гордым человеческим родом.

(К. Каутский. „Аграрный вопрос“. Изд. Петровск. библ. М. 1906 г., стр. 401—405. Изд. „Пролетарий“ 1923 г., стр. 320—323.)

ГЛАВА IV. УНИЧТОЖЕНИЕ КЛАССОВ И „ОТМИРАНИЕ ГОСУДАРСТВА“.

1. Уничтожение классов.

Когда, в процессе развития, будут уничтожены различия классов и все производство сосредоточится в руках ассоциированных индивидуумов, общественная власть потеряет свой политический характер. Политическая власть, в собственном смысле этого слова, есть организационная сила одного класса, имеющая целью подчинение другого класса. Если пролетариат в борьбе против буржуазии необходимо объединяется, как класс, путем революции становится господствующим классом и, как господствующий класс, насильственно уничтожает старые условия производства, то вместе с последним он уничтожает также и условия существования антагонизма классов, классы вообще, а тем самым и собственно классовое господство.

Место старого буржуазного общества, с его классами и антагонизмом классов, займет ассоциация, в которой свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех.

(К. Маркс и Фр. Энгельс. „Коммунистический Манифест“. Гиз 1923 г., стр. 97.)

2. Уничтожение всяких классов — необходимое условие освобождения трудящихся.

Существование угнетенного класса составляет жизненное условие каждого общества, основанного на антагонизме классов. Освобождение угнетенного класса необходимо подразумевать, следовательно, как создание нового общества. Возможность этого освобождения является лишь на той ступени развития, когда приобретенные уже производительные силы и существующие общественные учреждения не могут долее уживаться рядом. Изо всех орудий производства наибольшую

производительную силу представляет сам революционный класс. Организация революционных элементов в класс уже заранее предполагает существование всех тех производительных сил, которые могли зародиться в недрах старого общества.

Значит ли это, что с падением старого общества наступит господство нового класса, выражающееся в новой политической власти?

Нет. Условия освобождения трудящегося класса есть уничтожение всяких классов; так же точно, как условием освобождения третьего, буржуазного сословия было уничтожение всех сословий [1]).

Идя по пути своего развития, трудящийся класс заместит старое гражданское общество ассоциацией, исключающей как классы с их антагонизмом, так и политическую власть в собственном смысле, так как политическая власть есть именно официальное выражение антагонизма классов в гражданском обществе.

А до тех пор антагонизм между пролетариатом и буржуазией останется классовой борьбой, являющейся на крайней степени своего напряжения всесторонней революцией. Да и удивительно ли, что общество, основанное на *противоположности классов,* приходит, в конце концов, к грубому *противоречию,* к физическому столкновению людей?

Не говорите, что социальное движение исключает политическое. Никогда не существовало политического движения, которое не было бы в то же время и социальным.

Только при таком порядке вещей, когда не будет больше классов и классового антагонизма, *социальные эволюции* перестанут быть политическими *революциями.* До тех же пор, накануне каждого полного переустройства общества, последним словом социальной науки будет:

Война или смерть, кровавая борьба или уничтожение. Такова неотразимая постановка вопроса (Жорж Занд).

(К. Маркс. „Нищета философии". Изд. Львовича 1906 г. СПБ., стр. 141—142.)

---

[1]) Слово *сословие* употребляется здесь в историческом смысле сословий феодального государства с определенными, ограниченными сословными привилегиями. Буржуазная революция уничтожила сословия вместе с их привилегиями. Буржуазное общество знает только классы. Поэтому тот, кто называет пролетариат „четвертым сословием", впадает в полнейшее противоречие с историей. *Фр. Э.*

3. При современном развитии производительных сил пропадает всякий предлог для существования буржуазии.

Только созданный крупной индустрией, освобожденный от всех унаследованных оков, в том числе и от тех, которые прикрепляли его к земле, и сконцентрированный в больших городах пролетариат в состоянии совершить великий социалистический переворот, который покончит со всякой классовой эксплоатацией и всяким классовым господством. Сельские ткачи прежних времен, с собственным домашним очагом, никогда не подумали бы даже об этом, никогда не смогли бы даже пожелать этого.

В глазах Прудона, напротив, вся промышленная революция последних ста лет, сила пара, крупное фабричное производство, заменяющее ручную работу машинами и в тысячу раз увеличивающее производительную силу труда, представляет собою в высшей степени неприятное событие, нечто, чему бы собственно и быть не должно. Мелкий буржуа Прудон стремится к такому миру, где бы каждый изготовлял отдельный самостоятельный продукт, который может быть тотчас же потреблен и выменен на рынке; если при этом каждый получит полную стоимость своего труда в виде другого продукта, то и вечная справедливость удовлетворена, и наилучший из миров установлен на земле. Но этот прудоновский лучший мир еще в зародыше своем раздавлен стопою прогрессирующего промышленного развития, давно уничтожившего обособленный труд во всех крупных отраслях индустрии и с каждым днем продолжающего уничтожать его в мелких и мельчайших его отраслях; это развитие ставит на место обособленного труда труд общественный, опирающийся на машины и используемые силы природы, готовый, подлежащий обмену или потреблению продукт которого представляет общее произведение многих лиц, через руки которых он прошел в процессе производства. И именно благодаря этой промышленной революции производительная сила человеческого труда достигла такой высоты, что получилась возможность—впервые за время существования человечества—при разумном разде-

делении труда между всеми не только производить продукты в количестве, достаточном для обильного потребления всех членов общества и для богатого запасного фонда, но и предоставляет каждому достаточно досуга, чтобы он мог получить всё то из исторически накопленного просвещения— наук, искусств, культурных форм общежития, что действительно имеет ценность. Не только получить, но и сделать их из монополии господствующего класса общим благом всего общества и способствовать дальнейшему их развитию. И в этом-то и заключается решающий момент. Как только производительная сила человеческого труда развилась до этой высоты, тотчас пропадает всякий предлог для сохранения господствующего класса. Последним основанием, служившим для защиты классового развития, было ведь всегда такое рассуждение: должен существовать класс, которому не надо было бы изнуряться при добывании насущного хлеба, чтобы он имел время заняться умственным трудом для общества. Эту фразу, имевшую до настоящего времени свое великое историческое оправдание, промышленная революция последних ста лет раз навсегда лишила смысла. Существование господствующего класса с каждым днем всё более и более становится помехой развитию промышленной производительной силы и точно так же помехой развитию наук и искусств и особенно культурных форм общежития. Наши современные буржуа представляют собою самую большую помеху на пути развития.

(Фр. Энгельс. „Жилищный вопрос". Гиз. 1920, стр. 23—24.)

Сейчас, проходя ваш зал, я встретил плакат с надписью: „Царству рабочих и крестьян не будет конца". И когда я прочитал этот странный плакат, который, правда, висел не на обычном месте, а стоял в углу,—может быть, кто-нибудь догадался, что плакат неудачен, и отодвинул его,—когда я прочитал этот странный плакат, я подумал: „А ведь вот относительно каких азбучных и основных вещей существуют у нас недоразумения и неправильное понимание". В самом деле, ежели бы царству рабочих и крестьян не было конца, то это означало бы, что никогда не будет социализма, ибо социализм означает

уничтожение классов; а пока остаются рабочие и крестьяне, до тех пор остаются разные классы и, следовательно, не может быть полного социализма.

(Ленин. Речь на Всероссийском Съезде транспортных рабочих 26 марта 1921 г.)

4. В. И. Ленин—об „отмирании“ государства и о коммунизме.

(„Государство и революция“.)

а) „Отмирание“ государства и насильственная революция.

Слова Энгельса об „отмирании“ государства пользуются такой широкой известностью, они так часто цитируются, так рельефно показывают, в чем состоит соль обычной подделки марксизма под оппортунизм, что на них необходимо подробно остановиться. Приведем всё рассуждение, из которого они взяты:

„Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность. Но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство. Существовавшему и существующему до сих пор обществу, которое двигается в классовых противоположностях, было необходимо государство, т.-е. организация эксплоататорского класса, для поддержания его внешних условий производства, значит, в особенности, для насильственного удержания эксплоатируемого класса в определяемых данным способом производства условиях подавления (рабство, крепостничество, наемный труд). Государство было официальным представителем всего общества, его сосредоточением в видной корпорации, но оно было таковым лишь постольку, поскольку оно было государством того класса, который для своей эпохи один представлял всё общество: в древности оно было государством рабовладельцев-граждан государства, в средние века—феодального дворянства, в наше

время—буржуазии. Когда государство наконец-то становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним. С того времени как не будет ни одного общественного класса, который надо было бы держать в подавлении, с того времени как исчезнут вместе с классовым господством, вместе с борьбой за отдельное существование, порождаемой теперешней анархией в производстве, те столкновения и эксцессы (крайности), которые проистекают из этой борьбы,—с этого времени нечего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления, в государстве. Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества—взятие во владение средств производства от имени общества,—является в то же время последним самостоятельным актом его как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другою излишним, и само собой засыпает. Место правительства над лицами заступает распоряжение вещами и руководство процессами производства. Государство не „отменяется", *оно отмирает.* На основании этого следует оценивать фразу про „свободное народное государство", фразу, имевшую на время атитаторское право на существование, но в конечном счете научно несостоятельную. На основании этого следует оценивать также требование так называемых анархистов, чтобы государство было отменено с сегодня на завтра".

(„Анти-Дюринг", „Ниспровержение науки господином Евгением Дюрингом", стр. 302—303 по 3-му нем. изд.)

Не боясь ошибиться, можно сказать, что из этого, замечательно богатого мыслями рассуждения Энгельса действительно достоянием социалистической мысли в современных социалистических партиях стало только то, что государство „отмирает", по Марксу, в отличие от анархического учения об „отмене" государства. Так обкарнать марксизм—значит свести его к оппортунизму, ибо при таком „толковании" остается только смутное представление о медленном, ровном, постепенном изменении, об отсутствии скачков и бурь,

об отсутствии революции. „Отмирание“ государства в ходячем, общераспространенном, массовом, если можно так выразиться, понимании означает, несомненно, затушевывание, если не отрицание революции.

А между тем подобное „толкование“ есть самое грубое, выгодное лишь для буржуазии, искажение марксизма, теоретически основанное на забвении важнейших обстоятельств и соображений, указанных хотя бы в том же, приведенном нами полностью, „итоговом“ рассуждении Энгельса.

Во-первых. В самом начале этого рассуждения Энгельс говорит, что, беря государственную власть, пролетариат „тем самым уничтожает государство как государство“. Что это значит, об этом думать „не принято“. Обычно это либо игнорируют совершенно, либо считают чем-то вроде „гегельянской слабости“ Энгельса. На деле в этих словах выражен кратко опыт одной из величайших пролетарских революций, опыт Парижской Коммуны 1871 г., о чем подробнее пойдет у нас речь в своем месте. На деле здесь Энгельс говорит об уничтожении пролетарской революцией государства *буржуазии*, тогда как слова об „отмирании“ относятся к остаткам *пролетарской* государственности *после* социалистической революции. Буржуазное государство не „отмирает“, по Энгельсу, а „уничтожается“ пролетариатом в революции. Отмирает после этой революции пролетарское государство или полугосударство.

Во-вторых. Государство есть „особая сила для подавления“. Это великолепное и в высшей степени глубокое определение Энгельса дано им здесь с полнейшей ясностью. А из него вытекает, что „особая сила для подавления“ пролетариата буржуазией, миллионов трудящихся горстками богачей, должна смениться „особой силой для подавления“ буржуазии пролетариатом (диктатура пролетариата). В этом и состоит „уничтожение государства как государства“. В этом и состоит „акт“ взятия во владение средств производства от имени общества. И само собою очевидно, что *такая* смена одной (буржуазной) „особой силы“ другою (пролетарскою) „особою силою“ никак уже не может произойти в виде „отмирания“.

В-третьих. Об „отмирании“ и даже еще рельефнее и красочнее—о „засыпании“ Энгельс говорит совершенно ясно

и определенно по отношению к эпохе *после* „взятия средств производства во владение государством от имени всего общества“, т.-е. *после* социалистической революции. Мы все знаем, что политической формой „государства“ в это время является самая полная демократия. Но никому из оппортунистов, бесстыдно искажающих марксизм, не приходит в голову, что речь идет здесь, следовательно, у Энгельса о „засыпании“ и „отмирании“ *демократии*. Это кажется на первый взгляд очень странным. Но „непонятно“ это только для того, кто не вдумался, что демократия есть *тоже* государство и что, следовательно, демократия тоже исчезнет, когда исчезнет государство. Буржуазное государство может „уничтожить“ только революция. Государство вообще, т.-е. самая полная демократия, может только „отмереть“.

В-четвертых. Выставив свое знаменитое положение: „государство отмирает“, Энгельс сейчас же поясняет конкретно, что направляется это положение и против оппортунистов и против анархистов. При этом на первое место поставлен у Энгельса тот вывод из положения об „отмирании“ государства, который направлен против оппортунистов.

Можно биться об заклад, что из десяти тысяч человек, которые читали или слыхали об „отмирании“ государства, 9.990 совсем не знают или не помнят, что Энгельс направлял свои выводы из этого положения *не только* против анархистов. А из остальных 10 человек, наверное 9 не знают, что такое „свободное народное государство“, и почему в нападении на этот лозунг заключается нападение на оппортунистов. Так пишется история! Так происходит незаметная подделка великого революционного учения под господствующую обывательщину. Вывод против анархистов тысячи раз повторялся, опошлялся, вбивался в головы наиболее упрощенно, приобрел прочность предрассудка. А вывод против оппортунистов затушевывали и „забыли“.

„Свободное народное государство“ было программным требованием и ходячим лозунгом немецких социал-демократов 70-х годов. Никакого политического содержания, кроме мещански-напыщенного описания понятия демократии, в этом лозунге нет. Поскольку в нем легально намекали на демократическую республику, постольку Энгельс готов был „на время“ „оправдать“ этот лозунг с агитаторской точки

зрения. Но этот лозунг был оппортунистичен, ибо выражал не только подкрашивание буржуазной демократии, но и непонимание социалистической критики *всякого* государства вообще. Мы за демократическую республику, как наилучшую для пролетариата форму государства при капитализме, но мы не в праве забывать, что наемное рабство есть удел народа и в самой демократической буржуазной республике. Далее. Всякое государство есть „особая сила для подавленяя“ угнетенного класса. Поэтому *всякое* государство *не* свободно и *не* народно. Маркс и Энгельс неоднократно разъясняли это своим партийным товарищам в 70-х годах.

В-пятых. В том же самом сочинении Энгельса, из которого все помнят рассуждение об отмирании государства, есть рассуждения о насильственной революции. Историческая оценка ее роли превращается у Энгельса в настоящий панегирик насильственной *революции*. Этого „никто не помнит“, о значении этой мысли говорить и даже думать в современных социалистических партиях не принято, в повседневной пропаганде и агитации среди масс эти мысли никакой роли не играют. А между тем они связаны с „отмиранием“ государства неразрывно, в одно стройное целое. Вот это рассуждение Энгельса:

> ...„Что насилие играет также в истории другую роль (кроме свершителя зла), именно революционную роль, что оно, по словам Маркса, является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым, что насилие является тем орудием, посредством которого общественное движение пролагает себе дорогу и ломает окаменевшие, омертвевшие политические формы,—обо всем этом ни слова у г. Дюринга. Лишь со вздохами и стонами допускает он возможность того, что для ниспровержения эксплоататорского хозяйства понадобится, может-быть, насилие,— к сожалению, изволите видеть! ибо всякое применение насилия деморализует, дескать, того, кто его применяет И это говорится, несмотря на тот высокий нравственный и идейный подъем, который бывал следствием всякой победоносной революции! И это говорится в Германии, где насильственное столкновение, которое

ведь может быть навязано народу, имело бы по меньшей мере то преимущество, что вытравило бы дух холопства, проникший в национальное сознание из унижения 30-летней войны. И это тусклое, дряблое, бессильное поповское мышление смеет предлагать себя самой революционной партии, какую только знает история". (Стр. 193 по 3-му нем. изд., конец 4-й главы II Отдела.)

Как можно соединить в одном учении этот панегирик насильственной революции, настойчиво преподносимой Энгельсом немецким социал-демократам с 1878 по 1894 г.г., т.-е. до самой его смерти, с теорией „отмирания" государства?

Обычно соединяют то и другое при помощи эклектицизма, безыдейного или софистического выхватывания произвольно (или для угождения власть имущим) то одного, то другого рассуждения, при чем в 99 случаях из 100, если не чаще, выдвигается на первый план именно „отмирание". Диалектика заменяется эклектицизмом: это самое обычное, самое распространенное явление в официальной социал-демократической литературе наших дней по отношению к марксизму. Такая замена, конечно, не новость, она наблюдалась даже в истории классической греческой философии. При подделке марксизма под оппортунизм подделка эклектицизма под диалектику легче всего обманывает массы, дает кажущееся удовлетворение, якобы учитывает все стороны процесса, все тенденции развития, все противоречивые влияния и проч., а на деле не дает никакого цельного и революционного понимания процесса общественного развития.

Мы уже говорили выше и подробнее покажем в дальнейшем изложении, что учение Маркса и Энгельса о неизбежности насильственной революции относится к буржуазному государству. Оно смениться государством пролетарским (диктатурой пролетариата) *не может* путем „отмирания", а может, по общему правилу, лишь насильственной революцией. Панегирик, воспетый ей Энгельсом и вполне соответствующий многократным заявлениям Маркса (вспомним конец „Нищеты философии" и „Комм. Манифеста" с гордым, открытым заявлением неизбежности насильственной революции;

вспомним критику Готской программы 1875 г. почти 30 лет спустя, где Маркса беспощадно бичует оппортунизм этой программы), этот панегирик отнюдь не „увлечение“, отнюдь не декламация, не полемическая выходка. Необходимость систематически воспитывать массы в *таком* и именно таком взгляде на насильственную революцию лежит в *основе всего* учения Маркса и Энгельса. Измена их учению господствующим ныне социал-шовинистским и каутскианским течениями особенно рельефно выражается в забвении и теми и другими *такой* пропаганды, такой агитации.

Смена буржуазного государства пролетарским невозможна без насильственной революции. Уничтожение пролетарского государства, т.-е. уничтожение всякого государства, невозможно иначе, как путем „отмирания“.

Подробное и конкретное развитие этих взглядов Маркс и Энгельс давали, изучая каждую отдельную революционную ситуацию, анализируя уроки опыта каждой отдельной революции. К этой безусловно самой важной части их учения мы и переходим.

(Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 308—313.)

б) (Продолжение.) Дополнительные пояснения Энгельса.

Маркс дал основное по вопросу о значении опыта Коммуны. Энгельс неоднократно возвращался к этой же теме, поясняя анализ и заключение Маркса, иногда с такой силой и рельефностью освещая *другие* стороны вопроса, что на этих пояснениях необходимо особо остановиться.

„Жилищный вопрос“.

В своем сочинении о жилищном вопросе (1872 г.) Энгельс учитывает уже опыт Коммуны, останавливаясь несколько раз на задачах революции по отношению к государству. Интересно, что на конкретной теме выясняются наглядно, с одной стороны, черты сходства пролетарского государства с теперешним государством,—черты, дающие основание в обоих случаях говорить о государстве, а с другой стороны — черты различия или переход к уничтожению государства.

„Как разрешить жилищный вопрос! В современном обществе он решается совершенно так же, как всякий другой общественный вопрос: постепенным экономическим выравниванием спроса и предложения, а это такое решение, которое постоянно само порождает вопрос заново, т. е. не дает никакого решения. Как решит этот вопрос социальная революция, это зависит не только от обстоятельств времени и места, это связано также с вопросами, идущими гораздо дальше, среди которых один из важнейших—вопрос об уничтожении противоположности между городом и деревней. Так как мы не занимаемся сочинением утопических систем устройства будущего общества, то было бы более чем праздным делом останавливаться на этом. Несомненно одно,—именно, что уже теперь в больших городах достаточно жилых зданий, чтобы тотчас помочь действительной *нужде* в жилищах при разумном использовании этих зданий. Это осуществимо, разумеется, лишь посредством экспроприации теперешних владельцев и посредством поселения в этих домах бездомных рабочих или рабочих, живущих теперь в слишком перенаселенных квартирах. И как только пролетариат завоюет политическую власть, подобная мера, предписываемая интересами общественной пользы, будет столь же легко выполнима, как и прочие экспроприации и занятие квартир современным государством“ (стр. 22 нем. изд. 1887 года).

Здесь изменение формы государственной власти не рассматривается, а берется только содержание ее деятельности. Экспроприация и занятия квартир происходят и по распоряжению теперешнего государства. Пролетарское государство, с формальной стороны дела, тоже „распорядится“ занять квартиры и экспроприировать дома. Но ясно, что старый исполнительный аппарат, чиновничество, связанное с буржуазией, был бы просто непригоден для проведения в жизнь распоряжений пролетарского государства.

„...Необходимо констатировать, что фактическое овладение всеми орудиями труда, всей индустрией со стороны трудящегося народа является прямой противоположностью прудонистского „выкупа“. При послед-

тем отдельный рабочий становится собственником жилища, крестьянского участка земли, орудий труда; при первом же совокупным собственником домов, фабрик и орудий труда останется „трудящийся народ". Пользование этими домами, фабриками и проч. едва ли будет предоставляться, по крайней мере в переходное время, отдельным лицам или товариществам без покрытия издержек. Точно так же уничтожение поземельной собственности не предполагает уничтожения поземельной ренты, а передачу ее, хотя и в видоизмененной форме, обществу. Фактическое овладение всеми орудиями труда со стороны трудящегося народа не исключает, следовательно, никоим образом, сохранения найма и сдачи в наем." (Стр. 69.)

Вопрос, затронутый в этом рассуждении, именно об экономических основаниях отмирания государства, мы рассмотрим в следующей главе. Энгельс выражается крайне осторожно, говоря, что пролетарское государство „едва ли" без платы будет раздавать квартиры, „по крайней мере в переходное время". Сдача квартир, принадлежащих всему народу, отдельным семьям за плату предполагает и взимание этой платы, и известный контроль, и ту или иную нормировку распределения квартир. Все это требует известной формы государства, но вовсе не требует особого военного и бюрократического аппарата с особо привилегированным положением должностных лиц. А переход к такому положению дел, когда можно будет бесплатно отдавать квартиры, связан с полным „отмиранием" государства.

Говоря о переходе бланкистов, после Коммуны и под влиянием ее опыта, на принципиальную позицию марксизма, Энгельс мимоходом формулирует эту позицию следующим образом:

„...Необходимость политического действия пролетариата и его диктатуры, как переход к отмене классов, а вместе с ними и государства..." (Стр. 55.)

Какие-нибудь любители буквенной критики или буржуазные „истребители марксизма" усмотрят, пожалуй, противоречие между этим *признанием* „отмены государства" и отрицанием такой формулы, как анархистской, в приведенном выше месте „Анти-Дюринга". Было бы неудивительно,

если бы оппортунисты и Энгельса зачислили в „анархисты“,—теперь всё распространеннее становится со стороны социал-шовинистов обвинение интернационалистов в анархизме.

Что вместе с отменой классов произойдет и отмена государства, этому марксизм учил всегда. Общеизвестное место об „отмирании государства“ в „Анти-Дюринге“ обвиняет анархистов не просто в том, что они стоят за отмену государства, а в том, что они проповедуют, будто возможно отменить государство „с сегодня на завтра“.

В виду полного искажения господствующей ныне „социал-демократической“ доктриной отношения марксизма к анархизму по вопросу об уничтожении государства, особенно полезно напомнить одну полемику Маркса и Энгельса с анархистами.

в) Полемика с анархистами.

Эта полемика относится к 1873 году. Маркс и Энгельс дали статьи против прудонистов „автономистов“, или „антиавторитаристов“, в итальянский социалистический сборник, и только в 1913 году эти статьи появились в немецком переводе в „Neue Zeit“.

> „...Если политическая борьба рабочего класса,—писал Маркс, высмеивая анархистов с их отрицанием политики,—принимает революционные формы, если рабочие на место диктатуры буржуазии ставят свою революционную диктатуру, то они совершают ужасное преступление оскорбления принципов, ибо для удовлетворения своих жалких, грубых потребностей дня, для того, чтобы сломать сопротивление буржуазии, рабочие придают государству революционную и преходящую форму, вместо того чтобы сложить оружие и отменить государство...“ („Neue Zeit“ 1913—1914, год 32, т. I, стр. 40.)

Вот против какой „отмены“ государства восставал исключительно Маркс, опровергая анархистов! Совсем не против того, что государство исчезнет с исчезновением классов или будет отменено с их отменой, а против того, чтобы рабочие отказались от употребления оружия, от организованного

насилия, *то-есть от государства,* долженствующего служить цели: „сломить сопротивление буржуазии“.

Маркс нарочно подчеркивает—чтобы не искажали истинный смысл его борьбы с анархизмом—„революционную и *преходящую* форму“ государства, необходимого для пролетариата. Пролетариату только на время нужно государство. Мы вовсе не расходимся с анархистами по вопросу об отмене государства, как *цели.* Мы утверждаем, что для достижения этой цели необходимо временное использование орудий, средств, приемов государственной власти *против* эксплоататоров, как для уничтожения классов необходима временная диктатура угнетенного класса. Маркс выбирает самую резкую и самую ясную постановку вопросов против анархистов: свергая иго капиталистов, должны ли рабочие „сложить оружие“ или использовать его против капиталистов, для того чтобы сломить их сопротивление? А систематическое использование оружия одним классом против другого класса, что это такое, как не „преходящая форма“ государства?

Пусть каждый социал-демократ спросит себя: *так ли* ставил он вопрос о государстве в полемике с анархистами? *Так ли* ставило этот вопрос огромное большинство официальных социалистических партий Второго Интернационала?

Энгельс еще гораздо подробнее и популярнее излагает те же мысли. Он высмеивает прежде всего путаницу мысли у прудонистов, которые звали себя „антиавторитаристами“, т.-е. отрицали всякий авторитет, всякое подчинение, всякую власть. Возьмите фабрику, железную дорогу, судно в открытом море,—говорит Энгельс,—разве не ясно, что без известного подчинения, следовательно, без известного авторитета или власти невозможно функционирование ни одного из этих сложных технических заведений, основанных на применении машин и планомерном сотрудничестве многих лиц?

> „...Если я выдвигаю эти аргументы,—пишет Энгельс,—против самых отчаянных антиавторитаристов, то они могут дать мне лишь следующий ответ: А, это правда, но дело идет здесь не об авторитете, которым мы наделяем наших делегатов, а об *известном поручении.*—Эти люди думают, что мы можем изменить известную вещь, если мы изменим ее имя... “

Показав таким образом, что авторитет и автономия—понятия относительные, что область применения их меняется с различными фазами общественного развития, что за абсолюты принимать их нелепо, добавив, что область применения машин и крупного производства все расширяется, Энгельс переходит от общих рассуждений об авторитете к вопросу о государстве.

„...Если бы автономисты,—пишет он,—хотели сказать только, что социальная организация будущего будет допускать авторитет лишь в тех границах, которые с неизбежностью предписываются условиями производства, тогда с ними можно было бы столковаться. Но они слепы по отношению ко всем фактам, которые делают необходимым авторитет, и они борются страстно против слова.

„Почему антиавторитаристы не ограничиваются тем, чтобы кричать против политического авторитета, против государства? Все социалисты согласны в том, что государство, а вместе с ним и политический авторитет, исчезнет вследствие будущей социальной революции, т.-е. что общественные функции потеряют свой политический характер и превратятся в простые административные функции, наблюдающие за социальными интересами. Но антиавторитаристы требуют, чтобы политическое государство было отменено одним ударом, еще раньше, чем будут отменены те социальные отношения, которые породили его. Они требуют, чтобы первым актом социальной революции была отмена авторитета.

„Видели ли они когда-нибудь революцию, эти господа? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, т.-е. средств чрезвычайно авторитарных. И победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержа-

лась дольше одного дня? Не в праве ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом? Итак: или антиавторитаристы не знают сами, что они говорят, и в этом случае они сеют лишь путаницу, или они это знают — и в таком случае они изменяют делу пролетариата. В обоих случаях они служат только реакции". (Стр. 39.)

В этом рассуждении затронуты вопросы, которые следует рассмотреть в связи с темой о соотношении политики и экономики при отмирании государства (этой теме посвящена следующая глава). Таковы вопросы о превращении общественных функций из политических в простые административные и о „политическом государстве". Это последнее выражение, в особенности способное вызвать недоразумения, указывает на процесс отмирания государства: отмирающее государство на известной ступени его отмирания можно назвать неполитическим государством.

Наиболее замечательна в данном рассуждении Энгельса опять-таки постановка вопроса против анархистов. Социал-демократы, желающие быть учениками Энгельса, миллионы раз спорили с 1873 года против анархистов, но спорили именно *не* так, как можно и должно спорить марксистам. Анархистское представление об отмене государства путано и *нереволюционно*, — вот как ставил вопрос Энгельс. Анархисты именно революции-то и ее возникновения и развития, в ее специфических задачах по отношению к насилию, авторитету, власти, государству, видеть не хотят.

Обычная критика анархизма у современных социал-демократов свелась к чистейшей мещанской пошлости: „мы-де признаем государство, а анархисты нет"! Разумеется, такая пошлость не может не отталкивать сколько-нибудь мыслящих и революционных рабочих. Энгельс говорит иное: он подчеркивает, что все социалисты признают исчезновение государства, как следствие социалистической революции. Он ставит затем конкретно вопрос о революции, тот именно вопрос, который обычно социал-демократы из оппортунизма обходят, оставляя его, так сказать, на исключительную „разработку" анархистам. И, ставя этот вопрос, Энгельс берет быка за рога: не следовало ли Коммуне *больше* пользоваться *революционной* властью *государства*,

т.-е. вооруженного, организованного в господствующий класс пролетариата?

Господствующая официальная социал-демократия от вопроса о конкретных задачах пролетариата в революции обыкновенно отделывалась либо просто насмешечкой филистера, либо, в лучшем случае, уклончиво-софистическим: „там видно будет“. И анархисты получали право говорить против такой социал-демократии, что она изменяет своей задаче революционного воспитания рабочих. Энгельс использует опыт последней пролетарской революции именно для самого конкретного изучения, что и как следует делать пролетариату и по отношению к банкам и по отношению к государству.

г) Письмо к Бебелю.

Одним из самых замечательных, если не самым замечательным рассуждением в сочинениях Маркса и Энгельса по вопросу о государстве является следующее место в письме Энгельса к Бебелю от 18—28[1]) марта 1875 года. Письмо это, заметим в скобках, было напечатано, насколько мы знаем, впервые Бебелем во втором томе его мемуаров („Из моей жизни“), вышедшем в свет в 1911 году, т.-е. 36 лет спустя после его составления и отправки.

Энгельс писал Бебелю, критикуя тот самый проект Готской программы, который критиковал и Маркс в знаменитом письме к Браккэ, и касаясь специального вопроса о государстве, следующее:

> „...Свободное народное государство превратилось в свободное государство. По грамматическому смыслу этих слов свободное государство есть такое, в котором государство свободно по отношению к своим гражданам, т.-е. государство с деспотическим правительством. Следовало бы бросить всю эту болтовню о государстве, особенно после Коммуны, которая не была уже госу-

---

[1]) Эта дата объясняется тем, что Энгельс писал Бебелю цитируемое письмо в два приема, на что указывают следующие слова из письма: „Я задержал это письмо, так как вы выходите на свободу только 1 апреля в честь дня рождения Бисмарка, и так как не хотел подвергать его риску быть перехваченным и т. д.“ (Бебель в то время сидел в тюрьме в Цвиккау).

Составитель.

дарством в собственном смысле. „Народным государством" анархисты кололи нам глаза более чем достаточно, хотя уже сочинение Маркса против Прудона, а затем „Коммунистический Манифест" говорят прямо, что с введением социалистического общественного строя государство само собою распускается и исчезает. Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать. Мы предложили бы поэтому поставить везде вместо слова *государство* — слово „община", соответствующее французскому слову „коммуна"." (Стр. 322 немецкого оригинала.)

Надо иметь в виду, что это письмо относится к партийной программе, которую Маркс критиковал в письме, помеченном всего несколькими неделями позже данного письма (письмо Маркса от 5 мая 1875 года), и что Энгельс жил тогда вместе с Марксом в Лондоне. Поэтому, говоря: „мы" в последней фразе, Энгельс, несомненно, от своего и Маркса имени предлагает вождю немецкой рабочей партии *выкинуть из программы* слово „государство" и заменить его словом „община".

Какой бы вой об „анархизме" подняли главари нынешнего подделанного под удобства оппортунистов „марксизма", если бы им предложили такое исправление программы!

Пусть воюют. За это их похвалит буржуазия.

А мы будем делать свое дело. При пересмотре программы нашей партии совет Энгельса и Маркса безусловно следует принять во внимание, чтобы быть ближе к истине, чтобы восстановить марксизм, очистив его от искажений, чтобы вернее направить борьбу рабочего класса за его освобождение. Среди большевиков, наверное, противников совета Энгельса и Маркса не найдется. Трудность будет пожалуй, только, в термине. По-немецки есть два слова:

„община“, из которых Энгельс выбрал такое, которое *не* означает отдельной общины, а совокупность их, систему общин. По-русски такого слова нет и может-быть придется выбрать французское слово „коммуна“, хотя это тоже имеет свои неудобства.

„Коммуна не была уже государством в собственном смысле“—вот важнейшее, теоретически, утверждение Энгельса. После изложенного выше это утверждение вполне понятно. Коммуна *переставала* быть государством, поскольку подавлять ей приходилось не большинство населения, а меньшинство (эксплоататоров); буржуазную государственную машину она разбила; вместо *особой* силы для подавления на сцену выдвигалось само население. Все это—отступление от государства в собственном смысле. И если бы коммуна упрочилась, то в ней сами собой „отмерли“ бы следы государства, ей бы не надо было „отменять“ его учреждений: они перестали бы функционировать по мере того, как им становилось бы нечего делать.

„Анархисты колют нам глаза народным государством“; говоря это, Энгельс имеет в виду прежде всего Бакунина и его нападки на немецких социал-демократов. Энгельс признает эти нападки *постольку* правильными, поскольку народное государство есть такая же бессмыслица и такое же отступление от социализма, как и „свободное народное государство“. Энгельс старается направить борьбу немецких социал-демократов против анархистов, сделать эту борьбу принципиально-правильной, очистить ее от оппортунистических предрассудков насчет „государства“. Увы! Письмо Энгельса 36 лет пролежало под спудом. Мы увидим ниже, что и после опубликования этого письма Каутский упорно повторяет, в сущности, те же ошибки, от которых предостерегал Энгельс.

Бебель ответил Энгельсу письмом от 21 сентября 1875 г., в котором он писал, между прочим, что „вполне согласен“ с его суждением о проекте программы и что он упрекал Либкнехта за уступчивость (стр. 304 нем. издания мемуаров Бебеля, т. II). Но если взять брошюру Бебеля „Наши цели“, то мы встретим в ней совершенно неверные рассуждения о государстве: „Государство должно быть превращено из основанного на классовом *господстве* государства

в народное государство" (немецкое издание „Unsere Ziele" 1886 г., стр. 14).

Так напечатано в 9 (девятом) издании брошюры Бебеля! Неудивительно, что столь упорное повторение оппортунистических рассуждений о государстве впитывалось немецкой социал-демократией, особенно, когда революционные разъяснения Энгельса клались под спуд, а вся жизненная обстановка надолго „отучала" от революции....

д) Предисловие 1891 г. к „Гражданской войне" Маркса.

В предисловии к 3-му изданию „Гражданской войны во Франции"—это предисловие помечено 18-го марта 1891 г. и первоначально было напечатано в журнале „Neue Zeit"— Энгельс, рядом с интересными мимоходными замечаниями по вопросам, связанным с отношением к государству, дает замечательно рельефную сводку уроков коммуны. Эта сводка, углубленная всем опытом 20-летнего периода, отделявшего автора от Коммуны, и специально направленная против распространенной в Германии „суеверной веры в государство", может быть по справедливости названа *последним словом* марксизма по рассматриваемому вопросу.

> „Во Франции, — отмечает Энгельс, — после каждой революции рабочие бывали вооружены, поэтому для буржуа, находившихся у государственного кормила, первой заповедью было разоружение рабочих. Отсюда— после каждой завоеванной рабочими революции новая борьба, которая оканчивается поражением рабочих..."

Итог опыта буржуазных революций столь же краткий, сколь выразительный. Суть дела—между прочим, по вопросу о государстве *(есть ли оружие у угнетенного класса?)*— схвачена здесь замечательно. Именно эту суть чаще всего и обходят как профессора, находящиеся под влиянием буржуазной идеологии, так и мелкобуржуазные демократы. В русской революции 1917 г. меньшевику, „тоже марксисту", Церетели выпала честь (кавеньяковская честь) выболтать эту тайну буржуазных революций. В своей „исторической" речи 9 июня Церетели проговорился о решимости буржуазии разоружить питерских рабочих, выдавая, конечно, это решение и за свое, и за „государственную" необходимость вообще!

Историческая речь Церетели от 9 июня будет, конечно, для всякого историка революции 1917 года одной из нагляднейших иллюстраций того, как проводимый г-ном Церетели блок эс-эров и меньшевиков перешел на сторону буржуазии *против* революционного пролетариата.

Другое мимоходное замечание Энгельса, тоже связанное с вопросом о государстве, относится к религии. Известно, отч германская социал-демократия, по мере того как она загнивала, становясь всё более оппортунистической, чаще и чаще скатывалась к филистерскому кривотолкованию знаменитой формулы: „объявление религии частным делом". Именно: эта формула истолковывалась так, будто и *для партии* революционного пролетариата вопрос о религии есть частное дело!! Против этой полной измены революционной программе пролетариата и восстал Энгельс, который в 1891 году наблюдал только *самые слабые* зачатки оппортунизма в своей партии и который выражался, поэтому, наиболее осторожно:

> „Соответственно тому, что в Коммуне заседали почти исключительно рабочие или признанные представители рабочих, и постановления ее отличались решительно пролетарским характером. Либо эти постановления декретировали такие реформы, от которых республиканская буржуазия отказалась только из подлой трусости и которые составляют необходимую основу для свободной деятельности рабочего класса. Таково проведение в жизнь принципа, что *по отношению к государству* религия является просто частным делом. Либо Коммуна издавала постановления, прямо лежащие в интересах рабочего класса и которые отчасти глубоко врезывались в старый общественный порядок".

Энгельс подчеркнул слова „по отношению к государству" умышленно, направляя удар не в бровь, а в глаз немецкому оппортунизму, объявлявшему религию частным делом *по отношению к партии* и, таким образом, принижавшему партию революционного пролетариата до уровня пошлейшего „свободомыслящего" мещанства, готового допустить вневероисповедное состояние, но отрекавшегося от задачи *партийной* борьбы против религиозного опиума, оглупляющего народ.

Будущий историк германской социал-демократии, прослеживая корни ее позорного краха в 1914 году, найдет не мало интересного материала по этому вопросу, начиная от уклончивых, открывающих настежь дверь оппортунизму, заявлений в статьях идейного вождя партии, Каутского, и кончая отношением партии к движению отделения церкви в 1913 г.

Но перейдем к тому, как Энгельс 20 лет спустя после Коммуны подытоживал ее уроки борющемуся пролетариату.

Вот какие уроки выдвигал на первый план Энгельс:

„...Именно та угнетающая власть прежнего централизованного правительства, армия, политическая полиция, бюрократия, которую Наполеон создал в 1798 г. и которую с тех пор каждое новое правительство перенимало, как желательное орудие, и использовывало его против своих противников, именно эта власть должна была пасть всюду во Франции, как пала она в Париже.

Коммуна должна была с самого начала признать, что рабочий класс, придя к господству, не может дальше хозяйничать со старой государственной машиной, что рабочий класс, дабы не потерять снова своего только что завоеванного господства, должен, с одной стороны, устранить всю старую, доселе употреблявшуюся против него, машину угнетения, а с другой стороны—должен обеспечить себя против своих собственных депутатов и чиновников, объявляя их всех, без всякого исключения, сменяемыми в любое время...“

Энгельс подчеркивает еще и еще раз, что не только в монархии, но и в *демократической республике* государство остается государством, т.-е. сохраняет свою основную отличительную черту: превращает должностных лиц, „слуг общества“, органы его—в *господ* над ним.

„...Против этого, неизбежного во всех существовавших до сих пор государствах превращения государства и органов государства из слуг общества в господ над обществом, Коммуна применяла два безошибочных средства. Во-первых, она назначила на все должности,—по управлению, по суду, по народному просвещению—лиц, выбранных всеобщим избирательным правом, и притом ввела право отозвать этих выбранных в любое время по решению их избирателей. А во-вторых—она платила

всем должностным лицам, как высшим, так и низшим, лишь такую плату, которую получали другие рабочие. Самое высокое жалование, которое вообще платила Коммуна, было 6000 франков [1]).

Таким образом была создана надежная помеха погоне за местечками и карьеризму, даже и независимо от императивных мандатов депутатов в представительные учреждения, введенных коммуной сверх того...“

Энгельс подходит здесь к той интересной грани, где последовательная демократия, с одной стороны, *превращается* в социализм, а с другой стороны—где она *требует* социализма. Ибо для уничтожения государства необходимо превращение функций государственной службы в такие простые операции контроля и учета, которые доступны, подсильны громадному большинству населения, а затем и всему населению поголовно. А полное устранение карьеризма требует, чтобы „почетное“, хотя и бездоходное, местечко на государственной службе не могло служить мостиком для перепрыгивания на высокодоходные должности в банках и в акционерных обществах, как это бывает постоянно во всех свободнейших капиталистических странах.

Но Энгельс не делает той ошибки, которую делают, например, иные марксисты по вопросу о праве наций на самоопределение: дескать, при капитализме оно невозможно, а при социализме излишне. Подобное, якобы остроумное, а на деле неверное, рассуждение можно бы повторить про *любое* демократическое учреждение, и про скромное жалование чиновникам в том числе, ибо до конца последовательный демократизм при капитализме невозможен, а при социализме *отомрет* всякая демократия.

Это—софизм, похожий на ту старую шутку, станет ли человек лысым, если у него будет волос меньше на один волос.

Развитие демократии до конца, изыскание *форм* такого развития, испытание их *практикой* и т. д., всё это есть

---

[1]) Номинально это дает около 2450 руб., а по теперешнему курсу около 6000 рублей. Совершенно непростительно поступают те большевики, которые предлагают, напр., в городских думах жалование по 9000 руб., не предлагая ввести для всего государства максимум 6000 руб.—сумма достаточная. (Нужно помнить, что это примечание т. Ленина относится к авг.—сент. 1917 года. Составитель.)

одна из составных задач борьбы за социальную революцию. Отдельно взятый, никакой демократизм не даст социализма, но в жизни демократизм никогда не будет „взят отдельно“, а будет „взят вместе“, оказывать свое влияние и на экономику, подталкивать *ее* преобразования, подвергаться влиянию экономического развития и т. д. Такова диалектика живой истории.

Энгельс продолжает:

„...Этот взрыв старой государственной власти и ее замена новою, поистине демократическою, подробно описаны в третьем отделе „Гражданской войны“. Но вкратце остановиться еще раз на некоторых чертах этой замены было здесь необходимо потому, что как раз в Германии суеверная вера в государство перешла из философии в общее сознание буржуазии и даже многих рабочих. По учению философов, государство есть „осуществление идеи“ или переведенное на философский язык царство божие на земле, государство является таким поприщем, на котором осуществляется или должна осуществиться вечная истина и справедливость. А отсюда вытекает суеверное почтение к государству и ко всему тому, что имеет отношение к государству,—суеверное почтение, которое тем легче укореняется, что люди привыкают с детства думать, будто дела и интересы, общие всему обществу, не могут быть иначе выполняемы и охраняемы, как прежним способом, т.-е. через посредство государства и его награжденных доходными местечками чиновников. Люди воображают, что делают необыкновенно сильный шаг вперед, если они отделываются от веры в наследственную монархию и становятся сторонниками демократической республики. В действительности же государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии. И в лучшем случае государство есть зло, которое по наследству передается пролетариату, одержавшему победу в борьбе за классовое господство; победивший пролетариат, так же как и Коммуна, вынужден будет немедленно отсечь худшие стороны этого зла, до тех пор пока поколение, выросшее

в новых свободных общественных условиях, окажется в состоянии выкинуть вон весь этот хлам государственности“.

Энгельс предостерегал немцев, чтобы они по случаю замены монархии республикой не забыли основ социализма по вопросу о государстве вообще. Его предостережения читаются теперь, как прямой урок господам Церетели и Черновым, проявившим в своей „коалиционной“ практике суеверную веру в государство и суеверное почтение к нему!

Еще два замечания:

1) Если Энгельс говорит, что при демократической республике „нисколько не меньше“, чем при монархии, государство остается „машиной для угнетения одного класса другим“, то это вовсе не значит, чтобы *форма* угнетения была для пролетариата безразлична, как „учат“ иные анархисты. Более широкая, более свободная, более открытая форма классовой борьбы и классового угнетения дает пролетариату гигантское облегчение в борьбе за уничтожение классов вообще.

2) Почему только новое поколение в состоянии будет совсем выкинуть вон весь этот хлам государственности,— этот вопрос связан с вопросом о преодолении демократии, к которому мы и переходим.

е) Энгельс о преодолении демократии.

Энгельсу пришлось высказаться об этом в связи с вопросом *о научной* неправильности названия „социал-демократ“.

В предисловии к изданию своих статей 1870-х годов на разные темы, преимущественно „интернационального“ содержания (Интернационал),—предисловии, помеченном 3 января 1894 г., т.-е. написанном за 1½ года до смерти Энгельса, он писал, что во всех статьях употребляется слово „коммунист“, а не „социал-демократ“, ибо тогда социал-демократами называли себя прудонисты во Франции, лассальянцы в Германии.

„...Для Маркса и для меня,—продолжает Энгельс,— было поэтому чистейшей невозможностью употреблять для обозначения специально нашей точки зрения выражение столь растяжимое. В настоящее время дело

обстоит иначе, и это слово „социал-демократ" может, пожалуй, сойти, хотя оно и остается неточным, неподходящим для такой партии, экономическая программа которой не является просто социалистической вообще, а прямо коммунистической,—для партии, политическая конечная цель которой есть преодоление всего государства, а следовательно также и демократии. Название *действительных* (курсив Энгельса) политических партий однако никогда вполне не соответствует им; партия развивается, название остается".

Диалектик Энгельс на закате дней остается верен диалектике. У нас с Марксом, говорит он, было прекрасное, научно-точное название партии, но не было действительной, т.-е. массовой пролетарской партии. Теперь (конец XIX века) есть действительная партия, но ее название научно-неверно. Ничего, „сойдет", лишь бы партия *развивалась*, лишь бы научная неточность ее названия не была от нее скрыта и не мешала ей развиваться в верном направлении!

Пожалуй, иной шутник и нас, большевиков, стал бы утешать по-энгельсовски: у нас есть действительная партия, она развивается отлично; „сойдет" и такое бессмысленное, уродливое слово, как „большевик", не выражающее абсолютно ничего, кроме того чисто случайного обстоятельства, что на брюссельско-лондонском съезде 1903 года мы имели большинство. Может-быть теперь, когда июльские и августовские преследования нашей партии республиканцами и „революционной" мещанской демократией сделали слово „большевик" таким всенародно-почетным, когда они ознаменовали, кроме того, столь громадный исторический шаг вперед, сделанный нашей партией в ее *действительном* развитии, может-быть и я поколебался бы в своем апрельском предложении изменить название нашей партии. Может-быть я предложил бы своим товарищам „компромисс": назваться коммунистической партией, а в скобках оставить слово „большевики"...

Но вопрос о названии партии несравненно менее важен, чем вопрос об отношении революционного пролетариата к государству.

В обычных рассуждениях о государстве постоянно делается та ошибка, от которой здесь предостерегает Энгельс

и которую мы отмечали мимоходом в предыдущем изложении. Именно: постоянно забывают, что уничтожение государства есть уничтожение также и демократии, что отмирание государства есть отмирание демократии.

На первый взгляд такое утверждение представляется крайне странным и непонятным; пожалуй, даже возникнет у кого-нибудь опасение, не ожидаем ли мы пришествия такого общественного устройства, когда не будет соблюдаться принцип подчинения меньшинства большинству, ибо ведь демократия—это и есть признание такого принципа?

Нет, демократия *не* тождественна с подчинением меньшинства большинству. Демократия есть признающее подчинение меньшинства большинству *государство*, т.-е. организация для систематического *насилия* одного класса над другим, одной части населения над другой.

Мы ставим своей конечной целью уничтожение государства, т.-е. всякого организованного и систематического насилия, всякого насилия над людьми вообще. Мы не ждем пришествия такого общественного порядка, когда бы не соблюдался принцип подчинения меньшинства большинству. Но, стремясь к социализму, мы убеждены, что он будет перерастать в коммунизм, а в связи с этим будет исчезать всякая надобность в насилии над людьми вообще, *в подчинении* одного человека другому, одной части населения другой его части, ибо люди *привыкнут* к соблюдению элементарных условий общественности без насилия и без подчинения.

Чтобы подчеркнуть этот элемент привычки, Энгельс и говорит о новом поколении, „выросшем в новых, свободных общественных условиях, которое окажется в состоянии совершенно выкинуть вон весь этот хлам государственности“,—всякой государственности, в том числе и демократически-республиканской государственности.

Для пояснения этого требуется разбор вопроса об экономических основах отмирания государства.

ж) Экономические основы отмирания государства.

Самое обстоятельное разъяснение этого вопроса дано Марксом в его „Критике Готской программы“ (письмо к Браккэ от 5 мая 1875 года, напечатанное только в 1891 г.

в „Neue Zeit“ IX. 1 ч., и вышедшее по-русски отдельным изданием). Полемическая часть этого замечательного произведения, состоящая в критике лассальянства, затенила, так сказать, его положительную часть, именно: анализ связи между развитием коммунизма и отмиранием государства.

1. Постановка вопроса Марксом.

При поверхностном сравнении письма Маркса к Браккэ от 5 мая 1875 г. и рассмотренного выше письма Энгельса к Бебелю от 28 марта 1875 г. может показаться, что Маркс гораздо более „государственник“, чем Энгельс, и что различие между взглядами обоих писателей на государство очень значительное.

Энгельс предлагает Бебелю вовсе бросить болтовню о государстве, изгнать совершенно слово государство из программы, заменив его словом „община“; Энгельс заявляет даже, что Коммуна не была уже государством в собственном смысле. Между тем Маркс говорит даже о „будущей государственности коммунистического общества“, т.-е. как будто бы признает необходимость государства даже при коммунизме.

Но подобный взгляд был бы в корне неправилен. Ближайшее рассмотрение показывает, что взгляды Маркса и Энгельса на государство и его отмирание вполне совпадают, а приведенное выражение Маркса относится именно к этой *отмирающей* государственности.

Ясно, что не может быть и речи об определении момента будущего „отмирания“, тем более, что оно представляет из себя заведомо процесс длительный. Кажущееся различие между Марксом и Энгельсом объясняется различием тем, которые они себе брали, задач, которые они преследовали. Энгельс ставил задачей наглядно, резко в крупных штрихах показать Бебелю всю нелепость ходячих (и разделявшихся Лассалем в немалой степени) предрассудков насчет государства. Маркс только мимоходом касается *этого* вопроса, интересуясь другой темой: *развитием* коммунистического общества.

Вся теория Маркса есть применение теории развития в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой

содержанием форме—к современному капитализму. Естественно, что для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к *предстоящему* краху капитализма и к *будущему* развитию будущего коммунизма.

На основании каких же данных можно ставить вопрос о будущем развитии будущего коммунизма?

На основании того, что он происходит из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действия такой общественной силы, которая *рождена* капитализмом. У Маркса нет ни тени попыток сочинять утопии, попустому гадать насчет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется.

Маркс прежде всего отметает прочь ту путаницу, которая Готской программой вносится в вопрос о соотношении государства и общества.

„...Современное общество,—пишет он,—есть капиталистическое общество, которое существует во всех цивилизованных странах, более или менее свободное от примеси средневековья, более или менее видоизмененное особенностями исторического развития каждой страны, более или менее развитое. Напротив того, „современное государство" меняется с каждой государственной границей. В прусско-германской империи оно совершенно иное, чем в Швейцарии, в Англии совершенно иное, чем в Соединенных Штатах. „Современное государство" есть, следовательно, фикция.

Однако, несмотря на пестрое разнообразие их форм, различные государства различных цивилизованных стран имеют между собой то общее, что они стоят на почве современного буржуазного общества, более или менее капиталистически развитого. У них есть поэтому некоторые общие существенные признаки. В этом смысле можно говорить о „современной государственности" в противоположность тому будущему, когда отомрет теперешний ее корень, буржуазное общество.

Вопрос ставится затем так: какому превращению подвергнется государственность в коммунистическом

обществе? Другими словами: какие общественны функции останутся тогда аналогичными теперешним государственным функциям? На этот вопрос можно ответить только научно; и сколько бы тысяч раз ни сочетать слово „народ“ со словом „государство“, это ни капельки не подвинет его разрешения.“

Высмеяв таким образом все разговоры о „народном государстве“, Маркс дает постановку вопроса и как бы предостерегает, что для научного ответа на него можно оперировать только твердо установленными научно данными.

Первое, что установлено вполне точно всей теорией развития, всей наукой вообще, и что забывали утописты, что забывают нынешние оппортунисты, боящиеся социалистической революции, это то обстоятельство, что исторические несомненно должна быть особая стадия или особый этап *перехода* от капитализма к коммунизму.

2. Переход от капитализма к коммунизму.

„...Между капиталистическим и коммунистическим обществом,—продолжает Маркс,—лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата.*“

Этот вывод покоится у Маркса на анализе той роли, которую играет пролетариат в современном капиталистическом обществе, на данных о развитии этого общества и о непримиримости противоположных интересов пролетариата и буржуазии.

Раньше вопрос ставился так: чтобы добиться своего освобождения, пролетариат должен свергнуть буржуазию, завоевать политическую власть, установить свою революционную диктатуру.

Теперь вопрос ставится несколько иначе: переход от капиталистического общества, развивающегося к коммунизму, в коммунистическое общество, невозможен без „политического переходного периода“, и государством этого периода может быть лишь революционная диктатура пролетариата.

Каково же отношение этой диктатуры к демократии?

Мы видели, что „Коммунистический Манифест“ ставит просто рядом два понятия: „превращение пролетариата в господствующий класс“ и „завоевание демократии“. На основании всего изложенного выше можно точно определить, как изменяется демократия в переходе от капитализма к коммунизму.

В капиталистическом обществе, при условии наиболее благоприятного развития его, мы имеем более или менее полный демократизм в демократической республике. Но этот демократизм всегда сжат тесными рамками капиталистической эксплоатации и всегда остается поэтому, в сущности, демократизмом для меньшинства, только для имущих классов, только для богатых. Свобода капиталистического общества всегда остается приблизительно такой же, какова была свобода в древних греческих республиках: свобода для рабовладельцев. Современные наемные рабы, в силу условий капиталистической эксплоатации, остаются настолько задавленными нуждой и нищетой, что им „не до демократии“, „не до политики“, что при обычном мирном течении событий большинство населения от участия в общественно-политической жизни отстранено.

Правильность этого утверждения всего нагляднее, может-быть, подтверждается Германией именно потому, что в этом государстве конституционная легальность продержалась удивительно долго и устойчиво почти полвека (1871—1914), а социал-демократия за это время гораздо больше, чем в других странах, сумела сделать для „использования легальности“ и для организации такой высокой доли рабочих в политическую партию, как нигде в свете.

Каковая же эта наиболее высокая из наблюдавшихся в капиталистическом обществе доля политически сознательных и деятельных наемных рабов? Один миллион членов партии с.-д. — из 15 миллионов наемных рабочих! Три миллиона профессионально-организованных—из пятнадцати миллионов.

Демократия для ничтожного меньшинства, демократия для богатых,—вот каков демократизм капиталистического общества. Если присмотреться поближе к механизму капиталистической демократии, то мы увидим везде и повсюду и в „мелких“, якобы—мелких, подробностях избирательного

права (ценз оседлости, исключение женщин и т. д.), и в технике представительных учреждений, и в фактических препонах праву собрания (общественные здания не для „нищих"), и в чисто капиталистической организации ежедневной прессы и так далее, и так далее,—мы увидем ограничения да ограничения демократизма. Эти ограничения, изъятия, исключения, препоны для бедных кажутся мелкими, особенно на глаз того, кто сам никогда нужды не видал и с угнетенными классами в их массовой жизни близок не был (а таковы $^{9}/_{10}$, если не $^{99}/_{100}$ буржуазных публицистов и политиков), но в сумме взятые эти ограничения исключают, выталкивают бедноту из политики, из активного участия в демократии.

Маркс великолепно схватил эту *суть* капиталистической демократии, сказав в своем анализе опыта Коммуны: угнетенным раз в несколько лет позволяют решать, какой именно из представителей угнетающего класса будет в парламенте представлять и подавлять их!

Но от этой капиталистической демократии,—неизбежно узкой, тайком отталкивающей бедноту, а поэтому насквозь лицемерной и лживой,—развитие вперед не идет просто, прямо и гладко „ко все большей и большей демократии", как представляют дело либеральные профессора и мелкобуржуазные оппортунисты. Нет. Развитие вперед, т.-е. к коммунизму, идет через диктатуру пролетариата и иначе итти не может, ибо *сломить сопротивление* эксплоататоров-капиталистов больше некому и иным путем нельзя.

А диктатура пролетариата, т.-е. организация авангарда угнетенных в господствующий класс для подавления угнетателей, не может дать просто только расширения демократии. *Вместе* с громадным расширением демократизма, *впервые* становящегося демократизмом для бедных, демократизмом для народа, а не демократизмом для богатеньких, диктатура пролетариата дает ряд изъятий из свободы по отношению к угнетателям, эксплоататорам, капиталистам. Их мы должны подавить, чтобы освободить человечество от наемного рабства, их сопротивление надо сломить силой,—ясно, что там, где есть подавление, есть насилие, нет свободы, нет демократии.

Энгельс прекрасно выразил это в письме к Бебелю, сказав, как вспомнит читатель, что „пролетариат нуждается в госу-

дарстве не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда можно будет говорить о свободе,—не будет государства".

Демократия для гигантского большинства народа и подавление силой, т.-е. исключение из демократии, эксплоататоров, угнетателей народа,—вот каково видоизменение демократии при *переходе* от капитализма к коммунизму.

Только в коммунистическом обществе, когда сопротивление капиталистов уже окончательно сломлено, когда капиталисты исчезли, когда нет классов (т.-е. нет различия между членами общества по их отношению к общественным средствам производства),—*только* тогда „исчезнет государство и *можно говорить о свободе*". Только тогда возможно и будет осуществлена демократия действительно полная, действительно без всяких изъятий. И только тогда демократия начнет *отмирать* в силу того простого обстоятельства, что, избавленные от капиталистического рабства, от бесчисленных ужасов, дикостей, нелепостей, гнусностей, капиталистической эксплоатации, люди постепенно привыкнут к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях правил общежития, к соблюдению их *без насилия, без принуждения, без подчинения, без особого аппарата* для принуждения, который называется государством.

Выражение „государство отмирает" выбрано очень удачно, ибо оно указывает и на постепенность процесса и на стихийность его. Только привычка может оказать и несомненно окажет такое действие, ибо мы кругом себя наблюдаем миллионы раз, как легко привыкают люди к соблюдению необходимых для них правил общежития, если нет эксплоатации, если нет ничего такого, что возмущает, вызывает протест и восстание, создает необходимость *подавления*.

Итак: в капиталистическом обществе мы имеем демократию урезанную, убогую, фальшивую, демократию только для богатых, для меньшинства. Диктатура пролетариата, период перехода к коммунизму, впервые даст демократию для народа, для большинства, на ряду с необходимым подавлением меньшинства, эксплоататоров. Коммунизм один только в состоянии дать демократию действительно полную, и чем она полнее, тем скорее она станет ненужной, отомрет сама собой!

Другими словами, при капитализме мы имеем государство в собственном смысле слова, особую машину для подавления одного класса другим и притом большинства меньшинством. Понятно, что для успеха такого дела, как систематическое подавление меньшинством эксплоататоров большинства эксплоатируемых, нужно крайнее свирепство, зверство подавления, нужны моря крови, через которые человечество и идет свой путь в состоянии рабства, крепостничества, наемничества.

Далее, при *переходе* от капитализма к коммунизму подавление *еще* необходимо, но уже подавление меньшинства эксплоататоров большинством эксплоатируемых. Особый аппарат, особая машина для подавления, „государство“ *еще* необходимо, но это уже переходное государство, это уже не государство в собственном смысле, ибо подавление меньшинства эксплоататоров большинством *вчерашних* наемных рабов—дело настолько, сравнительно, легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле. И оно совместимо с распространением демократии на такое подавляющее большинство населения, что надобность в *особой машине* для подавления начинает исчезать. Эксплоататоры, естественное дело, не в состоянии подавить народа без сложнейшей машины для выполнения такой задачи, *но народ* подавить эксплоататоров может и при очень простой „машине“, почти что без „машины“, без особого аппарата, простой *организацией вооруженных масс* (в роде Советов Рабочих и Солдатских Депутатов—заметим, забегая вперед)

Наконец, только коммунизм создает полную ненадобность государства, ибо *некого* подавлять, — „некого“ в смысле *класса*, в смысле систематической борьбы с определенной частью населения. Мы не утописты и нисколько не отрицаем возможности и неизбежности эксцессов *отдельных лиц*, а равно необходимости подавлять *такие* эксцессы. Но, во-первых, для этого не нужна особая машина, особый аппарат подавления, это будет делать сам вооруженный народ с такой же простотой и легкостью, с которой любая толпа цивилизованных людей даже в современном обществе разнимает дерущихся или не допускает насилия над женщиной,

А во-вторых—мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплоатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут „*отмирать*“. Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отмирать. С их отмиранием *отомрет* и государство.

Маркс, не пускаясь в утопии, определил подробнее то, что можно *теперь* определить относительного этого будущего, именно: различие низшей и высшей фазы (ступени, этапа) коммунистического общества.

3. Первая фаза коммунистического общества.

В критике „Готской программы“ Маркс опровергает подробно лассалевскую идею о получении рабочим при социализме „неурезанного“ или „полного продукта труда“. Маркс показывает, что из всего общественного труда всего общества необходимо вычесть и резервный фонд, и фонд на расширение производства, и возмещение „сношенных“ машин и т. п., а затем из предметов потребления фонд на издержки управления, на школы, больницы, приюты престарелых и т. п.

Вместо туманной, неясной общей фразы Лассаля („полный продукт труда—рабочему“) Маркс дает трезвый учет того, как именно социалистическое общество вынуждено будет хозяйничать. Маркс подходит к *конкретному* анализу условий жизни такого общества, в котором не будет капитализма, и говорит при этом:

> „...Мы имеем здесь дело“ (при разборе программы рабочей партии) „не с таким коммунистическим обществом, которое развилось на своей собственной основе, а с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, носит еще отпечаток старого общества, из недр которого оно вышло“.

Вот это коммунистическое общество, которое только что вышло на свет божий из недр капитализма, которое носит во всех отношениях отпечаток старого общества, Маркс

и называет „первой“ или низшей фазой коммунистического общества.

Средства производства уже вышли из частной собственности отдельных лиц. Средства производства принадлежат всему обществу. Каждый член общества, выполняя известную долю общественно-необходимой работы, получает удостоверение от общества, что он такое-то количество работы отработал. По этому удостоверению он получает из общественных складов предметов потребления соответственное количество продуктов. За вычетом того количества труда, который идет на общественный фонд, каждый рабочий, следовательно, получает от общества столько же, сколько он ему дал.

Царствует как будто бы „равенство“.

Но когда Лассаль говорит, имея в виду такие общественные порядки (обычно называемые социализмом, а у Маркса носящие название первой фазы коммунизма), что это „справедливое распределение“, что это „равное право каждого на равный продукт труда“, то Лассаль ошибается, и Маркс разъясняет его ошибку.

„Равное право“,—говорит Маркс,—мы здесь действительно имеем, но это *еще* „буржуазное право“, которое, как и всякое право, *предполагает неравенство*. Всякое право есть применение *одинакового* масштаба к *различным* людям, которые на деле не одинаковы, не равны друг другу; и потому „равное право“ есть нарушение равенства и несправедливость. В самом деле, каждый получает, отработав равную с другим долю общественного труда,—равную долю общественного производства (за указанными вычетами).

А между тем отдельные люди не равны: один сильнее, другой слабее; один женат, другой нет; у одного больше детей, у другого меньше и т. д.

> „...При равном труде,—заключает Маркс,—следовательно, при равном участии в общественном потребительном фонде, один получит на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого и т. д.; чтобы избежать всего этого, право, вместо того чтобы быть равным, должно бы быть неравным“.

Справедливости и равенства, следовательно, первая фаза коммунизма дать еще не может: различия в богатстве останутся, и различия несправедливые, но невозможна будет

эксплоатация человека человеком, ибо нельзя захватить *средства производства*, фабрики, машины, землю и проч. в частную собственность. Развивая мелкобуржуазно-неясную фразу Лассаля о „равенстве“ и „справедливости“ *вообще*, Маркс показывает *ход развития* коммунистического общества, которое *вынуждено* сначала уничтожить *только* ту „несправедливость“, что средства производства захвачены отдельными лицами, и которое *не в состоянии* сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления „по работе“ (а не по потребностям).

Вульгарные экономисты, в том числе буржуазные профессора, в том числе „наш Туган“, постоянно упрекают социалистов, будто они забывают о неравенстве людей и „мечтают“ уничтожить это неравенство. Такой упрек, как видим, доказывает только крайнее невежество г.г. буржуазных идеологов.

Маркс не только точнейшим образом учитывает неизбежное неравенство людей, он учитывает также то, что один еще переход средств производства в общую собственность всего общества („социализм“ в обычном словоупотреблении) *не устраняет* недостатков распределения и неравенства „буржуазного права“, которое *продолжает господствовать*, поскольку продукты делятся „по работе“.

> „...Но эти недостатки, — продолжает Маркс, — неизбежны в первой фазе коммунистического общества, в том его виде, как оно выходит, после долгих мук родов, из капиталистического общества. Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества“.

Таким образом в первой фазе коммунистического общества (которую обычно зовут социализмом) „буржуазное право“ отменяется *не* вполне, а лишь отчасти, лишь в меру уже достигнутого экономического переворота, т.-е. лишь по отношению к средствам производства. „Буржуазное право“ признает их частной собственностью отдельных лиц. Социализм делает их *общей* собственностью. *Постольку* - и лишь постольку—„буржуазное право“ отпадает.

Но оно остается всеже в другой своей части, остается в качестве регулятора (определителя) распределения продуктов и распределения труда между членами общества. „Кто не работает, тот не должен есть“,—этот социалисти-

ческий принцип *уже* осуществлен: „за равное количество труда—равное количество продуктов",—и этот социалистический принцип *уже* осуществлен. Однако это еще не коммунизм, и это еще не устраняет „буржуазного права", которое неравным людям за неравное (фактически неравное) количество труда дает равное количество продукта.

Это—недостаток,—говорит Маркс,—но он неизбежен в первой фазе коммунизма, ибо, не впадая в утопизм, нельзя думать, что, свергнув капитализм, люди сразу научаются работать на общество *без всяких норм права*, да и экономических предпосылок *такой* перемены отмена капитализма *не дает сразу*.

А других норм, кроме „буржуазного права", нет. И постольку остается еще необходимость в государстве, которое бы, сохраняя общую собственность на средства производства, охраняло равенство труда и равенство дележа продукта.

Государство отмирает, поскольку капиталистов уже нет, классов уже нет, *подавлять* поэтому какой бы то ни было *класс* нельзя.

Но государство еще не отмерло совсем, ибо остается охрана „буржуазного права", освящающего фактическое неравенство. Для полного отмирания государства нужен полный коммунизм.

4. Высшая фаза коммунистического общества.

Маркс продолжает:

> „...На высшей фазе коммунистического общества, после того, как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком,— лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: „Каждый по способностям, каждому по потребностям".

Только теперь мы можем оценить всю правильность замечаний Энгельса, когда он беспощадно издевался над нелепостью соединения слов „свобода" и „государство". Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства.

Экономической основой полного отмирания государства является такое высокое развитие коммунизма, при котором исчезнет противоположность умственного и физического труда, исчезнет, следовательно, один из важнейших источников современного *общественного* неравенства, и притом такой источник, которого одним переходом средств производства в общественную собственность, одной экспроприацией капиталистов сразу устранить никак нельзя.

Эта экспроприация даст *возможность* гигантского развития производительных сил. И видя, как теперь уже капитализм невероятно *задерживает* это развитие, как многое можно было бы двинуть вперед на базе современной, уже достигнутой техники, мы в праве с полнейшей уверенностью сказать, что экспроприация капиталистов неизбежно даст гигантское развитие производительных сил человеческого общества. Но как скоро пойдет это развитие дальше, как скоро дойдет оно до разрыва с разделением труда, до уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом, до превращения труда в „первую жизненную потребность", этого мы не знаем и знать *не можем.*

Поэтому мы и в праве говорить лишь о неизбежном отмирании государства, подчеркивая длительность этого процесса, его зависимость от быстроты развития *высшей фазы* коммунизма и оставляя совершенно открытым вопрос о сроках или о конкретных формах отмирания, ибо материала для решения таких вопросов *нет.*

Государство сможет отмереть полностью тогда, когда общество осуществит правило: „каждый по способностям, каждому по потребностям", т.-е. когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться *по способностям.* „Узкий горизонт буржуазного права", заставляющий высчитывать, с черствостью Шейлока, не переработать бы лишних получаса против другого, не получить бы меньше платы, чем другой,—этот узкий

горизонт будет тогда перейден. Распределение продуктов не будет требовать тогда нормировки со стороны общества количества получаемым каждым продуктов; каждый будет свободно „брать по потребности“.

С точки зрения буржуазной легко объявить подобное общественное устройство „чистой утопией“ и зубоскалить по поводу того, что социалисты обещают каждому право получить от общества, без всякого контроля за трудом отдельного гражданина, любое количество трюфелей, автомобиль, пианино и т. п. Таким зубоскальством отделывается и поныне большинство буржуазных „ученых“, которые обнаруживают этим и свое невежество и свою корыстную защиту капитализма.

Невежество,—ибо „обещать“, что высшая фаза развития коммунизма наступит, ни одному социалисту и в голову не приходило, а *предвидение* великих социалистов, что она наступит, предполагает и не теперешнюю производительность труда и *не теперешнего* обывателя, способного „зря“— в роде как бурсаки у Помяловского—портить склады общественного богатства и требовать невозможного.

До тех пор, пока наступит „высшая“ фаза коммунизма, социалисты требуют строжайшего контроля со стороны общества и *со стороны государства* над мерой труда и мерой потребления, но только контроль этот должен *начаться* с экспроприации капиталистов, с контроля рабочих за капиталистами и проводиться не государством чиновников, а государством *вооруженных рабочих*.

Корыстная защита капитализма буржуазными идеологами (и их прихвостнями в роде г.г. Церетели, Черновых и К°) состоит именно в том, что спорами и разговорами о далеком будущем они *подменяют* насущный и злободневный вопрос *сегодняшней* политики: экспроприацию капиталистов, превращение *всех* граждан в работников и служащих *одного* крупного „синдиката“, именно—всего государства, и полное подчинение всей работы всего этого синдиката государству действительно демократическому, *государству Советов Рабочих и Солдатских Депутатов*.

В сущности, когда ученый профессор, а за ним обыватель, а за ним г.г. Церетели и Черновы говорят о безрассудных утопиях, о демагогических обещаниях большевиков,

о невозможности „введения“ социализма, они имеют в виду именно высшую стадию или фазу коммунизма, „вводить“ которой никто не только не обещал, но и не помышлял, ибо „ввести“ ее вообще нельзя.

И здесь мы подошли к тому вопросу о научном различии между социализмом и коммунизмом, которого коснулся Энгельс в приведенном выше рассуждении его о неправильности названия „социал-демократы“. Политическое различие между первой или низшей и высшей фазой коммунизма со временем будет, вероятно, громадно, но теперь, при капитализме, признавать его было бы смешно и выдвигать его на первый план могли разве лишь отдельные анархисты. (Если еще остались среди анархистов люди, ничему не научившиеся после „плехановского“ превращения Кропоткиных, Грава, Корнелиссена и прочих „звезд“ анархизма в социал-шовинистов, или анархотраншейников, как выразился один из немногих сохранивших честь и совесть анархистов, Гэ.)

Но научная разница между социализмом и коммунизмом ясна. То, что обычно называют социализмом, Маркс назвал „первой“ или низшей фазой коммунистического общества. Поскольку *общей* собственностью становятся средства производства, постольку слово „коммунизм“ и тут применимо, если не забывать, что это не полный коммунизм. Великое значение разъяснений Маркса состоит в том, что он последовательно применяет и здесь материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм как нечто развивающееся из капитализма. Вместо схоластически-выдуманных „сочиненных“ определений и бесплодных споров о словах (что социализм, что коммунизм) Маркс дает анализ того, что можно бы назвать ступенями экономической зрелости коммунизма.

В первой своей фазе, на первой своей ступени коммунизм не может еще быть экономически вполне зрелым, вполне свободным от традиций или следов капитализма. Отсюда такое интересное явление, как сохранение „узкого горизонта *буржуазного* права“—при коммунизме в его первой фазе. Буржуазное право по отношению к распределению продуктов *потребления* предполагает, конечно, неизбежно и *буржуазное государство,* ибо право есть ничто без аппарата, способного *принуждать* к соблюдению норм права.

Выходит, что не только при коммунизме остается в течение известного времени буржуазное право, но даже и буржуазное государство—без буржуазии.

Это может показаться парадоксом или просто диалектической игрой ума, в которой часто обвиняют марксизм люди, не потрудившиеся ни капельки над тем, чтобы изучить его чрезвычайно глубокое содержание.

На самом же деле остатки старого в новом показывает нам жизнь на каждом шагу и в природе и в обществе. И Маркс не произвольно всунул кусочек „буржуазного" права в коммунизм, а взял то, что экономически и политически неизбежно в обществе, выходящем из *недр* капитализма.

Демократия имеет громадное значение в борьбе рабочего класса против капиталистов за свое освобождение. Но демократия вовсе не есть предел, его же не прейдеши, а лишь один из этапов по дороге от феодализма к капитализму и от капитализма к коммунизму.

Демократия означает равенство. Понятно, какое великое значение имеет борьба пролетариата за равенство и лозунг равенства, если правильно понимать его в смысле уничтожения *классов*. Но демократия означает только *формальное* равенство. И тотчас вслед за осуществлением равенства всех членов общества *по отношению* к владению средствами производства, т.-е. равенства труда, равенства заработной платы, перед человечеством неминуемо встанет вопрос о том, чтобы итти дальше, от формального равенства к фактическому, т.-е. к осуществлению правила: „каждый по способностям, каждому по потребностям". Какими этапами, путем каких практических мероприятий подойдет человечество к этой высшей цели, мы не знаем и знать не можем. Но важно выяснить себе, как бесконечно лживо обычное буржуазное представление, будто социализм есть нечто мертвое, застывшее, раз навсегда данное, тогда как на самом деле *только* с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии *большинства* населения, а затем всего населения *происходящее* движение вперед во всех областях общественной и личной жизни.

Демократия есть форма государства, одна из его разновидностей. И, следовательно, она представляет собою, как

и всякое государство, организованное систематическое применение насилия к людям. Это с одной стороны. Но, с другой стороны, она означает формальное признание равенства между гражданами, равного права всех на определение устройства государства и управления им. А это, в свою очередь, связано с тем, что на известной ступени развития демократии она, во-первых, сплачивает революционный против капитализма класс—пролетариат и дает ему возможность разбить, сломать, вдребезги разбить, стереть с лица земли буржуазную, хотя бы и республикански-буржуазную, государственную машину, постоянную армию, полицию и чиновничество, заменить их *более* демократической, но всеже государственной машиной в виде вооруженных рабочих масс, переходящих к поголовному участию народа в милиции.

Здесь „количество“ переходит в „качество“: *такая* степень демократизма связана с выходом из рамок буржуазного общества, с началом его социалистического переустройства. Если действительно *все* участвуют в управлении государством, тут уже капитализму не удержаться. И развитие капитализма, в свою очередь, создает *предпосылки* для того, чтобы действительно „все“ могли участвовать в управлении государством. К таким предпосылкам принадлежит поголовная грамотность, осуществленная уже рядом наиболее передовых капиталистических стран; затем „обучение и дисциплинирование“ миллионов рабочих крупным, сложным, обобществленным аппаратом почты, железных дорог, крупных фабрик, крупной торговли, банкового отдела и т. д. и т. п.

При таких *экономических* предпосылках вполне возможно немедленно, с сегодня на завтра, перейти к тому, чтобы, свергнув капиталистов и чиновников, заменить их в деле контроля за производством и распределением, в деле *учета* труда и продуктов — вооруженными рабочими, поголовно вооруженным народом. (Не надо смешивать вопрос о контроле и учете с вопросом о научно-образованном персонале инженеров, агрономов и проч.: эти господа работают сегодня, подчиняясь капиталистам, будут работать еще лучше завтра, подчиняясь вооруженным рабочим.)

Учет и контроль—вот *главное,* что требуется для налажения, для правильного функционирования *первой фазы* коммунистического общества. *Все* граждане превращаются

11*

здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. *Все* граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенародного государственного „синдиката“. Всё дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну. Учет этого, контроль за этим *упрощен* капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания 4 действий арифметики и выдачи соответственных расписок.[1])

Когда *большинство* народа начнет производить самостоятельно и повсеместно такой учет, такой контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентиками, сохранившими капиталистические замашки, тогда этот контроль станет действительно универсальным, всеобщим, всенародным, тогда от него нельзя будет никак уклониться, „некуда будет деться“.

Всё общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы.

Но эта „фабричная“ дисциплина, которую победивший капиталистов, свергнувший эксплоататоров пролетариат распространит на всё общество, никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только *ступенькой*, необходимой для радикальной чистки общества от гнусности и мерзостей капиталистической эксплоатации и *для дальнейшего движения вперед*.

С того момента, когда все члены общества или хотя бы громадное большинство их *сами* научились управлять государством, сами взяли это дело в свои руки, „наладили“ контроль за ничтожным меньшинством капиталистов, за господчиками, желающими сохранить капиталистические замашки, за рабочими, глубоко развращенными капитализмом,— с этого момента начинает исчезать надобность во всяком управлении вообще. Чем полнее демократия, тем ближе момент, когда она становится ненужной. Чем демократичнее „государство“, состоящее из вооруженных рабочих и являю-

---

[1]) Когда государство сводится в главнейшей части его функций к такому учету и контролю со стороны самих рабочих, тогда оно перестает быть „политическим государством“, тогда „общественные функции превращаются из политических в простые административные функции“ (ср. выше, полемика Энгельса с анархистами).

щееся „уже не государством в собственном смысле слова“ тем быстрее начинает отмирать *всякое* государство.

Ибо когда *все* научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль тунеядцев, баричей, мошенников и тому подобных „хранителей традиций капитализма“,—тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие—люди практической жизни, а не сантиментальные интеллигентики, и шутить они с собою едва ли позволят), что *необходимость* соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общества очень скоро станет *привычкой*.

И тогда будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем к полному отмиранию государства...

з) Опошление марксизма оппортунистами.

1. Полемика Каутского с оппортунистами.

В русской литературе переведено, несомненно, неизмеримо бо́льшее количество произведений Каутского, чем в какой бы то ни было другой. Недаром шутят иные немецкие социал-демократы, что Каутского больше читают в России, чем в Германии (в скобках сказать, в этой шутке есть гораздо более глубокое историческое содержание, чем подозревают те, кто пустил ее в ход, именно: русские рабочие, предъявив в 1905 г. необыкновенно сильный, невиданный спрос на лучшие произведения лучшей в мире социал-демократической литературы и получив неслыханное в иных странах количество переводов и изданий этих произведений, тем самым перенесли, так сказать, на молодую почву нашего пролетарского движения ускоренным образом громадный опыт соседней, более передовой страны).

Особенно известен у нас Каутский, кроме своего популярного изложения марксизма, своей полемикой с оппортунистами и с Бернштейном во главе их. Но почти неизвестен факт, которого нельзя обойти, если ставить себе задачей

проследить, как скатился Каутский к невероятно позорной растерянности и защите социал-шовинизма во время величайшего кризиса 1914—1915 годов. Это именно тот факт, что перед своим выступлением против виднейших представителей оппортунизма во Франции (Мильеран и Жорес) и в Германии (Бернштейн) Каутский проявил очень большие колебания. Марксистская „Заря“, выходившая в 1901—1902 г.г в Штутгарте и отстаивавшая революционно-пролетарские взгляды, вынуждена была *полемизировать* с Каутским, называть „каучуковой“ его половинчатую, уклончивую, примирительную по отношению к оппортунистам резолюцию на парижском международном социалистическом конгрессе 1900 г. В немецкой литературе были напечатаны письма Каутского, обнаруживавшие неменьшие колебания его перед выступлением в поход против Бернштейна.

Неизмеримо большее значение имеет, однако, то обстоятельство, что в самой его полемике с оппортунистами, в его постановке вопроса и способа трактования вопроса мы замечаем теперь, когда изучаем *историю* новейшей измены марксизму со стороны Каутского, систематический уклон к оппортунизму именно по вопросу о государстве.

Возьмем первое крупное произведение Каутского против оппортунизма, его книгу „Бернштейн и социал-демократическая программа“. Каутский подробно опровергает Бернштейна. Но вот что характерно.

Бернштейн в своих геростратовски знаменитых „Предпосылках социализма“ обвиняет марксизм в „бланкизме“ (обвинение с тех пор тысячу раз повторенное оппортунистами и либеральными буржуа в России против представителей революционного марксизма, большевиков). При этом Бернштейн останавливается специально на марксовой „Гражданской войне во Франции“ и пытается,—как мы видели, весьма неудачно—отожествить точку зрения Маркса на уроки Коммуны с точкой зрения Прудона. Особенное внимание Бернштейна вызывает то заключение Маркса, которое этот последний подчеркнул в предисловии 1872 года к „Коммунистическому Манифесту“ и которое гласит: „рабочий класс не может просто взять в руки готовую государственную машину и пустить ее в ход для своих собственных целей“.

Бернштейну так „понравилось“ это изречение, что он не меньше трех раз в своей книге повторяет его, толкуя его в самом извращенном, оппортунистическом смысле.

Маркс, как мы видели, хочет сказать, что рабочий класс должен *разбить, сломать, взорвать* (взрыв — выражение, употребленное Энгельсом) всю государственную машину. А у Бернштейна выходит, будто Маркс предостерегал этими словами рабочий класс *против* чрезмерной революционности при захвате власти.

Более грубого и безобразного извращения мысли Маркса нельзя себе представить.

Как же поступил Каутский в своем подробнейшем опровержении бернштейниады?

Он уклонился от разбора всей глубины извращения марксизма оппортунизмом в этом пункте. Он привел цитированный выше отрывок из предисловия Энгельса к „Гражданской войне“ Маркса, сказав, что, по Марксу, рабочий класс не может *просто* овладеть *готовой* государственной машиной, но вообще *может* овладеть ею,—и только. О том, что Бернштейн приписал Марксу *прямо обратное* действительной мысли Маркса, что Маркс с 1852 г. выдвигал задачу пролетарской революции—„разбить“ государственную машину, об этом у Каутского ни слова.

Вышло так, что самое существенное отличие марксизма от оппортунизма по вопросу о задачах пролетарской революции оказалось у Каутского смазанным!

„Решение вопроса о проблеме пролетарской диктатуры,— писал Каутский *„против“* Бернштейна,—мы вполне спокойно можем предоставить будущему“ (стр. 173 нем. изд.).

Это не полемика *против* Бернштейна, а в сущности *уступка* ему, сдача позиций оппортунизму, ибо оппортунистам пока ничего большего и не надо, как „вполне спокойно предоставить будущему“ все коренные вопросы о задачах пролетарской революции.

Маркс и Энгельс с 1852 г. по 1891 г., в течение сорока лет, учили пролетариат тому, что он должен разбить государственную машину. А Каутский в 1899 году, перед лицом полной измены оппортунистов марксизму в этом пункте, проделывает *подмен* вопроса о том, необходимо ли эту машину разбить, вопросом о конкретных формах разбивания

и спасается под сень „бесспорной“ (и бесплодной) филистерской истины, что конкретных форм наперед знать мы не можем!

Между Марксом и Каутским—пропасть в их отношении к задаче пролетарской партии готовить рабочий класс к революции.

Возьмем следующее, более зрелое, произведение Каутского, посвященное тоже в значительной степени опровержению ошибок оппортунизма. Это—его брошюра о „Социальной революции“. Автор взял здесь своей специальной темой вопрос о „пролетарской революции“ и о „пролетарском режиме“. Автор дал очень много чрезвычайно ценного, но как раз вопрос о государстве *обошел*. В брошюре говорится везде о завоевании государственной власти, и только, т.-е. выбрана такая формулировка, которая делает уступки оппортунистам, поскольку *допускает* завоевание власти *без* разрушения государственной машины. Как раз то, что Маркс в 1872 г. объявил „устарелым“ в программе „Коммунистического Манифеста“, *возрождается* Каутским в 1902 г.

В брошюре посвящен специальный параграф „формам и оружию социальной революции“. Здесь говорится и о массовой политической стачке, и о гражданской войне, и о „таких орудиях силы современного крупного государства, как бюрократия и армия“, но о том, чему уже научила рабочих Коммуна,—ни звука. Очевидно, Энгельс недаром предостерегал, особенно немецких социалистов, против „суеверного почтения“ к государству.

Каутский излагает дело так: победивший пролетариат „осуществит демократическую программу“, и излагает параграфы ее. О том, что нового дал 1871 г. по вопросу о замене пролетарскою демократией демократии буржуазной,—ни звука. Каутский отделывается такими „солидно“ звучащими банальностями:

„Очевидно само собой, что мы не достигнем господства при теперешних порядках. Революция сама предполагает продолжительную и глубоко захватывающую борьбу, которая успеет уже изменить нашу теперешнюю политическую и социальную структуру“.

Несомненно, что это „очевидно само собой“, как и та истина, что лошади кушают овес и что Волга течет в Ка-

спийское море. Жаль только, что посредством пустой и надутой фразы о „глубоко захватывающей“ борьбе *обходится* насущный для революционного пролетариата вопрос о том, *в чем* же выражается „глубина“ *его* революции по отношению к государству, по отношению к демократии, в отличии от прежних, непролетарских революций.

Обходя этот вопрос, Каутский *на деле* по этому существеннейшему пункту делает уступку оппортунизму, объявляя грозную *на словах* войну ему, подчеркивая значение „идеи революции“ (многого ли стоит эта „идея“, если бояться пропагандировать рабочим конкретные идеи революции?), или говоря: „революционный идеализм прежде всего“, или объявляя, что английские рабочие представляют из себя теперь „едва ли многим большее, чем мелких буржуа“.

„В социалистическом обществе,—пишет Каутский,—могут существовать рядом друг с другом... самые различные формы предприятий: бюрократическое (??), тред-юнионистское, кооперативное, единоличное...“

„Существуют, например, предприятия, которые не могут обойтись без бюрократической (??) организации,—таковы железные дороги. Тут демократическая организация может получить такой вид: рабочие выбирают делегатов, которые образуют нечто в роде парламента, и этот парламент устанавливает распорядок работ и наблюдает за управлением бюрократического аппарата. Другие предприятия можно передать в ведение рабочих союзов, третьи можно организовать на кооперативных началах“ (стр. 148 и 115 русского перевода, женевское издание 1903 г.).

Это рассуждение ошибочно, представляя из себя шаг назад по сравнению с тем, что разъясняли в 70-х годах Маркс и Энгельс на примере уроков Коммуны.

Железные дороги решительно ничем не отличаются, с точки зрения необходимой будто бы „бюрократической“ организации, от всех вообще предприятий крупной машинной индустрии, от любой фабрики, большого магазина, крупного капиталистического сельскохозяйственного предприятия. Во всех таких предприятиях техника предписывает безусловно строжайшую дисциплину, величайшую аккуратность при соблюдении каждым указанной ему доли работы, под угрозой остановки всего дела или порчи механизма, порчи

продукта. Во всех таких предприятиях рабочие будут, конечно, „выбирать делегатов, которые образуют *нечто в роде парламента*“.

Но в том-то вся и соль, что это „нечто в роде парламента“ *не* будет парламентом в смысле буржуазно-парламентарных учреждений. В том-то вся и соль, что это „нечто в роде парламента“ *не* будет только „устанавливать распорядок и наблюдать за управлением бюрократического аппарата“, как воображает Каутский, мысль которого не выходит за рамки буржуазного парламентаризма. В социалистическом обществе „нечто в роде парламента“ из рабочих депутатов будет, конечно, устанавливать распорядок и наблюдать за управлением „аппарата“, но аппарат-то этот не будет „бюрократическим“. Рабочие, завоевав политическую власть, разобьют старый бюрократический аппарат, сломают его до основания, не оставят от него камня на камне, заменят его новым, состоящим из тех же самых рабочих и служащих, *против* превращения коих в бюрократов будут приняты тотчас меры, подробно разработанные Марксом и Энгельсом: 1) не только выборность, но и сменяемость в любое время; 2) плата не выше платы рабочего; 3) переход немедленный к тому, чтобы *все* исполняли функции контроля и надзора, чтобы *все* на время становились „бюрократами“ и чтобы поэтому *никто* не мог стать „бюрократом“.

Каутский совершенно не продумал слов Маркса: „Коммуна была не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время издающей законы и исполняющей их“.

Каутский совершенно не понял разницы между буржуазным парламентаризмом, соединяющим демократию *(не для народа)* с бюрократизмом *(против народа)*, и пролетарским демократизмом, который сразу примет меры, чтобы в корне подрезать бюрократизм, и который в состоянии будет довести эти меры до конца, до полного уничтожения бюрократизма, до полного введения демократии для народа.

Каутский обнаружил здесь всё то же „суеверное почтение“ к государству, „суеверную веру“ в бюрократизм.

Перейдем к последнему и лучшему произведению Каутского против оппортунистов, к его брошюре „Путь к власти“

(изданной по-русски [1]), на нем. яз.) она вышла в разгар реакции у нас в 1909 г.). Эта брошюра есть большой шаг вперед, поскольку в ней говорится не о революционной программе вообще, как в брошюре 1899 г. против Бернштейна, не о задачах социальной революции безотносительно к времени ее наступления, как в брошюре „Социальная революция“ 1902 г., а о конкретных условиях, заставляющих нас признать, что „эра революции“ *наступает.*

Автор определенно указывает на обострение классовых противоречий вообще и на империализм, играющий особенно большое значение в этом отношении. После „революционного периода 1789—1871 г.г.“ для Западной Европы начинается с 1905 года аналогичный период для Востока. Всемирная война надвигается с угрожающей быстротой. „Пролетариат не может уже больше говорить о преждевременной революции“. „Мы вступили в революционный период“. „Революционная эра начинается“.

Эти заявления совершенно ясны. Эта брошюра Каутского должна служить мерилом для сравнения того, чем *обещала быть* германская социал-демократия перед империалистической войной и как низко она пала (в том числе и сам Каутский) при взрыве войны. „Теперешняя ситуация,—писал Каутский в рассматриваемой брошюре,—ведет за собой ту опасность, что нас (т.-е. германскую социал-демократию) легко принять за более умеренных, чем мы есть на деле“. Оказалось, что на деле германская социал-демократическая партия несравненно более умеренна и оппортунистична, чем она казалась.

Тем характернее, что при такой определенности заявлений Каутского насчет начавшейся уже эры революции он в брошюре, посвященной, по его собственным словам, разбору вопроса именно о „*политической* революции“, опять-таки совершенно обошел вопрос о государстве.

Из суммы этих обходов вопроса, умолчаний, уклончивостей и получился неизбежно тот полный переход к оппортунизму, о котором нам сейчас придется говорить.

---

[1]) Нужно иметь в виду, что т. Ленин писал свою книгу в августе-сентябре 1917 г. После этого указанная брошюра вышла в 1918 году в Москве в изд-стве „Волна“ и переиздана Госиздатом (2-е и 3-ье издания).

Составитель.

Германская социал-демократия, в лице Каутского, как бы заявляла: я остаюсь при революционных воззрениях (1899 г.). Я признаю в особенности неизбежность социальной революции пролетариата (1902 г.). Я признаю наступление новой эры революции (1909 г.). Но я всеже-таки иду назад против того, что говорил Маркс уже в 1852 г., раз вопрос ставится о задачах пролетарской революции по отношению к государству (1912 г.).

Именно так был поставлен вопрос в упор в полемике с Паннекуком.

2. Полемика Каутского с Паннекуком.

Паннекук выступил против Каутского как один из представителей того „леворадикального“ течения, которое числило в своих рядах Розу Люксембург, Карла Радека и др. и которое, отстаивая революционную тактику, объединялось убеждением, что Каутский переходит на позицию „центра“, беспринципно колеблющегося между марксизмом и оппортунизмом. Правильность этого взгляда вполне доказала война, когда течение „центра“ (неправильно называемого марксистским) или „каутскианства“ вполне показало себя во всем своем отвратительном убожестве.

В затронувшей вопрос о государстве статье: „Массовые действия и революция“ („Neue Zeit“ 1912, XXX, 2), Паннекук охарактеризовал позицию Каутского, как позицию „пассивного радикализма“, „теорию бездеятельного ожидания“. „Каутский не хочет видеть процесса революции“ (стр. 616). Ставя вопрос таким образом, Паннекук подошел к интересующей нас теме о задачах пролетарской революции по отношению к государству.

„Борьба пролетариата,—писал он,—есть не просто борьба против буржуазии *из-за* государственной власти, а борьба *против* государственной власти... Содержание пролетарской революции есть уничтожение орудий силы государства и вытеснение их (буквально: распущение—Auflösung) орудиями силы пролетариата... Борьба прекращается лишь тогда, когда, как конечный результат ее, наступает полное разрушение государственной организации. Организация большинства доказывает свое превосходство тем, что

уничтожает организацию господствующего меньшинства" (стр. 548).

Формулировка, в которую облек свои мысли Паннекук, страдает очень большими недостатками. Но мысль всеже ясна, и интересно, *как* опровергал ее Каутский.

„До сих пор,—писал он,—противоположность между социал-демократами и анархистами состояла в том, что первые хотели завоевать государственную власть, вторые—ее разрушить. Паннекук хочет и того и другого" (стр. 724).

Если у Паннекука изложение страдает неотчетливостью и недостатком конкретности (не говоря здесь о других недостатках его статьи, не относящихся к разбираемой теме), то Каутский взял именно намеченную Паннекуком *принципиальную* суть дела—и по *коренному принципиальному* вопросу Каутский, целиком покинув позицию марксизма, перешел вполне к оппортунизму. Различие между социал-демократами и анархистами определено у него совершенно неверно, марксизм искажен и опошлен окончательно.

Различие между марксистами и анархистами состоит в том, что: 1) Первые, ставя своей целью полное уничтожение государства, признают эту цель осуществимой лишь после уничтожения классов социалистической революцией, как результат установления социализма, ведущего к отмиранию государства; вторые хотят полного уничтожения государства с сегодня на завтра, не понимая условий осуществимости такого уничтожения. 2) Первые признают необходимым, чтобы пролетариат, завоевав политическую власть, разрушил полностью старую государственную машину, заменив ее новой, состоящей из организации вооруженных рабочих, по типу Коммуны; вторые, отстаивая разрушение государственной машины, представляют себе совершенно не ясно, *чем* ее пролетариат заменит и как он будет пользоваться революционной властью; анархисты даже отрицают использование государственной власти революционным пролетариатом, его революционную диктатуру. 3) Первые требуют подготовки пролетариата к революции путем использования современного государства; анархисты это отрицают.

Против Каутского марксизм представлен именно Паннекуком в данном споре, ибо как раз Маркс учил тому, что пролетариат не может просто завоевать государственную

власть в смысле перехода в новые руки старого государственного аппарата, а должен разбить, сломать этот аппарат, заменив его новым.

Каутский уходит от марксизма к оппортунистам, ибо у него совершенно исчезает именно это разрушение государственной машины, совершенно неприемлемое для оппортунистов, и остается лазейка для них в смысле истолкования „завоевания“ как простого приобретения большинства.

Чтобы прикрыть свое извращение марксизма, Каутский поступает как начетчик: он двигает „цитату“ из самого Маркса. В 1850 году Маркс писал о необходимости „решительной централизации силы в руках государственной власти“. И Каутский спрашивает с торжеством: не хочет ли Паннекук разрушить „централизм“?

Это уже просто фокус, похожий на бернштейновское отожествление марксизма и прудонизма во взглядах на федерацию вместо централизма.

„Цитата“ взята Каутским ни к селу ни к городу. Централизм возможен и со старой и с новой государственной машиной. Если рабочие добровольно объединят свои вооруженные силы, это будет централизм, но он будет покоиться на „полном разрушении“ государственного централистического аппарата, постоянной армии, полиции, бюрократии. Каутский поступает совершенно мошеннически, обходя прекрасно известные рассуждения Маркса и Энгельса о Коммуне и вытаскивая цитату, не относящуюся к вопросу.

„...Может-быть, Паннекук хочет уничтожить государственные функции чиновников? — продолжает Каутский. — Но мы не обходимся без чиновников и в партийной и в профессиональной организации, не говоря уже о государственном управлении. Наша программа требует не уничтожения государственных чиновников, а выбора чиновников народом...“

„Речь идет у нас теперь не о том, какой вид примет аппарат управления в „будущем государстве“, а о том, уничтожает ли (буквально: распускает, auflöst) наша политическая борьба государственную власть, *прежде чем мы ее завоевали* (курсив Каутского). Какое министерство с его чиновниками могло бы быть уничтожено?“ Перечисляются министерства просвещения, юстиции, финансов, военное. „Нет, ни одно из теперешних министерств не будет устра-

цено нашей политической борьбой против правительства... Я повторяю, чтобы избежать недоразумений: речь идет не о том, какую форму придаст „государству будущего" победоносная социал-демократия, а о том, как изменяет теперешнее государство наша оппозиция" (стр. 725).

Это явная передержка. Паннекук ставил вопрос именно *о революции*. Это и в заглавии его статьи и в цитированных местах сказано ясно. Перескакивая на вопрос об „оппозиции", Каутский как раз и подменяет революционную точку зрения оппортунистической. У него выходит так: теперь оппозиция, а *после* завоевания власти поговорим особо. *Революция исчезает*... Это как раз то, что и требовалось оппортунистам.

Речь идет не об оппозиции и не о политической борьбе вообще, а именно *о революции*. Революция состоит в том, что пролетариат *разрушает* „аппарат управления" *и весь* государственный аппарат, заменяя его новым, состоящим из вооруженных рабочих. Каутский обнаруживает „суеверное почтение" к „министерствам", но почему они не могут быть заменены, скажем, комиссиями специалистов при полновластных и всевластных Советах Рабочих и Солдатских Депутатов?

Суть дела совсем не в том, останутся ли „министерства", будут ли „комиссии специалистов" или иные какие учреждения,—это совершенно неважно. Суть дела в том, сохраняется ли старая государственная машина (связанная тысячами нитей с буржуазией и насквозь пропитанная рутиной и косностью) или она *разрушается* и заменяется новой. Революция должна состоять не в том, чтобы новый класс командовал, управлял при помощи старой государственной машины, а в том, чтобы он *разбил* эту машину и командовал, управлял при помощи новой машины,—*эту основную* мысль марксизма Каутский смазывает или он совсем не понял ее.

Его вопрос насчет чиновников показывает наглядно, что он не понял уроков Коммуны и учения Маркса. „Мы не обходимся без чиновников в партийной и профессиональной организации..."

Мы не обходимся без чиновников при *капитализме*, при *господстве буржуазии*. Пролетариат угнетен, трудящиеся массы порабощены капитализмом. При капитализме демо-

кратизм сужен, сжат, урезан, изуродован всей обстановкой наемного рабства, нужды и нищеты масс. Поэтому, и только поэтому, в наших политических и профессиональных организациях должностные лица развращаются (или имеют тенденцию быть развращаемыми, говоря точнее) обстановкой капитализма и проявляют тенденцию к превращению в бюрократов, т.-е. в оторванных от масс, в стоящих *над* массами, привилегированных лиц.

В этом *суть* бюрократизма, и пока не экспроприированы капиталисты, пока не свергнута буржуазия, до тех пор неизбежна известная „бюрократизация“ *даже* пролетарских должностных лиц.

У Каутского выходит так: раз останутся выборные должностные лица, значит—останутся и чиновники при социализме, останется бюрократия! Именно это-то и неверно. Именно на примере Коммуны Маркс показал, что при социализме должностные лица перестают быть „бюрократами“, быть „чиновниками“, перестают по мере введения, кроме выборности, *еще* сменяемости в любое время, *да еще* сведения платы к среднему рабочему уровню, *да еще* замены парламентарных учреждений „работающими, т.-е. издающими законы и проводящими их в жизнь“.

В сущности вся аргументация Каутского против Паннекука и особенно великолепный довод Каутского, что мы и в профессиональных и в партийных организациях не обходимся без чиновников, показывают повторение Каутским старых „доводов“ Бернштейна против марксизма вообще. В своей ренегатской книге „Предпосылки социализма“ Бернштейн воюет против идей „примитивной“ демократии, против того, что он называет „доктринерским демократизмом“—императивные мандаты, не получающие вознаграждения должностные лица, бессильное центральное представительство и т. д В доказательство несостоятельности „примитивного демократизма“ Бернштейн ссылается на опыт английских тред-юнионов в истолковании его супругами Вебб. За 70 дескать лет, своего развития тред-юнионы, развивавшиеся будто бы „в полной свободе“ (стр. 137 нем. изд.), убедились именно в непригодности примитивного демократизма и заменили его обычным: парламентаризм, соединенный с бюрократизмом.

На деле тред-юнионы развились не „в полной свободе“, *а в полном капиталистическом рабстве*, при котором, разумеется, „не обойтись“ без ряда уступок царящему злу, насилию, неправде, исключению бедноты из дел „высшего“ управления. При социализме многое из „примитивной“ демократии неизбежно оживет, ибо впервые в истории цивилизованных обществ *масса* населения поднимается *до самостоятельного* участия не только в голосованиях и выборах, *но и в повседневном управлении*. При социализме *все* будут управлять поочереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял.

Маркс с его гениальным критически-аналитическим умом увидел в практических мерах Коммуны тот *перелом*, которого боятся и не хотят признавать оппортунисты из трусости, из-за нежелания бесповоротно порвать с буржуазией и которого не хотят видеть анархисты либо из торопливости, либо из непонимания условий массовых социальных превращений вообще. „Не надо и думать о разрушении старой государственной машины, где же нам обойтись без министров и без чиновников“,—рассуждают оппортунисты, насквозь пропитанные филистерством и, в сущности, не только не верящие в революцию, в творчество революции, но смертельно боящиеся ее (как боятся наши меньшевики и эс-эры).

„Надо думать *только* о разрушении старой государственной машины, нечего вникать в *конкретные* уроки прежних пролетарских революций и анализировать, *чем и как* заменить разрушаемое“,—рассуждает анархист, лучший из анархистов, конечно, а не такой, который вслед за господами Кропоткиными и К°, плетется за буржуазией; и у анархиста выходит поэтому тактика *отчаяния*, а не беспощадно смелой и в то же время считающейся с практическими условиями движения масс революционной работы над конкретными задачами.

Маркс учит нас избегать обеих ошибок, учит беззаветной смелости в разрушении всей старой государственной машины и в то же время учит ставить вопрос конкретно: Коммуна смогла в несколько недель *начать* строить *новую*, пролетарскую, государственную машину, вот так-то проводя указанные меры к большему демократизму и к искоренению бюрократизма. Будем учиться у коммунаров револю-

ционной смелости, будем видеть в их практических мерах *намечание* практически-насущных и немедленно-возможных мер—и тогда, *идя таким путем*, мы придем к полному разрушению бюрократизма.

Возможность такого разрушения обеспечена тем, что социализм сократит рабочий день, поднимет массы к новой жизни, поставит *большинство* населения в условия, позволяющие *всем* без изъятия выполнять „государственные функции“, а это приводит к полному отмиранию всякого государства вообще.

„...Задача массовой стачки,—продолжает Каутский,—никогда не может состоять в том, чтобы *разрушить* государственную власть, а только в том, чтобы привести правительство к уступчивости в каком-либо определенном вопросе или заменить правительство, враждебное пролетариату, правительством, идущим ему навстречу (entgegenkommende). Но никогда и ни при каких условиях это (т.-е. победа пролетариата над враждебным правительством) не может вести к разрушению государственной власти, а только к известной передвижке (Verschiebung) отношений сил внутри государственной власти... И целью нашей политической борьбы остается при этом, как и до сих пор, завоевание государственной власти посредством приобретения большинства в парламенте и превращения парламента в господина над правительством“ (стр. 726, 727, 732).

Это уже чистейший и пошлейший оппортунизм, отречение от революции на деле при признании ее на словах. Мысль Каутского не идет дальше „правительства, идущего навстречу пролетариату“—шаг назад к филистерству по сравнению с 1847 годом, когда „Коммунистический Манифест“ провозгласил „организацию пролетариата в господствующий класс“.

Каутскому придется осуществлять излюбленное им „единство“ с Шейдеманом, Плехановым, Вандервельдами, которые все согласны бороться за правительство, „идущее навстречу пролетариату“.

А мы пойдем на раскол с этими изменниками социализма и будем бороться за разрушение всей старой государственной машины, так, чтобы сам вооруженный пролетариат был *правительством*. Это—„две большие разницы“.

Каутскому придется быть в приятной компании Легинов и Давидов, Плехановых, Потресовых, Церетели, Черновых, которые вполне согласны бороться за „передвижку отношений силы внутри государственной власти“, за „приобретение большинства в парламенте и за всевластие парламента над правительством“, — благороднейшая цель, в которой всё приемлемо для оппортунистов, всё остается в рамках буржуазной парламентарной республики.

А мы пойдем на раскол с оппортунистами — и весь сознательный пролетариат будет с нами в борьбе не за „передвижку отношений силы“, а за *свержение буржуазии, за разрушение* буржуазного парламентаризма, за демократическую республику типа Коммуны или республику Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, за революционную диктатуру пролетариата.

* * *

Правее Каутского в международном социализме стоят такие течения, как „Социалистический Ежемесячник“ в Германии (Легин, Давид, Кольб и многие другие, включая скандинавов Стаунинга и Брантинга), жоресисты и Вандервельд во Франции и Бельгии, Турати, Тревес и другие представители правого крыла итальянской партии, фабианцы и „независимцы“ („независимая рабочая партия“, на деле всегда бывшая в зависимости от либералов) в Англии и тому подобное. Все эти господа, играя громадную, очень часто преобладающую роль в парламентарной работе и в публицистике партии, прямо отрицают диктатуру пролетариата, проводят неприкрытый оппортунизм. Для этих господ „диктатура пролетариата“ „противоречит“ демократии!.. Они, в сущности, ничем серьезно не отличаются от мелкобуржуазных демократов.

Принимая во внимание это обстоятельство, мы в праве сделать вывод, что Второй Интернационал в подавляющем большинстве его официальных представителей вполне скатился к оппортунизму. Опыт Коммуны был не только забыт, но извращен. Рабочим массам не только не внушалось, что близится время, когда они должны будут выступить и разбить старую государственную машину, заменяя ее новой и превращая таким образом свое политическое господство

в базу социалистического переустройства общества,—массам внушалось обратное, и „завоевание власти“ представлялось так, что оставались тысячи лазеек оппортунизму.

Извращение и замалчивание вопроса об отношении пролетарской революции к государству не могло не сыграть громадной роли тогда, когда государства, с усиленным вследствие империалистического соревнования военным аппаратом, превратились в военные чудовища, истребляющие миллионы людей ради того, чтобы решить спор: Англии или Германии, тому или иному финансовому капиталу господствовать над миром.

(Ленин. Собр. соч., т, XIV, ч. II, стр. 308 -395.)

ГЛАВА V. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС.

1. „Рабочие не имеют отечества“.

Коммунистов упрекают в том, что они хотят будто бы уничтожить отечество, национальность.

Рабочие не имеют отечества. Нельзя лишить их того, чего у них нет. Стремясь прежде всего завоевать политическое господство, организоваться в один национальный класс, конституироваться как нация, пролетариат еще остается национальным, хотя совершенно не в том смысле, как понимает это слово буржуазия.

Национальная обособленность и противоположность интересов различных народов уже теперь всё более и более исчезает, благодаря развитию буржуазии, свободе торговли, всемирному рынку, однообразию способов производства и соответствующих им жизненных отношений.

Господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение. Соединение усилий, по крайней мере, цивилизованных стран есть одно из первых условий освобождения пролетариата.

В той же степени, в какой уничтожена будет эксплоатация одного индивидуума другим, уничтожается и эксплоатация одной нации другою.

Вместе с антагонизмом классов внутри нации падут и враждебные отношения наций между собою [1]).

(К. Маркс и Фр. Энгельс. „Коммунистический Манифест“. Гиз. 2 изд. 1923 г., стр. 94.)

---

[1]) Рабочий класс должен сначала „устроиться в пределах наций“— говорит „Коммунистический Манифест“, указывая при этом границы и условия нашего признания национальности и отечества, как необходимых форм буржуазного строя, а следовательно и буржуазного отечества. Оппортунисты извращают эту истину, перенося то, что верно по отношению к эпохе возникновения капитализма, на эпоху конца капитализма. А об

2. Международность.

Достойное человека существование для всех не может быть уделом какого-нибудь одного привилегированного народа, так как, будучи изолирован от всех других народов, он не мог ни основать, ни удержать этого состояния. Всё наше развитие—продукт взаимодействия национальных и международных сил и отношений. Хотя национальная идея во многих случаях еще господствует над умами и служит средством сохранения политического и социального господства, которое возможно лишь в национальных рамках, тем не менее мы уже глубоко ушли в интернационализм.

Торговые, таможенные, судоходные договоры, всемирный почтовый союз, международные выставки, конгрессы международного права и международных измерений, также и другие международные научные конгрессы и союзы, международные научные экспедиции, наша торговля и транспорт, в особенности международные конгрессы рабочих, которые являются носителями нового времени и моральным влиянием которых объясняется, что весной 1890 г. по приглашению Германской империи состоялась в Берлине международная конференция по законодательству и охране рабочих,—всё это свидетельствует о международном характере, который приняли отношения различных культурных наций, несмотря на их национальную обособленность, всё более и более нарушаемую. В противоположность социальному хозяйству мы

этой эпохе, о задачах пролетариата за разрушением не феодализма, а капитализма ясно и определенно говорит Карл Маркс: „Рабочие не имеют отечества“. Понятно, почему оппортунисты боятся признать эту истину социализма, боятся даже в большинстве случаев открыто посчитаться с ней. Социалистическое движение не может победить в старых рамках общества. Оно творит новые высшие формы человеческого общежития, когда законные потребности и прогрессивные стремления трудящихся масс всякой национальности будут впервые удовлетворены в интернациональном единстве при условии уничтожения теперешних национальных перегородок. На попытки современной буржуазии разделить и разъединить рабочих посредством лицемерных ссылок на „защиту отечества“ сознательные рабочие ответят новыми и новыми, повторными и повторными попытками установить единство рабочих всех наций в борьбе за свержение господства буржуазии всех наций. (Ленин. Положение и задачи Социалистического Интернационала. Ноябрь 1914 г.)

Отсюда следует, далее, что там, где имеются одинаковые социальные основы, и действия их должны быть одинаковыми: накопление большого богатства и его противоположность—рабство наемной платы, порабощение масс машинами, господство над массами имущего меньшинства со всеми вытекающими отсюда следствиями.

Действительно, мы видим, что те же классовые противоположности и классовая борьба, которая бушует в Германии, приводит в движение всю Европу, Соединенные Штаты, Австралию и т. д. В Европе от России до Португалии, от Балкан, Венгрии и Италии до Англии и Ирландии господствует тот же дух недовольства, замечаются те же симптомы социального брожения, всеобщей неуверенности и разложения. С внешней стороны различные по степени развития, характеру населения и форме своего политического состояния, эти движения повсюду одинаковы по существу. Причина их лежит в глубоких социальных противоположностях. С каждым годом они всё более обостряются, брожения и недовольства проникают всё глубже и дальше в общественный организм, пока, наконец, какой-нибудь повод, быть-может самый незначительный, не вызовет взрыва, и он молниеносно не разразится над всем культурным миром и не вызовет все духовные силы на бой за или против.

Возгорелся бой нового мира против старого. На сцену выступают массы, борьба ведется с такою массою интеллигентности, какой мир не видал еще ни в одном бою и чего он никогда не увидит во второй раз в подобном столкновении. Ибо это последний социальный бой. Стоя в начале XX столетия, мы видим, как этот бой всё более приближается к своей последней фазе, когда победят новые идеи.

Новое общество будет воздвигнуто тогда на международной основе. Народы заключат между собою братский союз: они протянут друг другу руки и будут стремиться к тому, чтобы новое состояние постепенно распространилось на все народы земли [1]). Один народ будет приближаться к другому не как враг, чтобы эксплоатировать и угнетать,

[1]) „Национальный интерес и интерес человечества в настоящее время враждебны друг к другу. На высшей ступени цивилизации оба интереса когда-нибудь совпадут и составят единое целое“. (Фон-Тюнен. „Изолированное государство“.)

не как представитель чужой веры, которую он хочет ему навязать, но как друг, который желает воспитать всех людей, чтобы сделать их людьми культурными. Культурные и колонизационные работы нового общества по своей сущности и по своим средствам будут также отличаться от современных, как совершенно различны по своей сущности оба общества. Не будут применять ни пороха, ни свинца, ни огневой воды (водки), ни библии. Культурная миссия будет предприниматься только с мирными целями, которые покажут цивилизаторов варварам и диким не как врагов, но как *благодетелей*. Разумные путешественники и исследователи давно знают, как успешен подобный путь. Когда культурные народы соединятся в одну великую федерацию, тогда придет время „смолкнуть навсегда грозе военной непогоды". Вечный мир не будет тогда более несбыточной мечтой, как это хотят заставить думать мир господа в мундирах. Это время пришло, коль скоро народы сознали свои истинные интересы. Этим интересам служат не битвы и споры, не вооружения, разоряющие страны и народы, но мирные соглашения и совместная культурная работа. Кроме того, господствующие классы и их правительство заботятся о том, как это было указано выше, чтобы военные вооружения и войны нашли конец в своей собственной чудовищности. Таким образом последнее оружие, подобное столь многим предыдущим, переселяется в музей древности, чтобы показать будущим поколениям, как поколения предыдущие в течение тысячелетий часто растерзывали друг друга, как дикие звери, пока, наконец, человек не победил в себе зверя.

Что войны вызываются лишь национальными особенностями и противоположностями интересов, которые то тут, то там искусственно питают господствующие классы, чтобы в большой войне иметь отводный канал для опасных стремлений внутри страны, подтверждают слова покойного фельдмаршала Мольтке. В I томе его посмертных сочинений, которые трактуют франко-прусскую войну 1870—1871 г.г., мы находим во введении такое замечание:

„Пока нации ведут обособленное существование, не прекратятся споры, которые можно разрешить только оружием. В интересе человечества следует надеяться, что войны сделаются реже, как они сделались ужаснее".

Но эта национальная обособленность, т.-е. враждебное отмежевание одной нации от другой, исчезает всё более, несмотря на все противоположные старания удержать его; таким образом будущие поколения без усилий осуществят задачу, о которой давно уже думали гениальные головы и делали попытки к ее разрешению, не достигая цели. Так Кондорсэ вызывал к жизни идею всеобщего мирового языка. И покойный бывший президент Соед. Штатов Улис Грант в одной из своих речей сказал между прочим следующее: „Так как торговля, обучение и быстрая передача мысли и вещей посредством телеграфа и пара все изменили, то я полагаю, что бог подготовляет мир стать *одной* нацией, говорить *одним* языком и достигнуть состояния такого совершенства, *когда не нужны более ни войска, ни военные флоты*". Естественно, что у чистокровного янки милосердный бог, который является просто продуктом исторического развития, непременно должен играть примирительную роль. Этому нечего удивляться: лицемерие и узость в религиозных вопросах нигде не проявляются так сильно, как в Соединенных Штатах. Чем меньше государственная власть при посредстве своей организации руководит массами, тем больше это должна делать религия, церковь,—поэтому, кажется, буржуазия повсюду всего благочестивее там, где государственная власть всего слабее. На ряду с Соединенными Штатами—в Англии, Бельгии и Швейцарии. Революционер Робеспьер, который головами аристократов и священников играл, как кегельными шарами, был, как известно, очень религиозен, почему и приказал торжественно снова ввести высшее существо, которое незадолго перед тем—что так же нелепо—конвент объявил отмененным. И так как перед французской революцией легкомысленные и распутные аристократы Франции нередко кичились своим атеизмом, то Робеспьер видел в нем нечто аристократическое и донес на него конвенту, в своей речи о высшем существе сказав: *Атеизм—аристократичен.* Идея высшего существа, которое охраняет угнетенную невинность и наказывает торжествующее преступление, вполне народна. *„Если бы не было бога, следовало его выдумать"*. Добродетельный Робеспьер предвидел, что его добродетельная буржуазная республика не в состоянии примирить социальные противоположности,

отсюда вера в высшее существо, которое посылает возмездие и примиряет то, что в его время не могли еще примирить люди, вот почему эта вера была для первой республики необходимостью.

Это время прошло, один культурный прогресс будет вызывать другой, человечество будет ставить себе все новые задачи и достигнет такого культурного развития, которое не знает более ни национальной ненависти, ни войн, ни религиозной вражды, ни других подобных пережитков прошлого.

(А. Бебель. „Женщина и социализм". Изд. Петросовдена 1919 г., стр. 373—377.)

Целью социализма является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их. И именно для того, чтобы достигнуть этой цели, мы должны, с одной стороны, разъяснять массам реакционность идей Реннера и О. Бауэра о так называемой „культурно-национальной автономии", а с другой стороны требовать освобождения угнетенных наций не в общих расплывчатых формах, не в бессодержательных декламациях, не в форме „откладывания" вопроса до социализма, а в ясной и точно формулированной политической программе, специально учитывающей лицемерие и трусость социалистов в угнетающих нациях. Подобно тому как человечество может прийти к уничтожению классов лишь через переходный период диктатуры пролетариата, подобно этому и к неизбежному слиянию наций человечество может прийти лишь через переходный период полного освобождения всех угнетенных наций.

(Ленин. Империализм, социализм и освобождение угнетенных наций. Тезисы. Апрель 1916 г.)

3. Национальность и культура.

. . . .

И в отношени к культуре национальность сводится к языковой общности. Нет другого пути к культуре, чем через язык и именно тот язык, которым владеешь. Для большинства людей этим языком служит язык, изученный

с детских лет в семье, через посредство которого они являются членами определенной национальности. Чем совершеннее культурные учреждения этой национальности, тем лучше устроены и легче доступны ее школы, чем осведомленнее и добросовестнее ее газеты, ее книжная литература и т. д., тем выше культура ее народных масс.

Такова связь между национальностью и культурой.

Но это отнюдь еще не означает, что родной язык служит единственным путем к культуре, что всякий язык ведет при этом одинаково далеко и что родной язык всегда представляет целесообразнейший путь к культурному преуспеянию и что, поэтому, обязанностью всякого является придерживаться употребления родного языка и своей национальности.

Язык всякого народа европейского культурного общения служит посредником современной культуры. Правда, не всякий язык в одинаковой степени. Экономически отсталая, отрезанная от мирового оборота малая национальность не представит знающим исключительно ее язык возможности ознакомиться со столькими завоеваниями современной культуры, как экономически передовая национальность, стоящая в центре международного оборота и охватывающая многочисленное население.

Сравним, например, словенский народ, числящий приблизительно 1.300.000 душ, почти исключительно крестьян, мелких буржуа и пролетариев,—народ, только что начавший созидать свою литературу и располагающий всего двумя гимназиями при отсутствии университета,—с немецким народом, на языке которого говорят приблизительно 80 миллионов человек, с миллионами интеллигентов, с 500 гимназиями слишком, 22 университетами при почти 4.000 лекторах и 60.000 слушателях, с литературой, искусством и наукой, над которыми работали столетиями,—и станет ясно, что знание немецкого языка раскрывает бесконечно более широкий круг культуры, чем знание словенского. Никто не может добиться полного обладания современной культурой при помощи одного лишь родного языка. Чем менее значителен и более отстал тот народ, к которому принадлежишь по рождению, тем более ограничение родным языком означает ограничение самой культуры, ее восприятия и даже

сотрудничества в пользу ее. В этом случае обязанностью может стать не ограничение родным языком, но преодоление национальной ограниченности при помощи многоязычности.

С другой стороны, культурный уровень народных масс поднимается не только от того, что в школе и литературе они ознакамливаются с новыми фактами и идеями. Он поднимается также вместе с экономическою и политическою мощью масс, с материальными средствами и досугом, которыми они располагают. Всё это должно действовать совместно. Большая заработная плата и сокращенный рабочий день сами по себе недостаточны, если они не сопровождаются растущим научным и художественным интересом и расширением кругозора. И наоборот, этот культурный подъем невозможен до тех пор, пока непосильная работа и голодовка притупляют массы и делают их невосприимчивыми ко всем стремлениям и удовольствиям, кроме чувственных.

Но это означает, что культурный подъем пролетариата возможен только при помощи классовой борьбы, а именно только при помощи тех форм ее, которые означают не борьбу только за заработную плату, но освободительную борьбу за великие социальные и политические цели.

Но эта борьба невозможна без широчайшего международного общения рабочих. Оно станет тем достижимее, чем распространеннее будет в пролетариате многоязычность, чем больше каждый в отдельности использует предоставляющуюся ему возможность изучения иностранного языка.

Но ближайшей и настоятельнейшей необходимостью является то, чтобы рабочие одной и той же области говорили на одном и том же языке, чтобы быть в состоянии сговариваться между собой. Если рабочие, попадая в иноязычную среду, отмежевываются от нее и ограничиваются одним только родным языком, они совершают тяжкий грех по отношению к классовой борьбе пролетариата.

Потребности растущего международного коммерческого оборота, а также международной классовой борьбы и, наконец, возрастание рабочей эмиграции, — как внутренних переселений, так и полного выселения, — всё это быстро увеличивает ряды владеющих двумя, а то и несколькими языками. Но тот, кто говорит на нескольких языках, не

остается связанным той национальностью, к которой он принадлежит по рождению.

Таким образом понятие национальной культуры неправильно даже в том смысле, что современная культура будто бы достижима лишь при посредстве родного языка, что отдельный человек в своем счастьи и несчастьи связан с родной национальностью и что будто бы только при помощи ее он может культурно преуспеть.

Этот культурный подъем очень далек от того, чтобы дифференцировать и резче размежевать национальности, наоборот, он их сближает, стирая их своеобразие и облегчая ассимиляцию, в особенности членам малых и отсталых национальностей. Мы уже наблюдали этот процесс в национальном государстве. Он действует на всем пространстве капиталистического оборота.

Социалистическое общество не только не задержит этого процесса, но ускорит его. Уже сегодня нельзя быть образованным в полном смысле этого слова, не владея несколькими культурными языками. Возможность получения высшего образования для народных масс пока еще закрыта. Социализм предоставит эту возможность всякому и тем освободит его от ограничения определенным языком и национальностью.

Тот же социализм положит конец и всякой политике национального угнетения.

(К. Каутский „Национальные проблемы“. Изд. „Книга“ 1918 г., стр. 159—162.)

4. Социализм и самоопределение нации.

Мы утверждали, что было бы изменой социализму отказаться от осуществления самоопределения нации при социализме. Нам отвечают: „Право самоопределения неприменимо и к социалистическому обществу“. Расхождение коренное. В чем же его источник?

„Мы знаем,—возражают наши оппоненты,—что социализм уничтожит всякое национальное угнетение, так как он уничтожает классовые интересы, которые ведут к нему...“ Причем это рассуждение об *экономических* предпосылках уничтожения национального гнета, которые давным-давно известны

и бесспорны, когда спор идет об одной из форм *политического* гнета, именно: о насильственном удержании одной нации внутри границ государства другой нации? Ведь это просто попытка уклониться от политических вопросов! И дальнейшие рассуждения еще более убеждают нас в такой оценке: „мы не имеем никаких оснований предполагать, что нации в социалистическом обществе будет принадлежать характер хозяйственно-политической единицы. По всей вероятности, она будет иметь только характер культурной и языковой единицы, так как территориальное разделение социалистического культурного круга, поскольку таковое будет существовать, может произойти только по потребностям производства, при чем решать вопрос об этом разделении, разумеется, должны не отдельные нации, поодиночке, имея всю полноту собственной власти (как этого требует „право самоопределения“), *а совместно определять* будут все заинтересованные граждане...“

Этот последний довод насчет *совместного* определения, вместо самоопределения, так нравится польским товарищам, что они *три раза* повторяют его в своих тезисах. Но частота повторений не превращает этого октябристского и реакционного довода в социал-демократический. Ибо все реакционеры и буржуа предоставляют нациям, насильственно удерживаемым в границах данного государства, право „совместно определять“ его судьбы в общем парламенте. Вильгельм II тоже предоставляет бельгийцам право „совместно определять“ в общем немецком парламенте судьбы немецкой империи.

Как раз то, что спорно, именно то, что исключительно и поставлено на дискуссию,—право отделения,—наши оппоненты и усиливаются обойти. Это было бы смешно, когда бы не было так грустно!

У нас сказано в первом же тезисе, что освобождение угнетенных наций предполагает в области политической двоякое преобразование: 1) полное равноправие наций. Об этом нет спора, и это относится только к происходящему внутри государства; 2) свободу политического отделения. Это относится к определению границ государства. *Только это* спорно. И как раз об этом наши оппоненты молчат. Ни о границах государства, ни даже вообще о государстве они

думать не желают. Это какой-то „империалистический экономизм", подобный старому „экономизму" 1894—1902 гг., который рассуждал: капитализм победил, *поэтому* политические вопросы ни к чему! Подобная, а-политическая теория в корне враждебна марксизму.

Маркс писал в „Критике Готской программы": „Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Ему соответствует и политический переходный период, государством которого не может быть ничего иного, кроме как революционная диктатура пролетариата". До сих пор эта истина была бесспорна для социалистов, а в ней заключается признание *государства* вплоть до перерастания победившего социализма в полный коммунизм. Известно изречение Энгельса об *отмирании* государства. Мы нарочно подчеркнули в первом же тезисе, что демократия есть форма государства, которая тоже отомрет, когда отомрет государство. И пока наши оппоненты не заменили марксизм какой-то новой, „а-государственной" [1]) точкой зрения, их рассуждения—сплошная ошибка.

Вместо того, чтобы говорить о государстве (*и значит* об определении его границ), они говорят о „социалистическом культурном круге", т.-е. нарочно выбирают неопределенное в том отношении выражение, что все государственные вопросы стираются. Получается смешная тавтология: конечно, если нет государства, то нет и вопроса об его границах. Тогда ненужна и *вся* демократически-политическая программа. Республики тоже не будет, когда отомрет государство.

Немецкий шовинист Ленч в статьях, отмеченных нами в тезисе 5 (примеч.), привел одну интересную цитату из сочинения Энгельса: „По и Рейн". Энгельс говорит там, между прочим, что границы „больших жизнеспособных европейских наций" в ходе исторического развития, поглотившего ряд мелких и нежизнеспособных наций, определялись более или менее „языком и симпатиями" населения. Эти границы Энгельс называет „естественными". Так было дело в эпоху прогрессивного капитализма в Европе (около 1848—1871 гг.).

---

[1]) Приставка „а" обозначает в данном случае отрицание, как напр., в словах: аполитичный, анормальный и т. п.

Теперь реакционный, империалистский капитализм все чаще *ломает* эти демократически определяемые границы. Все признаки говорят за то, что империализм оставит в наследство идущему ему на смену социализму границы *менее* демократические, ряд аннексий в Европе и в других частях света. Что же? Победивший социализм, восстановляя и проводя до конца полную демократию по всей линии, откажется от *демократического* определения границ государства, не пожелает считаться с „симпатиями“ населения? Достаточно поставить эти вопросы, чтобы наглядно видеть, как польские наши коллеги катятся от марксизма к „империалистическому экономизму“.

Старые „экономисты“, превращая марксизм в карикатуру, учили рабочих, что для марксистов важно „только“ „экономическое“. Новые „экономисты“ думают то ли, что демократическое государство победившего социализма будет существовать без границ (в роде комплекса „ощущений“ без материи), то ли, что границы будут определяться „только“ по потребностям производства. На деле эти границы будут определяться демократически, т.-е. согласно воле и „симпатиям“ населения. Капитализм насилует эти симпатии и тем прибавляет новые трудности делу сближения наций. Социализм, организуя производство без классового гнета, обеспечивая благосостояние всем членам государства, тем самым дает *полный простор* „симпатиям“ населения и именно в силу этого облегчает и гигантски ускоряет сближение и слияние наций.

Чтобы читатель несколько отдохнул от тяжелого и неуклюжего „экономизма“, приведем рассуждение одного постороннего нашему спору социалистического писателя. Писатель этот—Отто Бауэр, который имеет тоже свой „пунктик“,—„культурно-национальную автономию“, но который очень правильно рассуждает о целом ряде важнейших вопросов. Например, в § 29 своей книги „Национальный вопрос и социал-демократия“ он в высшей степени верно отметил прикрытие национальной идеологией *империалистской* политики. В § 30: „Социализм и принцип национальности“ он говорит:

„Никогда социалистическая община не в состоянии будет насильно включать в свой состав целые нации.

Представьте себе народные массы, обладающие всеми благами национальной культуры, принимающие полное и активное участие в законодательстве и управлении, наконец, снабженные оружием,—возможно ли было бы насильно подчинить такие нации господству чуждого общественного организма? Всякая государственная власть покоится на силе оружия. Теперешняя народная армия, благодаря искусному механизму, всё еще составляет орудие в руках определенного лица, фамилии, класса, точно так же, как рыцарское и наемное войско минувших времен. Армия же демократической общины социалистического общества представляет собой не что иное, как вооруженный народ, так как она состоит из высоко-культурных людей, непринужденно работающих в общественных мастерских и принимающих полное участие во всех областях государственной жизни. При таких условиях исчезает всякая возможность чуженационального господства".

Вот это верно. При капитализме уничтожить национальный (и политический вообще) гнет *нельзя*. Для этого *необходимо* уничтожить классы, т.-е. ввести социализм. Но, базируясь на экономике, социализм вовсе не сводится весь к ней. Для устранения национального гнета необходим фундамент — социалистическое производство, но на этом фундаменте необходимы *еще* демократическая организация государства, демократическая армия и проч. Перестроив капитализм в социализм, пролетариат создает *возможность* полного устранения национального гнета; эта возможность превратится в *действительность* „только"—„только"!—при полном проведении демократии во всех областях, вплоть до определения границ государства сообразно „симпатиям" населения, вплоть до полной свободы отделения. На этой базе, в свою очередь, разовьется *практически* абсолютное устранение малейших национальных трений, малейшего национального недоверия, создастся ускоренное сближение и слияние наций, которое завершится *отмиранием* государства. Вот теория марксизма, от которой ошибочно отошли наши польские коллеги.

(Ленин. Итоги дискуссии о самоопределении. Собр. соч., т. XIX стр. 181—185.)

5. Борьба национальностей и социализм.

Противоположность национальностей в многонациональном государстве не вытекает из противоречия национальных характеров или национальных культур. Различие еще далеко не означает противоположности.

Национальные противоречия вытекают из борьбы за рынок и за государственную власть. Способ, которым чехи, например, воспринимают, „национально апперципируют" европейскую культуру, довольно безразличен для немцев Богемии. Но немецкому журналисту в Рейхенберге совершенно не безразлично, читает ли городское население немецкие или чешские газеты. Немецкому купцу, врачу, адвокату не безразлично, предпочитает ли население торговцев, врачей и адвокатов, говорящих по-чешски, говорящим по-немецки. Немецкой буржуазии не безразлично, имеют ли их подрастающие интеллигентные силы больше видов на государственную и общинную службу, нежели интеллигенты, говорящие по-чешски, и т. д.

Отсюда стремление всякой национальности овладеть государственной властью, чтобы насильственно расширить круг действия собственного языка за счет сужения другого или чтобы противостать всяким насильственным мерам подобного рода.

Вот где национальная борьба заинтересовывает демократию, а тем самым и социал-демократию, тут же скрывается и величайшее препятствие для сближения и ассимиляции наций в нынешнем государстве.

Помогать угнетенным и не оставлять их на произвол судьбы,—такова нравственная обязанность всякого подлинного демократа. Вряд ли он отделится от угнетенной национальности, чтобы присоединиться к угнетающей, даже и в том случае, если бы это расширило его работоспособность. Перемена национальности получает при таких условиях характер беззастенчивого карьеризма. Угнетение всегда являлось лучшим средством крепче спаять данное общение, будь то языковая или религиозная общность, областная общность или класс.

Если завоеватель сохраняет в завоеванной области исключительное положение, то это оказывается лучшим средством

воспрепятствовать слиянию вновь приобретенной провинции со всем государством. Религии, если они даже находятся в периоде упадка, получают новую силу вследствие преследований. Этим до сих пор сильнее всего задерживалась ассимиляция евреев.

Это относится и к некоторым национальностям. Чехи, т.-е. „немцы, говорящие по-чешски“, были бы, быть-может, давно уже онемечены,—ведь уже сто лет тому назад этот процесс далеко зашел,—если бы предоставили действовать одним лишь потребностям оборота, которые заставляют всякого чеха, желающего чего-либо достигнуть, изучить немецкий язык. Попытка насильственно способствовать ассимиляции помешала этому процессу. Борьба за чешскую национальность стала для чехов равнозначной борьбе за равноправие и демократию.

Эти помехи исчезают в социалистическом обществе. С прекращением производства для рынка кончается и борьба за рынок. И государство перестает быть учреждением господства. Пока оно является таковым, оно представляет враждебный демократии элемент, ибо демократия противоречит господству классов. Если в современном государстве и существуют кое-какие демократические права, то — поскольку речь не идет об остатках первобытных отношений — это только уступки, вырванные у государства против воли его. Полная и подлинная демократия недостижима в современном государстве, здесь возможны только полумеры.

Напротив того, пролетарское государство не может существовать без демократии, — для него она является не уступкой, а условием существования. Тем самым теряет свою почву борьба национальностей за власть в государстве. Язык перестает служить в государственной жизни целям господства, а служит лишь целям управления. Языковые отношения в государстве начинают устанавливаться исключительно согласно целесообразности и потребностям народной массы, а не сообразно целям господствующих классов или их органов.

Решающими для языка судоговорения явятся потребности правосудия, обвиняемых и свидетелей, а не потребности судей; для языка преподавания—потребности успешного

преподавания и самих учеников, а не учителей; для языка железнодорожных и т. п. учреждений—потребности оборота, а не руководящих чиновников. Но вместе с этим для отдельного человека принадлежность к своей национальности, употребление языка становится только вопросом целесообразности. Каждый предпочтет из доступных ему языков тот, употребление которого даст ему наибольшее участие в современной культуре и на котором он сможет принести ей наибольшую пользу. Обязанность демократической солидарности, образующая ныне столь могучую связь для слабых, угнетенных национальностей, перестанет тогда играть свою охраняющую национальность роль. Таким образом ассимиляция и растворение не только некоторых языковых островов и вкрапленных национальных обломков, но и целых национальностей пойдет тогда гораздо более быстрым темпом.

Мы здесь—отчасти по поводу взглядов О. Бауэра—уже неоднократно останавливались на разрешении национального вопроса при господстве социализма. Сейчас, когда речь идет только о том, как должна влиять национальная проблема на поведение Интернационала по отношению к заявленным целям войны,—этот вопрос непосредственно к нам не относится. Но наше поведение в настоящем не что иное, как подготовка к будущему, и оно определяется теми представлениями, которые мы имеем об этом будущем. И если быстрое и решительное движение в направлении нашей цели возможно только в государстве с победившим пролетариатом, то ведь границы между буржуазным и пролетарским обществом эластичны, и мы должны помышлять о проведении всего того, что мы ныне уже можем осуществить. Вот в какой постоянной и необходимой связи находится наша работа настоящего времени с нашими великими конечными целями.

Поэтому еще несколько слов о том, как мы себе представляем разрешение национального вопроса в социалистическом обществе, согласно началам последнего.

Мы уже видели, что социалистическое общество очень ослабляет и в конце концов вовсе устраняет национальные противоречия, содействуя этим устранению некоторых национальных различий, — всё это является следствием

превращения государства из учреждения господства в учреждение одного лишь управления и следствием утвержденной полной демократии, идущей рука об руку с устранением классовых различий.

С другой стороны, именно потребность в демократии даст сильный толчок в сторону изменения государственных границ в духе национального государства. Ибо демократия полнее всего осуществляется в национальном государстве, в котором язык народной массы совпадает с языком государства.

Но одновременно с этим государственные границы теряют свой прежний характер. Так как производство из частного превращается в общественное, так как прибыль отдельного предпринимателя перестает быть двигателем его, то пошлины теряют всё свое значение. Пошлины эти действуют в качестве „оборонительных пошлин" лишь постольку, поскольку они искусственно повышают прибыль на капитал в „охраняемых" отраслях промышленности и тем направляют туда капитал. Но вместе с исчезновением пошлин прекращается также и взаимная замкнутость государств, как искусственных единств оборота.

При этом, как мы уже видели, социализм явится плодом не обособленного национального, но интернационального (международного) движения, при котором исчезнет суверенитет отдельных государств, которые превратятся в части одного великого целого, Соединенных Штатов Европы. При этом под Европой следует подразумевать не определенную часть света, а все области европейской культуры. Одним только присоединением Англии Соединенные Штаты Европы превратились бы в соединенные штаты всех частей света [1]).

Тем самым вопрос о государственных границах теряет всякое значение, как и вопрос о военной безопасности.

Отдельные государства-штаты станут только особыми округами управления (административными округами) с самоуправлением. Это опять-таки облегчает разграничение по языковым областям. Лишь в социалистическом обществе появляется возможность настолько всесторонне осуществить

---

[1]) Каутский подразумевает здесь присоединение и великобританских колоний в Америке, Азии, Африке и Австралии.

национальное государство, насколько природа вещей вообще позволяет это. Но это произошло бы одновременно с исчезновением отдельного суверенного государства, поэтому целью этого развития явился бы не национальный суверенитет, а национальное самоуправление.

Наконец, и национальное разграничение административных округов должно было бы потерять свое значение благодаря тому, что повышенное народное образование ознакомило бы всякого, помимо родного, с каким-нибудь мировым языком, так что всякий мог бы повсюду в мире устроиться и укорениться. Целью социалистического развития служит не дифференциация, но ассимиляция национальностей, не доступ масс к национальной культуре, но к европейской культуре, которая все более становится равнозначащей с культурой мировой.

(К. Каутский. „Национальные проблемы". Изд. „Книга". 1918 г. стр. 162—167.)

6. Однообразие мировой культуры.

Странным образом существуют социалисты, страстно борющиеся против цели ассимиляции национальностей и их культур. Прекратись, по их мнению, многообразие национальностей, а следовательно и языков, то это повело бы ко всеобщему однообразию, монотонности и духовному обеднению.

Это само по себе еще ничего не доказывало бы. Фабричный товар также гораздо однообразнее, нежели изделия ремесла или домашней промышленности, и всеже было бы реакционным воспрепятствовать распространению этих товаров.

Но ведь здесь и речь-то вовсе не идет о том, что нам угодно или не угодно. Не о том ставится вопрос, нравится ли нам или не нравится тот процесс ассимиляции наций, который вытекает из роста международного оборота, а хотим ли мы подчиниться ему или же насильственно вмешаться в него. И тут-то мы, в качестве демократов, должны отклонить всякое насилие по отношению к народным массам, всякое насильственное вмешательство в их языковые и религиозные отношения. Никто из-за своего языка—как

из-за религии—не должен быть поставлен в худшее положение в государстве, нежели другие. Но так же как государство не охраняет религии от добровольного ухода верующих, точно так же государство не может брать на себя охрану языка или нации от отпадения ее членов.

Но мы, социалисты, как защитники пролетариата, должны бороться не только против политического, но и экономического принуждения в пользу или во вред одного какого-либо языка, как мы боремся против благоприятствований или преследования какой-либо религии. Нас не должно касаться, приведет ли этот нейтралитет к исчезновению того или иного языка, той или иной религии, даже если бы мы об этом результате и пожалели.

Но нам даже и нечего жалеть об исчезновении многоязычности.

В общем, возрастающее однообразие и уравнение, вызываемые ростом капитализма, безусловно ничего радостного не представляют. Но Давид, однако, ошибается, когда он в упомянутом месте своей книги „Die Sozialdemokratie und der Weltkrieg“ (стр. 190) потому выставляет необходимость возрастающей дифференциации наций, что, мол, „всякое развитие есть утонченная дифференциациия“ и что мы „видим в этом лишь проявление великого биологического закона“. Но здесь речь идет об обществе, а не о животных организмах. Биология сюда совершенно не относится. Тот, кто выводит свои экономические воззрения из развития капиталистического способа производства, а не из развития головастиков, знает, что необычайный рост *продуктов* сопровождается в капиталистическом строе возрастающим однообразием, обеднением *форм*. И эта взаимозависимость не случайная.

Большая производительность работы является при нынешнем способе производства результатом массового производства, которое всегда является однообразным. Все однообразнее становятся продукты и средства производства. Среди последних важнейшим средством производства является сама природа.

Прогресс культуры, господство человека над природой означает обеднение форм природы, означает замену ботанического многообразия дикой природы однообразием обра-

ботанного поля; замену бесконечного многообразия диких зверей немногими видами домашних животных. Вплоть до появления человека природа развивается в сторону постоянно возрастающего многообразия. С появлением человека развитие органической природы не сделало никаких дальнейших успехов.

„С середины плиоценового периода мы не можем отметить сколько-нибудь достоверное появление нового вида, дилювиальный и позднейший период характеризуются—рядом с появлением вида Homo sapiens, человека—только вымиранием и обеднением“. (W. Kobelt, „Die Verbreitung der Tierwelt“, 1902 г., Vorwort.)

Капитализм чрезвычайно усилил средства и стремления к этому обеднению, которое принимает по истине устрашающие размеры. Среда должна воздействовать на человека, ее обеднение формами должно постольку влечь за собою и духовное обеднение, поскольку уменьшенному многообразию среды соответствует уменьшение числа способов применения духовных способностей человека.

Но существуют факторы, противодействующие этому. Та самая техника, которая уничтожает формы природы, приводит к познанию таких форм, которые совершенно недоступны пониманию человека природы. Техника переворачивает землю, показывает человеку богатые формы прежнего мира; телескоп раскрывает необычайные дали, микроскоп—невероятно малые миры.

Далее все та же техника все более освобождает человека от борьбы за пропитание, дарит ему умноженные время и средства роскоши, а ведь роскошь это не что иное, как либо искусственно сохраненное, либо искусственно созданное многообразие.

Роскошь обусловливается экономически. Чем выше производительная сила работы, тем больше возможности роскоши. Чем больше, таким образом, созданное экономикой однообразие жизни жизни. тем больше, с другой стороны, возможность противодействовать ему роскошью. Роскошь противоречит экономии и является в этом смысле расточительностью, но она не должна стать бессмысленной расточительностью, — только в бессмысленных руках она становится таковой.

Если кусок природы оставляют необработанным; если дикие звери, ставшие бесполезными, щадятся; если оставляют неприкосновенными и охраняют развалины, вместо того чтобы брать оттуда строительный материал,—то ведь это роскошь, подобно тому как всякое искусство есть роскошь. Она противодействует обеднению жизни, вызываемому экономикой, и сохраняет существующее или создает новое многообразие.

Тот вид многообразия жизни, который дается роскошью до сих пор и с того времени, как появились классовые различия, — являлся преимуществом имущих классов, равно как и то многообразие, которое вытекает из *науки*. Трудящиеся классы вкушали только оборотную сторону экономического прогресса — возрастающее опустошение и однообразие жизни, достигающее своих вершин в капиталистическом обществе.

Социализм сделает средства противодействия обеднению жизни — науку, искусство, наслаждение природой—общим достоянием народных масс. Таков путь противодействия однообразию жизни, проистекающему из однообразия жизни.

Важную роль будет при этом играть вопрос о населении. В минувшем столетии господствовал страх перед перенаселением. Нищета приписывалась перенаселению. Это ничем не было оправдано. Двадцатое столетие начинается с боязни недостаточного населения. Даже социалисты разделяют ее и обеспокоены падением цифр рождаемости. Но быстрое увеличение народонаселения желательно только с точки зрения политики национальной мощи, желающей видеть собственный народ возможно более многочисленным, чтобы быть в состоянии бросить на чашки весов мировой политики наивозможно большую силу. В интересах благополучия масс это быстрое увеличение населения отнюдь не потребно. Если бы оно шло еще столетие тем же темпом, что и до сих пор, тогда мы бы пришли к ужасающим результатам. В XIV столетии население Европы можно считать равным ста миллионам, еще в начале XVIII столетия оно вряд ли было значительно больше. Но в 1800 году оно возрасло до 175 миллионов, а с тех пор до начала мировой войны до 460 миллионов. Увеличение того же темпа дало бы к концу следующих ста лет 1.200 миллионов.

Не надо быть проникнутым мальтузианскими страхами для того, чтобы понять, что подобные народные массы нечем будет питать. А роскошь, в особенности природная роскошь, должна была бы тут пострадать. Чем больше количество ртов, тем более каждая пядь способной к обработке земли должна обрабатываться.

Но дело не дойдет до этого из-за уменьшения рождаемости, которое нас не должно беспокоить.

Этим, конечно, мы не хотим сказать, что уменьшение пролетарских семей есть средство освобождения пролетариата. Оно совершенно непригодно к этой цели.

Разумеется, что социалистическое общество, в такой же мере, как и подготовляющее его капиталистическое, будет покоиться на массовом производстве. Из этого способа производства проистекает высокая производительность труда, которая одна лишь дает возможность не только снабдить каждого члена общества необходимыми средствами жизни, но и сделать им доступными все культурные блага, свести для всякого необходимое рабочее время к минимуму и превратить досуг, подлинное богатство всякого, в большую часть его жизни.

Массовое производство требует массового потребления, оно предполагает обширные народные массы, для которых действует это производство.

Один путь добиться появления таких масс, это—быстрое увеличения населения. При социалистических условиях нельзя было бы ожидать такого увеличения народонаселения, оно находилось бы даже в противоречии с потребностями народных масс в роскоши. Но, к счастью, это не единственный путь увеличить производительность труда путем расширения массового производства. Другим путем к этой цели служит усиление сношений и оборота между народными массами. Благодаря этому необходимые потребности получают всё более однообразный характер, они всё более могут обслуживаться из немногих промышленных центров, куда весь мир доставляет сырье.

Величайшая напряженность международного оборота явится условием существования социалистического общества. Необходимым следствием этого будет возрастающее

устранение препятствий к обороту, между которыми важнейшее значение имеют языковые различия.

Само собою разумеется, что социалистическому обществу придется противодействовать возрастающему единообразию, создаваемому капиталистической экономикой. Но это общество не может ему противодействовать на почве самой экономики. Здесь ему придется продолжать массовое производство, со всеми следствиями, из него вытекающими, в том числе и ассимиляцией наций,—если только оно не захочет подрубить тот сук, на котором оно сидит, — повышенную производительность труда. Только путем распространения роскоши и, прежде всего, роскоши нетронутой природы, этого первоисточника всякой красоты, богатства, наслаждений—может оно противодействовать однообразию экономики, а не путем сохранения многообразия языков.

Уже в библии это многообразие языков рассматривается как громаднейший ущерб человечеству. Подобно тому как библия всех людей производит от первой человеческой четы, так она считает, что первоначально существовал лишь один язык. Но как только люди растут численно и умственно и начинают строить башню, долженствующую достичь до небес, бог начинает страшиться их. Он предполагает, что станет беззащитным, если все люди смогут между собою сговориться.

„И сказал господь: Ведь народ один, да и наречие у них одно; а вот как они начали действовать И так у них уже не остановится ничего, что бы они ни вздумали делать. Дай, сойдем и смешаем их наречие, чтобы не понял человек речи своего товарища“ (по переводу Л. Мандельштама, книга Бытия, гл. II, ст. 6—7).

Таким-то образом Иегова и помешал подъему человечества. Здесь поется песнь песней интернациональности.

Разделение человечества по языкам означает ослабление его мощи. Их языковое объединение означает подъем на высшую вершину власти. Противодействовать ему было бы реакционно. Помешать народам понимать друг друга из-за многообразия—значит для хорошей цели применить негодные и, более того, превратные и вредные средства.

(К. **Каутский**. „Национальные проблемы“. Изд. „Книга“ 1918 г., стр. 168—174.)

Социалистические партии, которые не докажут всей своей деятельностью и теперь, и во время революции, и после ее победы, что они освободят порабощенные нации и построят отношение к ним на основе свободного союза,— а свободный союз есть лживая фраза без свободы отделения,—такие партии совершили бы измену по отношению к социализму.

(Ленин. Социалистическая революция и право нации на самоопределение. Тезисы. Собр. соч., т. XIX.)

7. Интернациональные культурные круги.

. . . .

Если социалистическое общество сделает массы народа интеллигентными, то оно дает также им возможность овладеть несколькими языками, знать мировые языки и таким путем принять участие во всей интернациональной культуре нашего культурного круга, а не только в обособленной культуре какой-нибудь отдельной национальной группы.

Но раз мы придем уже к тому, что масса населения наших культурных государств, на ряду со своими национальными языками, будет владеть еще одним или несколькими мировыми языками, то этим будет дано начало постепенному отступлению и полному исчезновению, прежде всего, языков более мелких наций и окончательному объединению всего культурного человечества в одном языке и одной национальности, подобно тому как народы восточного бассейна Средиземного моря после эпохи Александра Македонского были объединены эллинизмом, а народы западного бассейна слились впоследствии в одну романскую национальность.

Различие языков внутри нашего культурного круга затрудняет взаимное понимание членов его различных наций и становится препятствием его культурного прогресса. Только социализм в состоянии будет преодолеть это препятствие, но и ему придется еще долго проработать, прежде чем ему удастся поднять так высоко образование народных масс, чтобы заметен был какой-нибудь серьезный прогресс.

Однако в настоящее время уже мы должны сознавать, что наш интернационализм не представляет собой какой-то

особого рода национализм, который только тем отличается от буржуазного, что не действует аггрессивно подобно ему, но предоставляет каждой нации те же самые права, которых он требует для своей собственной нации, и признает за каждой полную самостоятельность. Это понимание, которое переносит анархическую точку зрения с индивидуумов на нации, не соответствует тесному культурному общению, существующему между нациями современной культуры. На самом деле, они составляют как в экономическом, так и в культурном отношении единое общественное тело, процветание которого зависит от гармонического взаимодействия его частей, чего можно достигнуть только тогда, если каждая часть будет подчинена целому, социалистический интернационал представляет собой не конгломерат самостоятельных наций, каждая из которых может делать то, что ей нравится, под одним только условием не задевать равноправия других,—но целый организм, который тем совершеннее будет функционировать, чем легче отдельные его части будут понимать друг друга и чем единодушнее они будут действовать по одному общему плану.

К. Каутский. „Национализм и Интернационализм“. Изд. „Жизнь и Знание“. (Г. 1918, стр. 49—51.)

Победоносный социализм необходимо должен осуществить полную демократию, а следовательно не только провести полное равноправие наций, но и осуществить право на самоопределение угнетенных наций, т.-е. право на свободное политическое отделение.

(Ленин. Империализм, социализм и освобождение угнетенных наций.)

ГЛАВА VI. ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ, БРАК, СЕМЬЯ.

1. „Общность жен".

Вы, коммунисты, хотите ввести общность жен,—кричит нам хором вся буржуазия.

Буржуа смотрит на свою жену как на простое орудие производства. Он слышит, что орудия производства должны быть предоставлены в общее пользование, и естественно приходит к тому заключению, что и женщины подвергаются той же участи.

Он и не подозревает, что речь идет об устранении того положения женщины, в котором она является простым орудием производства.

Впрочем, нет ничего смешнее высоконравственного ужаса наших буржуа по поводу воображаемой официальной общности жен коммунистов. Коммунистам не нужно вводить общность жен, она почти всегда существовала.

Не довольствуясь тем, что в их распоряжении находятся жены и дочери пролетариев, не говоря уже об официальной проституции, наши буржуа находят особенное наслаждение в том, чтобы соблазнять жен друг у друга.

В действительности буржуазный брак является общностью жен. Коммунистов можно было бы упрекнуть разве лишь в том, что они хотят поставить официальную, открытую общность жен на место лицемерно скрываемой. Но само собою разумеется, что с уничтожением современных условий производства исчезнет и создаваемая ими общность жен, т.-е. официальная и неофициальная проституция.

(К. Маркс и Фр. Энгельс. „Коммунистический Манифест". Гиз. 2 изд. 1923 г., стр. 93.)

2. Какое влияние окажет коммунистический общественный строй на семью.

Он превратит отношения между обоими полами в чисто частные отношения, касающиеся только участвующих в них лиц, в которые обществу нечего вмешиваться. Оно может сделать это, так как уничтожит частную собственность и введет общественное воспитание детей и, вместе с тем, уничтожит обе основы современного брака: зависимость женщины от мужчины и детей от родителей вследствие частной собственности.

Здесь дан ответ на вопль высокоморальных мещан против общности жен при коммунизме. Общность жен есть отношение, относящееся исключительно к буржуазному обществу, и ныне существует в виде проституции. Проституция покоится на частной собственности и исчезает вместе с ней.

Коммунистическая организация, следовательно, вместо того чтобы ввести общность жен, уничтожает ее.

(Фр. Энгельс. „Принципы коммунизма". Гиз. 1920, стр. 27—28.)

3. „Уничтожение семьи".

Один из самых распространенных предрассудков против социал-демократии заключается во взгляде, будто бы она желает уничтожить семью...

Об „уничтожении" семьи, об уничтожении ее законодательным путем и о насильственном разрушении ее не думает никто в партии. Только самое грубое извращение может навязать ей такие взгляды, и только дурак может воображать, что какая-либо форма семьи может быть создана или отменена указами.

Сущности общественного производства современная семья нисколько не противоречит. Следовательно, осуществление социалистического общества само по себе вовсе не требует уничтожения существующей формы семьи.

Что ведет к ее уничтожению, так это не сущность общественного производства, а экономическое развитие. Мы уже видели в упомянутой главе, каким образом в наши дни разлагается семья: муж, жена и дети отрываются друг от друга, безбрачие и проституция становятся массовыми явлениями.

Социалистическое общество не препятствует экономическому развитию; напротив, оно даст ему новый толчок. Следовательно, это развитие будет продолжаться, попрежнему одно занятие домашнего хозяйства за другим будут превращаться в функции специальных промышленных предприятий, и женщина из работницы в отдельном домашнем хозяйстве будет превращаться в работницу крупного производства. Однако этот переход для женщины уже не будет больше означать перехода от домашнего рабства к рабству наемному; он не будет больше выбрасывать ее из защищающих рамок семьи в самые беззащитные и беспомощные слои пролетариата. Благодаря своему труду в общественном крупном производстве, женщина сделается экономически равноправной с мужчиной и получит одинаковое с ним право на участие в делах общества; она станет его свободной подругой, освобожденной (эмансипированной) не только от батрачества домашнего хозяйства, но и от рабства капитала. Свободно распоряжаясь собой, подобно мужчине, она положит конец всякого рода проституции—законной и незаконной—и впервые во всемирной истории возведет равный для мужчины и женщины моногамный брак до высоты действительного, не на бумаге только существующего учреждения.

Это не утопические проекты, а научные убеждения, обоснованные определенными фактами. Кто желает их опровергнуть, тот должен доказать, что эти предпосылки несостоятельны. Но так как до сих пор этого не удалось сделать, то, конечно, господам и дамам, не желающим ничего знать об этом процессе развития, не остается никаких других приемов „опровержения", как только выражать свое нравственное негодование и путем лжи и извращения выставлять свою нравственность в возможно более выгодном свете.

Этим, конечно, они ни на одну минуту не задержат неизбежного развития.

Не подлежит сомнению, что разложение традиционной формы семьи вызвано не социал-демократией и не сущностью социалистического производства, а происходящим уже в течение десятилетий на наших глазах экономическим развитием. Социалистическое общество не задержит его и не может задержать, но оно освободит все последствия этого развития от мучительных и унизительных сторон, которыми

оно с естественной необходимостью сопровождается в капиталистическом обществе. И в то время как последнее ведет к разложению всякого семейного союза, всякого упорядоченного брака, в социалистическом обществе разложение современной семейной формы будет совершаться лишь постольку, поскольку он будет вытесняться высшей формой.

Вот истинный смысл того, насколько социал-демократия стремится к уничтожению брака и семьи.

(К. Каутский. „Эрфуртская программа“. Изд. „Коммунист“. М. 1918, стр. 137—138).

4. Освобождение женщины от домашнего хозяйства.

Крупная промышленность, из которой исходит современный социализм, является системой *общественной* работы; каждая отрасль такой промышленности требует общей и планомерной работы сотен и даже тысяч мужчин, женщин и детей. Современный социализм стремится распространить этот общественный характер труда с отдельных отраслей на все производство данной общественной группы и приспособить способы потребления к методам производства.

Коммунистический или, если угодно, социалистический характер всего того общественного строя, к которому и стремится нынешний социализм, прямо вытекает из того *общественного характера труда*, который до высокой степени уже осуществляется в настоящее время...

...Для Моора, однако, общие трапезы были важны не только как средство укрепить общественное единение, он нуждался в них так же и для того, чтобы по крайней мере отчасти освободить женщину от работы по хозяйству.

Мы наталкиваемся при этом на вопрос, который вообще может служить хорошим пробным камнем для характера каждой социалистической системы. Обыкновенно по отношению к женщине всегда можно правильно охарактеризовать направление этой системы даже в том случае, когда ничего ближе о ней не знаешь.

Мелкобуржуазные или даже *реакционные* социалисты, как мы их можем смело назвать, ограничивают роль женщины исключительно сферой *отдельного хозяйства* и таким образом устраняют ее от участия в общественной жизни. Совершенно

по-иному поступает *современный пролетарский* социализм. Он исходит из крупной промышленности, как способа производства, превращающего работу, посвященную отдельному хозяйству, в отрасли общественной промышленности. Таким образом, с этой точки зрения, труд, посвященный отдельному хозяйству, оказывается *напрасною тратою рабочих сил и материала.* Подобная трата только потому не так уже сильно отражается ныне на кормильце семьи, что хозяйка прямо безгранично тратит свои рабочие силы, с одной стороны, и с другой—сокращает до минимума свои жизненные потребности.

Таким образом работа женщины в отдельном хозяйстве не только становится всё более и более излишней, но делается прямо непосильной; прежде всего этот чрезмерный труд отзывается, конечно, на ней самой, затем он косвенным образом переходит и на мужчину.

Однако на ряду с этим крупная промышленность отводит место, и притом всё в большей и большей мере возможному и выгодному применению женщины в производстве. Таким образом она выходит из узкого изолированного круга своего домашнего хозяйства на арену общественной деятельности и классовой борьбы, у нее появляется интерес к политическому развитию и в конце концов в ней возбуждается стремление к политической деятельности.

Освобождение женщины от хозяйства несомненно имеет следствием также и ее политическую эмансипацию. Равноправность обоих полов в политической жизни является, стало быть, требованием всякого современного пролетарского социалиста, а также и каждого великого утописта, который строит свое ученье не на мелкобуржуазных основаниях, а на капитализме.

(К. Каутский. „Томас Моор и его утопия“. Изд. Петросовдепа 1919 г., стр. 266—268.)

Как ни ужасно, ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, тем не менее крупная промышленность, отводя женщинам, подросткам и детям обоего пола решающую роль в общественно-организованном процессе производства за пределами дома, создает новый экономический базис для более высокой формы семьи и отношений между обоими полами.

(К. Маркс. „Капитал“.)

5. „Семейный очаг".

Справедливо, разумеется, что развитие техники уже в настоящее время ведет к сокращению работ по домашнему обиходу и расширяет работы женщины вне дома. Если это совершается очень медленно, то лишь вследствие дешевизны рабочей силы женщин. Женский труд в домашнем обиходе не оплачивается деньгами; таким образом он как будто ничего не стоит; женщина же самое усердное и выносливое вьючное животное; поэтому пролетарий и должен держаться за технически отсталый метод ведения домашнего хозяйства. Для состоятельных же классов ведение собственного домашнего хозяйства, его уют означает содержание особых рабынь-служанок к исключительным услугам их достойного я. Чем более будет крепнуть пролетариат, тем меньше станет служанок, повысятся их требования и станет мало приятным ведение своего хозяйства зажиточными людьми. Те добродетельные хозяйки, которые с жаром защищают теперь святость своего собственного очага, пока к их услугам имеется служанка, станут энергичнее всего требовать мер к сокращению работ по домашнему хозяйству или передачи их особым специалистам, раз они будут вынуждены самолично производить эти работы: сами стряпать, стирать, няньчить детей и—о ужас!—чистить сапоги.

Победа, даже просто усиление пролетариата вызовут среди женщин другие стремления и в этом отношении. Нужда и нищета заставляют их теперь предаваться непроизводительному труду дома, вместо того, чтобы предоставить выполнение домашних работ благоустроенным учреждениям вне дома. Возрастающее благосостояние рабочей семьи выразится не в обременении работой других слуг, а только в облегчении хозяйки дома. Сокращение домашних работ, теперь сильно отстающих от прогресса техники, пойдет тогда быстрым темпом. Этим уничтожится хозяйственное основание семьи, но не самая семья, так как у нее есть другое, высшее основание—индивидуальность.

Человек по натуре существо социальное, „стадное животное", и прошло много времени, пока он начал выделять свою личность из общества и сознавать ее как нечто особое.

Покуда человек в борьбе за существование мог устоять только благодаря теснейшей связи с обществом, и пока общественное развитие поднималось так медленно, что традиция, т.-е. сумма накопленных воззрений общества, целиком властвовала над духовной жизнью каждого в отдельности, развитию индивидуума не было места. Только когда рост производительности труда и классовое разделение создали такие классы, которые не были целиком поглощены общей борьбой за существование, физическим трудом и войнами, а имели досуг для развития собственной духовной жизни, и которые, благодаря своим богатствам и рабам, могли жить независимо от общества, даже вразрез с ним, тогда хоть для одной аристократии создалось основание свободного развития личности, особенно в периоды, когда крупные катастрофы внезапно перестраивали жизнь общества на новое основание и тем преодолевали влияние традиций. Так было, например, в Греции в результате персидских войн, в Италии вслед за крестовыми походами, в Западной Европе в эпоху реформации и открытий. Возродилась личность, рядом с безличными народными искусствами выступило индивидуальное искусство, рядом с безличной религией—индивидуальная философия.

Но только капиталистическому способу производства удалось стряхнуть стадное чувство и с других слоев населения, представить индивидуума, „сверхчеловека“ аристократической внешности, в более демократическом виде. Это удалось ему благодаря уничтожению всех отживших организаций, до того сплачивавших народные массы в их борьбе за существование, благодаря разъяснениям постоянной экономической революции, когда традиция совершенно дряхлеет как руководитель в жизни, а всякий вынуждается построить свои житейские воззрения на собственных наблюдениях, и наконец благодаря тому, что современный способ производства, немало обязанный массе вырабатываемого им прибавочного продукта, увеличивает число „голодных рабочих“ в обществе до небывалых прежде размеров и в то же время ставит их в положение, менее обеспеченное и меньше их удовлетворяющее, чем какое было прежде.

Индивидуализм, стремление к свободному проявлению личности в социалистическом обществе должно стать более

сильным и более всеобщим, чем в обществе капиталистическом, в зависимости от той степени, в которой становится общим достоянием духовное развитие, благосостояние и досуг.

Конечно, возможность свободного проявления личности в сфере очень важной, сфере хозяйственной жизни, социализмом будет во многом ограничена, но, с другой стороны, крайне ничтожная в настоящее время возможность проявления личности за пределами хозяйственной жизни очень расширится, благодаря сокращению рабочего времени.

Прежде всего при этом выигрывает семья; свой очаг приобретает новое значение. Нигде личность не проявляется так полно, без всякого ограничения со стороны враждебной или хотя бы стесняющей воли других, как в своем собственном доме, который охотно украшается, при чем стеснения допускаются только из материальных соображений, в котором человек может жить свободно с теми, кого он любит, с своими друзьями, книгами, своими мыслями и мечтами, своими научными и художественными творениями.

Вместе с индивидуализмом развивается также индивидуальная половая любовь, которая находит удовлетворение лишь в союзе и совместной жизни с одним определенным индивидуумом другого пола. Брак, основанный на такой индивидуальной любви, также нуждается в своем собственном доме для приобретения прочности и устойчивости.

Чем более исчезает хозяйственный мотив из брака и на его место становится мотив индивидуалистический, тем больше также изменяется отношение родителей, особенно отца к детям. Брак, как учреждение хозяйственное, имел задачей, с одной стороны, создать необходимые хозяйственные основы домашнего хозяйства в виде приданого или рабочей силы хозяйки, наследства мужа, с другой стороны имел задачей предоставить детям в наследование имущество, а иногда и служебное положение отца. В браке индивидуалистическом не только экономический мотив вытеснен силой личного влечения супругов друг к другу, но и отношения между родителями и детьми становятся индивидуалистическими. Дети становятся дороги родителям не как

наследники, а как личности, они не предназначаются стать продолжателями их касты, независимо от того, есть ли у них нужные дарования и склонности, а развиваются как свободные личности.

Зародыши такого индивидуалистического брака и такой семьи уже теперь очень сильны: но они всё еще омрачаются тем, что всё еще существует обособленный способ домашнего хозяйства как основа семьи, что нужда и нищета здесь и богатство там слишком часто еще дают перевес экономическим соображениям над личными. Социалистическое общество, незнающее таких крайностей и все более отступающее от изолированной системы домашнего хозяйства, именно поэтому должно выдвинуть полностью личный характер брака и семьи. Этот личный характер уже и в настоящее время является моральным масштабом в общем сознании при оценке брака и семьи. И теперь уже *нравственным* браком считается такой, при заключении которого руководились только личностями супругов, а не хозяйственными условиями; *нравственными* семейными связями считаются личные, а не материальные связи, привязывающие членов семьи друг к другу. Сын, видящий в отце лишь лицо, от которого он в будущем получит наследство, отец, принуждающий сына к службе или браку для того, чтобы увеличить или поддержать достояние семьи, оба они по современным понятиям, конечно, не поступают нравственно. Таким образом исчезновение частного домашнего хозяйства не означает уничтожение брака и семьи. Нет нужды вместе с собственным очагом уничтожать и собственный дом. Современная культура знает иные семейные связи, кроме кухни и прачечной. Уничтожение домашнего хозяйства означает только превращение семьи из экономического в чисто этический союз, оно означает осуществление нравственного требования, назревшего уже и в настоящее время, в силу вытекающего из современных производственных сил развития индивидуальности. Так социализм не только не подавляет потребности всякой вполне развитой личности в своем собственном доме, а делает ее всеобщей, создавая в то же время средства всеобщего ее удовлетворения.

(К. **Каутский**. Аграрный вопрос. Изд. „Пролетарий“ 1923 г., стр. 320—323.)

6. Женщина в будущем.

Женщина в новом обществе социально и экономически совершенно независима, она не знает над собою даже тени господства и эксплоатации, она стоит по отношению к мужчине, как свободная, равная; она сама госпожа своей судьбы. Она воспитывается так же, как мужчина, за исключением некоторых отклонений, которые обусловливаются различием пола и ее половыми функциями. Живя при естественных жизненных условиях, она может развивать свои физические и духовные силы и способности согласно своим потребностям; она выбирает для своей деятельности такие области, которые соответствуют ее желаниям, склонностям и задаткам, и при одинаковых условиях она действует так же, как мужчина. Часть дня практическая работница в какой-нибудь области, другую часть она проводит как воспитательница, учительница, сиделка, в течение третьей части она занимается искусством или наукой и, наконец, в течение остального времени она выполняет какую-нибудь административную функцию. Она занимается науками, работает, пользуется удовольствиями и развлечениями в обществе других женщин или мужчин, как это ей нравится и когда для этого ей представляется случай.

В выборе любимого человека она, подобно мужчине, свободна и независима. Она выбирает или ее выбирают, но, во всяком случае, она заключает союз не из каких-нибудь соображений, кроме своей склонности. Этот союз является частным договором без вмешательства должностного лица, подобно тому как до средних веков брак был частным договором. Социализм здесь не создает ничего нового, он лишь снова поднимает на высшую культурную ступень и при новых общественных формах *то, что было общепризнано, пока в обществе не наступило господство частной собственности.*

Человек, под условием, что удовлетворение его потребностей не приносит никому другому никакого вреда, должен сам распоряжаться собою. *Удовлетворение половой потребности—такое же личное дело каждого человека, как удовлетворение всякой другой естественной потребности.* Никто не должен отдавать в этом отчет другому, и непризванный не

должен сюда вмешиваться. Как я ем, как я пью и как я одеваюсь—мое личное дело, точно так же, как мое общение с лицом другого пола. Разум и образование, полная независимость личности, все свойства, которые вследствие воспитания и условий будут более естественны в будущем обществе, охранят каждого от поступков, приносящих ему вред. Мужчины и женщины будущего общества обладают в гораздо большей степени самовоспитанием и знанием собственного существа, чем мужчины и женщины общества современного. Уже один тот факт, что исчезнет глупый и смешной страх говорить о вещах, относящихся к половой жизни, как о чем-то таинственном, сделает общение полов гораздо естественнее, чем теперь. Если союз, заключенный между двумя людьми, становится невыносимым, приносит разочарование друг к другу, то мораль требует прекратить подобное соединение, ставшее неестественным, а потому и безнравственным И так как исчезнут все условия, которые до сих пор осуждали большое число женщин или к безбрачию или к продаже своего тела, то мужчины не могут более проявлять своего преобладания. С другой стороны, совершенно изменившееся общественное состояние устранит многие препятствия и замешательства, которые ныне влияют на супружескую жизнь и которые так часто делают ее или совершенно невозможной или не дают ей развернуться.

Препятствия, противоречия и противоестественности в современном положении женщины всё более сознаются широкими кругами и находят себе живое выражение как в социальной, так и в беллетристической литературе, часто в неудачной форме. Что современный брак всё менее соответствует своему назначению, не отрицает более ни один мыслящий человек, и потому нечего удивляться, что даже те лица, которые не могут быть достаточно последовательными, чтобы стремиться к изменению нашего современного общественного строя, находят всеже естественным свободный выбор любви и свободное расторжение возникшего союза; они полагают, что только привилегированным классам следует дать свободу в половом общении. Вот что, например, говорит Матильда Рейхарт-Штромберг в своей полемике против эмансипаторских стремлений писательницы Фанни Левальд:

„если вы, Фанни Левальд, выставляете требования половой равноправности женщины с мужчиной в социальной и политической жизни, то Жорж Занд должна быть необходимо права в своих стремлениях к эмансипации, которая состоит лишь в том, *чем* мужчина уже давно бесспорно владеет“. *И, право, нельзя найти никакого разумного основания, почему в этой равноправности может принять участие только голова, но не сердце женщины, почему и оно не должно свободно давать и брать, как сердце мужчины.* Напротив, если женщина должна по своей природе иметь право и даже быть обязанной — ибо мы не должны закапывать данный нам талант—напрягать до крайних пределов волокна мозга для соперничества с духовными титанами другого пола, то она должна иметь также право, *подобно этим последним, ускорять кровообращение сердца для сохранения равновесия тела способом, какой ей кажется наиболее подходящим.* Без малейшего нравственного возмущения мы все читаем, например, о Гёте,—чтобы взять для примера величайшего,— как часто и многократно он расточал жар своего сердца и энтузиазм своей великой души то для той, то для другой женщины. Вдумчивый человек находит это только естественным в виду его великой, трудно удовлетворяемой души, и только ограниченный моралист относится к этому с осуждением. Почему же вы смеетесь над „великими душами“ среди женщин... Предположите, что весь женский пол состоит из жоржзандовских великих душ, каждая женщина пусть будет Лукрецией Флориани, дети которой—все дети любви—и всех этих детей она воспитывает как с истинно материнской любовью и самоотвержением, так с пониманием и рассудком. Что произошло бы тогда с миром? *Не подлежит никакому сомнению, что мир мог бы при этом продолжать существовать и так же прогрессировать, как ныне, и, быть-может, он чувствовал бы себя при этом особенно хорошо.*

Но почему такие требования могут выставлять только „великие“ души? Почему этого не могут желать и другие великие души? Если Гёте и Жорж Занд — возьмем только этих двух из многих, которые поступали и поступают согласно им,—могли жить согласно склонности своего сердца, если о любовных делах Гёте опубликовывают целые библиотеки, которые с каким-то благочестивым восторгом про-

глатываются его почитателями и почитательницами, почему тогда осуждать в других то, что, будучи сделано Гёте или Ж. Занд, становится предметом экстаза и восторга.

Правда, осуществить свободный выбор любви в буржуазном обществе невозможно—к этому ведет наше доказательство,—но поставьте всех в такие социальные условия, которые ныне выпадают на долю лишь материально и духовно избранных, и все тогда получат возможность подобной свободы. В „Жаке“ Жорж Занд описывает мужа, который судит о нарушении супружеской верности своей жены следующим образом: ни одно человеческое существо не может справиться с любовью, и никто не виноват, если он ее чувствует или ее лишается. То, что принижает женщину, это—ложь; брак нарушается не в тот час, когда она отдается своему возлюбленному, *но в ту ночь, которую она затем проводит со своим мужем.* Жак чувствует себя обязанным, в виду такого воззрения, очистить место своему сопернику (Борелю) и философствует при этом так: Борель на моем месте спокойно избил бы свою жену и без краски стыда принял бы ее потом в свои объятия, опозоренную его ударами и его поцелуями. Существуют мужчины, которые не долго думая, по восточному обычаю, убивают свою неверную жену, так как они смотрят на нее как на свою законную собственность. Другие дерутся со своим соперником, убивают или удаляют его и затем просят у жены, которую они, по их утверждению, любят, поцелуев и ласк, между тем как она или с ужасом отшатывается или в отчаянии сдается. Это обычный способ действия супружеской любви, и мне представляется, что любовь свиней менее низменна и менее груба, чем любовь подобных людей. Брандес по поводу цитированных здесь выражений замечает следующее: „Эти истины, которые нашему современному образованному миру кажутся элементарными, 50 лет тому назад были возмутительными софизмами“. Но открыто признать себя сторонником принципов Жорж Занд не осмеливается и поныне „имущий и образованный мир“, хотя фактически он живет согласно с ними. Как в морали и религии, так лицемерит он и в браке.

То, что делали Гёте и Жорж Занд, делают ныне тысячи других, которых нельзя сравнить ни с Гёте ни с Занд, и при этом отнюдь не теряют своего престижа в обществе.

Нужно только занимать видное место, и тогда всё образуется само собой. Несмотря на это, вольности Гёте и Жорж Занд считаются с точки зрения буржуазной морали безнравственными, так как они нарушают моральные законы, издаваемые обществом, и стоят в противоречии с природою нашего социального состояния. Принудительный брак является для буржуазного общества браком нормальным, единственным моральным соединением полов, всякое другое половое соединение—безнравственно. Буржуазный брак, как мы бесспорно доказали, вытекает из буржуазных имущественных отношений. Стоя в теснейшей связи с частной собственностью и наследственным правом, он заключается для получения „законных детей" как наследников. И под давлением общественных условий он навязывается и тем, которым „нечего наследовать", он становится общественным правом, нарушение которого государство наказывает, сажая на некоторое время в тюрьму мужчин и женщин, которые живут, нарушая супружескую верность [1]).

Женщина таким образом свободна, и ее дети не урезывают ей этой свободы, они могут ей только увеличить радость жизни. Воспитательницы, подруги, подрастающая женская молодежь помогают ей в тех случаях, когда она нуждается в помощи.

Возможно, что и в будущем найдутся мужчины, которые, подобно А. Гумбольдту, скажут: „Я не создан, чтобы быть отцом семейства, кроме того я считаю женитьбу грехом, произведение детей—преступлением". Что же из этого? Сила естественной потребности у других позаботится о равновесии. Нас не беспокоит ни вражда к браку Гумбольдта, ни философский пессимизм Шопенгауера, Майнлендера или фон-Гартнера, которые предполагали, что человечество

---

[1]) Д-р Шефле в своем сочинении „Строение и жизнь социального тела" говорит так: „Ослабление супружеской связи облегчением развода, конечно, нежелательно, оно идет против нравственных задач человеческого спаривания и было бы вредным как для сохранения населения, так и для воспитания детей". Из вышеизложенного следует, что мы такие взгляды считаем не только неверными, но готовы признать их даже „безнравственными". Тот же Шефле признает, что невозможно в обществе с гораздо высшей культурой, чем современное, ввести или удержать учреждения, *противоречащие его нравственным понятиям.*

в „идеальном государстве“ придет к самоуничтожению. Мы держимся здесь того же взгляда, как и Фр. Ратцель, который совершенно справедливо пишет: „Человек не должен более смотреть на себя как на исключение из законов природы, пусть он начнет, наконец, отыскивать закономерное в своих собственных поступках и мыслях и пусть он стремится вести свою жизнь согласно законам природы. Он дойдет тогда до того, что совместную жизнь с себе подобными, т.-е. семью и государство, станет устраивать не по положениям прежних столетий, но по разумным принципам согласно с природою познания. Политика, мораль, правовые принципы, которые все еще питаются из всевозможных источников, будут образованы исключительно согласно законам природы. Достойное человека существование, о котором мечтали целые тысячелетия, станет, наконец, истиной“.

Это время приближается *гигантскими шагами*. Человеческое общество в течение тысячелетий прошло все фазы развития, чтобы в конце концов прийти туда, откуда оно вышло, к коммунистической собственности и полному равенству и братству, но уже более не только товарищей по роду, но *всех людей*. Таков совершаемый им великий прогресс. То, к чему тщетно стремилось буржуазное общество и обо что оно разбивается и должно разбиваться,—установление свободы, равенства и братства всех людей,—то осуществит социализм. Буржуазное общество могло выставить теорию; практика, как во многих других вещах, так и здесь противоречила его теориям. Социализм объединит теорию с практикой.

Но, возвращаясь к исходному пункту своего развития, человечество делает это на бесконечно высшей культурной ступени, чем та, из которой оно исходило. Первоначальное общество в роде и в клане обладало общей собственностью, но только в самой грубой форме и на низшей ступени. Путь развития, который был пройден с тех пор, уничтожил общую собственность до небольших, незначительных остатков, разбил роды и в конце концов разделил на атомы все общество, но в своих различных фазах он мощно повысил производительные силы общества и многосторонность потребностей, из родов и племен создал нации и крупные

государства, но вместе с тем породил состояние, которое пришло в самое резкое противоречие с потребностями общества. Задача будущего состоит в том, чтобы разрешить это противоречие, снова превратив на самой широкой основе собственность и средства труда в общую собственность.

Общество берет назад то, чем оно когда-то владело и что само создало, оно делает возможным для всех, соответственно новосозданным жизненным условиям, вести жизнь на *высшей* культурной ступени, *т.-е. оно дает всем то, что при более примитивных условиях могло быть лишь привилегией отдельных лиц или отдельных классов.* Теперь и женщина *снова* начинает играть *активную* роль, которую она когда-то играла в первобытном обществе, но уже не как госпожа, а как равноправная.

„Конец государственного развития подобен началу человеческого бытия. Первоначальное равенство снова возвращается. Бытие, основанное на материнстве, открывает и заключает круговорот человеческих вещей“,—пишет Бахофен в своём сочинении „Материнское право“, а Морган выражается так: „С наступлением цивилизации рост богатства сделался столь огромным, его формы столь разнообразными, его применение столь обширным и *его управление столь искусным в интересе собственников, что по отношению к народу это богатство превратилось в силу, с которой не справиться.* Человеческий дух стоит беспомощно и испуганно перед своим собственным творением. Но придет время, когда человеческий разум укрепится для господства над богатством, когда он установит как отношение государства к защищаемой им собственности, так и границу прав собственников. *Интересы общества стоят абсолютно впереди интересов отдельных лиц, те и другие должны быть приведены в справедливое и гармоническое соотношение:* простая погоня за богатством не является конечным назначением человечества но прогресс остается законом для будущего, как он был законом для прошлого. Время, протекшее с начала цивилизации, представляет лишь небольшую частицу протекшего времени жизни человечества и лишь небольшую частицу времени, которое предстоит прожить. *Разложение общества угрожающе стоит перед нами как конец исторического пути, единственной целью которого было богатство; ибо подобный*

жизненный путь содержит элементы своего собственного разложения.

„Демократия в управлении, братство в обществе, равенство в правах, всеобщее воспитание осветят ближайшую высшую ступень общества, для которой постоянно работают опыт, разум и наука.

„Она будет возрождением, но в высшей форме свободы, равенства и братства старого рода“.

Таким образом люди с самых различных точек зрения на основании своих научных исследований приходят к одинаковым результатам. Полная эмансипация женщины и ее равенство с мужчиной являются одной из целей нашего культурного развития, осуществлению которой не может воспрепятствовать никакая сила на земле. Но она возможна лишь на основе переворота, который уничтожает господство человека над человеком, таким образом и капиталиста над рабочим. Только тогда человечество достигнет своего высшего развития. Тогда, наконец, придет *„золотой век“*, о котором люди мечтали целые тысячелетия. *Классовое господство навсегда достигло своего конца, а вместе с ним пришел конец и господству мужчины над женщиной.*

(А. Бебель. „Женщина и социализм“. Изд. Петросовета 1919 г. стр. 367—373.)

Постройка социалистического общества начинается только тогда, когда мы, добившись полного равенства женщин, примемся за новую работу вместе с женщиной, освобожденной от мелкой отупляющей непроизводительной работы.

(Ленин.)

7. „Уничтожение образования“.

Подобно тому как уничтожение классовой собственности представляется буржуазии уничтожением самого производства, так и уничтожение классового характера современного образования кажется ей равносильным уничтожению образования вообще.

Образование, гибель которого она оплакивает, для огромного большинства является не более как преобразованием в машину.

Но не спорьте же с нами, оценивая уничтожение буржуазной собственности с точки зрения ваших буржуазных понятий о свободе, образовании, праве и т. д. Ваши идеи сами порождены буржуазными условиями производства и собственности, точно так же как ваше право есть только возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями существования вашего класса.

Эгоистическое представление, при помощи которого вы превращаете ваши производственные и имущественные отношения из отношений, исторически сложившихся и изменяющихся в ходе развития того же производства, в вечные законы природы и разума, это представление вы разделяете со всеми прежде вас господствовавшими классами. Когда заходит речь о буржуазной собственности, вы не хотите понять то, что кажется вам понятным, когда говорят о собственности античной или феодальной.

Уничтожение семьи! Даже самые крайние радикалы возмущаются этим гнусным намерением коммунистов.

На чем держится современная буржуазная семья? На капитале, на частной наживе. В совершенно развитом виде она существует только для буржуазии, но она находит свое дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и в открытой проституции.

Буржуазная семья, естественно, должна будет пасть вместе с падением этого ее дополнения, и обе они вместе исчезнут с исчезновением капитала.

Упрекнете ли вы нас в том, что мы хотим прекратить эксплоатацию детей родителями? Мы заранее сознаемся в этом преступлении.

Но вы утверждаете, что, заменяя домашнее воспитание общественным, мы уничтожаем самые задушевные отношения.

А разве ваше воспитание не определяется также обществом? Разве не определяется оно общественными отношениями, внутри которых вы воспитываете, прямым и косвенным вмешательством общества, организацией школ и т. д.?

Не коммунисты выдумали влияние общества на воспитание; они только меняют характер воспитания, устраняют влияние на него господствующего класса.

Буржуазные разглагольствования о семье и воспитании, о задушевных отношениях родителей к детям внушают тем

более отвращение, чем более разрушаются все семейные связи в среде пролетариата, благодаря крупной промышленности, и чем более дети рабочих превращаются в простые предметы торговли и рабочие инструменты.

(К. Маркс и Фр. Энгельс. „Коммунистический Манифест". Гиз· 2 изд. 1923 г., стр. 91—93.)

8. В будущем обществе воспитание детей соединит в себе производительный труд с обучением и гимнастикой.

Как ни жалки в общем постановления фабричного закона относительно воспитания, они объявили начальное обучение обязательным условием труда [1]). Их успех впервые доказал возможность соединения обучения и гимнастики [2]) с физическим трудом, а следовательно и физического труда с обучением и гимнастикой. Фабричные инспектора, выслушивая показания учителей, скоро открыли, что фабричные дети, хотя их обучают вдвое меньше, чем обычных школьников, обучающихся днем, тем не менее успевают пройти столько же, а часто и больше. „Дело объясняется просто. Те, кто проводит в школе только половину дня, постоянно свежи и почти всегда способны и готовы учиться. Система труда, чередующаяся с школой, превращает каждое из этих двух занятий в отдохновение и освежение после другого, и, следовательно, она много пригоднее для ребенка, чем непрерывность одного из этих двух занятий. Ребенок, который с раннего утра сидит в школе, особенно в жаркую погоду, не может соперничать с другим, который бодрый

---

[1]) Согласно английскому фабричному закону родители не могут посылать своих детей до 14-ти лет в „контролируемые", т.-е. подчиненные фабричному закону, фабрики, если они не обеспечивают им в то же время начального обучения. Фабрикант ответственен за соблюдение закона. „Обучение при фабриках обязательно, оно—условие работы". (Reports of Insp. of Fact. for 31 October 1863, p. 111.)

[2]) О самых прекрасных результатах соединения гимнастики (а для юношей и военных упражнений) с обязательным обучением детей на фабриках и в школах для бедных см. речь Н. В. Сениора на седьмом годичном конгрессе National Association for the Promotion of Social Science, в Report of Proceedings etc. London, 1863, p. 63, 64, а также отчет фабричных инспекторов от 31 октября 1865 года, p. 118, 119, 120, 126 и сл.

и возбужденный приходит от своей работы“ [1]). Дальнейшие доказательства можно найти в речи Сениора, сказанной на социологическом конгрессе в Эдинбурге в 1863 году. Он указывает здесь, между прочим, и на то обстоятельство, что односторонний непроизводительный и производительный школьный день детей в высших и средних классах без пользы увеличивает труд учителей „и в то же время не только бесплодно, но и с прямым вредом заставляет детей тратить время, здоровье и энергию“ [2]). Из фабричной системы, как можно проследить в деталях у Роберта Оуэна, вырос зародыш воспитания будущего, которое для всех детей с известного возраста соединит производительный труд с обучением и гимнастикой, при чем это будет не только методом повышения общественного производства, но и единственным методом создания всесторонне развитых людей.

(К. Маркс. „Капитал“, т. I. Изд. „Пролетарий“ 1913 г., стр. 369—370.)

„Если фабричное законодательство, как первая скудная уступка, вырванная у капитала, соединяет с фабричным трудом только элементарное обучение, то не подлежит

---

[1]) Reports of Insp. of Fact. for 31 Oct. 1865 p. 118. Один наивный шелковый фабрикант заявляет члену следственной „Children's Employment Commission“: „Я вполне убежден, что секрет того, как произвести хороших рабочих, найден в соединении труда с обучением, начиная с детского возраста. Конечно, труд не должен быть ни слишком напряженным, ни отталкивающим, ни вредным для здоровья. Мне хотелось бы, чтобы у моих собственных детей были труд и игры в качестве отдыха от школы“. (Children's Employment Commission. 5-th Report, p. 82, n. 36).

[2]) Senior в Report of Proceedings седьмого годичного конгресса National Association for Promotion of Social Science, p. 66. До какой степени крупная промышленность, достигнув известного уровня развития, переворотом в способе материального производства и в общественных отношениях производства совершает переворот и в головах, – яркий пример этого дает сравнение речи Н. В. Сениора в 1863 г. с его филиппикой против фабричного закона 1833 г., или сопоставление взглядов упомянутого конгресса с тем фактом, что в некоторых сельских частях Англии бедным родителям всё еще запрещают под угрозой голодной смерти обучать своих детей. Так, например, г. Snell сообщает, что, если кто-либо в Сомерсетшире по бедности обращается за помощью к приходу, то по установившейся практике его заставляют взять своих детей из школы. Так г. Wollaston, священник в Feltham, рассказывает о случаях, когда некоторым семьям отказывали решительно во всяком вспомоществовании, „потому, что они посылают своих детей в школу“.

никакому сомнению, что неизбежное завоевание политической власти рабочим классом завоюет надлежащее место в школах рабочих и технологическому обучению, как теоретическому, так и практическому".

(К. Маркс. „Капитал".)

9. Коммунизм радикальным образом разрывает с традиционными идеями.

Обвинения, взводимые на коммунистов с точки зрения религиозной, философской и вообще идеологической, не заслуживают более подробного рассмотрения.

Трудно ли понять, что с образом жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным бытом меняются также и их представления, их воззрения, их понятия, словом—всё их сознание?

Что же доказывает история идей, если не то, что умственная деятельность преобразуется вместе с материальной? Господствующими идеями данного времени всегда были только идеи господствующего класса.

Говорят об идеях, которые революционизируют всё общество; этим выражается только тот факт, что внутри старого общества образовались элементы нового строя, что рядом с разрушением старых условий жизни идет разложение старых идей.

Когда древний мир пришел в упадок, древние религии были побеждены христианством. Когда христианские идеи уступили место просветительным идеям XVIII века, феодальное общество вело борьбу на жизнь и на смерть с революционной тогда буржуазией. Идеи свободы совести и религии выражали собою лишь господство свободной конкуренции в области знания.

Но,—скажут нам,—религиозные, нравственные, философские, политические, правовые и т. п. идеи менялись, конечно, в ходе исторического развития; однако религия, нравственность, философия, политика, право всегда сохранялись в этом беспрерывном изменении.

Существуют, кроме того, вечные истины: свобода, справедливость и т. п., которые, однако, принадлежат всем фа-

зам общественного развития. Коммунизм же уничтожает общие истины, он уничтожает религию и нравственность, вместо того чтобы преобразить их, он противоречит, следовательно, всему ходу исторического развития.

К чему сводится это обвинение? История всех доныне существующих обществ основывалась на противоположности классов, принимавшей в различные эпохи различные виды.

Но какую бы форму она ни принимала, эксплоатация одной части общества другою является фактом, общим всем прошлым столетиям. Неудивительно поэтому, что общественное сознание всех веков, несмотря на все различия и на все разнообразие, вращалось до сих пор в известных общих формах, формах сознания, которые исчезнут совершенно лишь с полным уничтожением противоположности классов.

Коммунистическая революция есть самый радикальный разрыв с существующими имущественными отношениями; неудивительно, что она самым радикальным образом разрывает с традиционными идеями.

(К. Маркс. и Фр. Энгельс. „Коммунистический Манифест". Гиз. 2 изд. 1923 г., стр. 94—95.)

10. Отмирание религии.

В настоящее время каждая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, отражением, в котором земные силы принимают форму сверхъестественных. В начале истории этому отражению подвергаются, прежде всего, силы природы; при дальнейшем развитии появляются у различных народов другие самые разнообразные и пестрые их олицетворения. Этот первоначальный процесс, при помощи сравнительной мифологии, по крайней мере по отношению к индо-европейским народам, прослежен до появления его в индийских Ведах, а также обнаружен в частности у индусов, персов, греков, римлян, германцев и, поскольку хватает материала, у кельтов, литовцев и славян. Но скоро, на ряду с силами природы, выступают также и общественные силы, — силы, которые противостоят человеку и господствуют над ним, оставаясь для него такими же

чуждыми и обладающими видимой естественной необходимостью, как и силы природы. Фантастические образы, в которых сначала отражались только таинственные силы природы, теперь приобретают значение общественных атрибутов и становятся представителями исторических сил. На дальнейшей ступени развития вся совокупность естественных и общественных таинственных сил переносится на одного всемогущего бога, который в свою очередь является лишь отражением абстрактного человека. Так возник монотеизм, бывший исторически последним продуктом позднейшей греческой вульгарной философии и воплотившийся в иудейском, исключительно национальном, Иегове. В этом удобном, пригодном и для всех подходящем образе религия может продолжать свое существование, как выражение непосредственного чувства в осязательной форме, существующего отношения людей к господствующим над ними, непонятным для них естественным и общественным силам до тех пор, пока люди фактически находятся под гнетом этих сил. Мы уже неоднократно говорили, что в современном буржуазном обществе люди подчинены созданным ими самими экономическим отношениям, произведенным ими самими средствам производства, как какой-то таинственной силе. Фактическое основание религиозной рефлективной деятельности продолжает таким образом существовать, а вместе с нею и самый религиозный рефлекс. И если буржуазная экономия обнаруживает правильный взгляд на причинную зависимость этого внешнего господства, то дело ничуть не изменяется. Буржуазная экономия не в состоянии ни противодействовать кризисам вообще, ни спасти отдельного капиталиста от убытков, от безнадежных долгов и банкротства, ни избавить отдельного рабочего от безработицы и нищеты; человек предполагает, а бог (т.-е. внешнее господство капиталистического производства) располагает. Простого познания, хотя бы оно шло дальше и глубже знания буржуазной экономии, недостаточно чтобы подчинить обществу общественные силы. Для этого необходимо, прежде всего, общественное *действие*. И если предположить, что это действие воспоследовало, и что общество, путем вступления во владение всей совокупностью средств производства и планомерного их употребления, освободило себя самого и всех

своих членов от того рабства, в котором они до сих пор находятся, благодаря ими самими произведенным, но противостоящим им в качестве непреодолимых внешних сил средствам производства,—т.-е. если предположить, таким образом, что человек не только еще замышляет обладать, но и действительно располагает общественными силами, то лишь в таком случае исчезнет последняя внешняя сила, до сих пор еще отражающаяся в религии, а вместе с тем и само религиозное отражение—по той простой причине, что тогда уже нечего будет отражать.

(Фр. Энгельс. „Анти Дюринг". Изд. Петросовдепа 1918 г., стр. 282—283.)

ГЛАВА VII. ПРОБЛЕМА НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ.

1. Рост населения и социализм.

Если социализм означает наступление новой эры для всего сельского хозяйства на земном шаре, эры, которая принесет еще бóльшие преобразования для него, чем капитализм для промышленности, если эра эта, в виду предстоящих ей великих задач, растянется на несколько поколений, то вопрос о перенаселении, которым нам якобы угрожает будущий строй, не имеет никакого *практического* значения. Нам нечего беспокоиться по поводу проблем, которые, быть может, встанут пред социализмом лет через пятьсот. Они нам так же мало известны, как и средства для их разрешения.

И поскольку наша задача имеет практический характер — критика возражений мальтузианцев против социализма,—мы могли бы считать наше исследование законченным. И если на вопрос о поднятии уровня средств существования в течение первых столетий существования будущего строя можно дать более или менее точный ответ на основании фактов, известных нам из области современного способа производства, то другой вопрос, который мы еще не исследовали,—скорость размножения народонаселения в будущем обществе—зависит от такого большого количества в настоящее время еще неопределимых факторов, что на него можно ответить только гипотезами и догадками.

Но если этот вопрос не имеет практического значения, то уже один теоретический интерес побуждает нас рассмотреть его во всех его возможных последствиях и исследовать все возможности, которые скрывает в себе проблема народонаселения в будущем обществе. Такие рассуждения вовсе не являются праздной игрой мысли, они вносят большую ясность в познание отдаленных целей, расширяют наш горизонт и бросают новый свет на наши задачи в настоящем.

Мы пришли к заключению, что по крайней мере в течение столетия поднятие уровня средств существования в будущем обществе пойдет быстрее, чем возможное размножение народонаселения. Но не в силу какого-нибудь естественного закона, по которому человек, при всех условиях, мог бы производить минимум того, что ему необходимо на свое содержание, не вследствие одного лишь бесконечного прогресса науки и техники, а только в силу особой исторической ситуации, которая создается благодаря тому, что капиталистический способ производства распространяет прогресс естествознания и техники не только на все отрасли производства, но и на сельское хозяйство, но в то же время, на ряду с прогрессом, создает одновременно и преграды для его применения, т.-е. своего рода плотину для усиливающегося потока сельскохозяйственного прогресса. Социалистический строй устранит все эти препятствия, прорвет плотину—и вся запруженная вода в быстром потоке прорвется вперед. Сравнение это хромает только в том отношении, что в природе быстрые потоки действуют разрушающим образом, в то время как революционизирование сельского хозяйства, наоборот, в высшей степени повысит плодородие земли.

Но поток этот не может быть всегда полноводен, со временем он должен будет иссякнуть.

Раз действительная производительность сельского хозяйства поднята на возможную при данном состоянии науки и техники высоту, то дальнейший темп прогресса зависит от прогресса дальнейших изобретений и открытий. Правда, этот прогресс не имеет определенных границ, но нельзя питать фантастические надежды на степень влияния его на поднятие уровня средств существования. Весь этот прогресс означает постоянное нарушение равновесия в природе, которое всегда вызывает противодействие и находит определенные границы. Мы видели, что нельзя безгранично расширять культурную площадь за счет леса, что нельзя также, путем искусственного подбора, развивать полезные человеку свойства организмов в одностороннем направлении.

Расширение культурной площади за счет леса имеет свои пределы, их имеет также и одностороннее развитие полезных человеку свойств организмов путем искусственного

подбора. Точно так же и увеличение производительных сил земли путем культуры растений, корни которых получают свои питательные соки из глубины земли или собирают азот из воздуха, путем различных удобрений, лучшей обработки земли, доставки электрической энергии и т. д., должно в конце концов иметь пределы, вне которых они перестают обогащать почву или возбуждать в ней более быстрый обмен веществ. Естествознание и техника, конечно, будут всё дальше развиваться, но вполне мыслимо, что, начиная с известного пункта развития, их дальнейший прогресс будет еще повышать производительность *труда*, но не производительность почвы и питаемых ею организмов; что он будет уменьшать количество труда, которое требуется для производства пищи, но не в состоянии будет больше увеличить количество этой пищи.

В природе, как и в обществе, происходит смена революционных периодов и периодов застоя, и приходится, поэтому, считаться с возможностью, что по истечении „периода бури и натиска“ для всего мирового сельского хозяйства, который настанет вместе с социализмом, настанет период затишья, когда количество находящихся в распоряжении общества продуктов земли не будет так быстро расти, когда дальнейший технический прогресс даст только возможность пользоваться большей свободой и досугом.

Тогда, конечно, увеличение народонаселения может принять угрожающие размеры.

Но размножение народонаселения может и раньше выдвинуть некоторые задачи. Можно согласиться с мальтузианцами, что социализм, по всей вероятности, принесет с собой быстрый рост народонаселения. Но своим возражением они дают прекрасное доказательство в пользу социализма, ибо такое быстрое размножение, которого они опасаются, возможно только при предположении, что совершенно исчезнет современная бедность и наступит всеобщее благосостояние.

Оно может явиться только как следствие организации труда, уменьшения рабочего времени, умножения пищевых средств, улучшения жилищ и соединения промышленного и земледельческого труда. Всё это должно влиять на уменьшение *смертности*—и тем самым на быстрое увеличение

народонаселения, хотя бы цифра рождаемости и не повысилась.

При сравнении смертности двух округов, бедного (Southwark) и состоятельного (Hampstead), в Лондоне нашли, что ребенок, рожденный в 1900—1907 г.г. в Hampstead, имеет надежду прожить 51 год, а в Southwark — только 36½ [1]).

И всеже здоровье зажиточных людей также страдает при современных условиях. Эта вечная сутолока отражается и на них. И купцу, и фабриканту, и банкиру, и судовладельцу—всем им часто приходится выдерживать полную тревог и волнений борьбу в области промышленной конкуренции.

Капитализм отравляет даже часы удовольствия и из часов отдыха и добывания свежих сил превращает их в часы быстрого истощения этих сил. Капитализм уделяет рабочему времени весь день, для удовольствий остается только ночь; пользоваться удовольствиями можно только ночью, а это означает не укрепление нервов, а разрушение их.

Если у горожанина нервы более расшатаны, чем у крестьянина, если жизнь его менее долговечна, то он обязан этим не только работе в тесных мастерских, но и ночной жизни, которой крестьянин не знает. Только в виду широкого распространения ночной жизни так прибыльны все те учреждения, которые для этого основываются. Сельский житель, благодаря отсутствию ночной жизни, здоровее физически, но его жизнь бесцветна и пуста. Горожанин, отдавая после дневной работы еще несколько часов вечера на общественные дела, на политику, на театр или другие удовольствия, сокращает этим свою жизнь. Но если бы он от этого отказался, то он, как и крестьянин, превратился бы в вьючное животное и свел бы время своей действительной жизни вне рабочего времени к нулю.

Социалистический режим сократит рабочее время, и люди получат возможность значительную часть дня посвятить эстетическим или научным наслаждениям, веселому обществу, игре или спорту. Они не только *смогут*, но и *должны будут* уделить для этого часть дня, потому что в социалистическом обществе не будет ночного труда.

---

[1]) Chiozza Money. Riches and Poverty, London, 1908, p. 195.

Только нужда может заставить человека регулярно жертвовать сном, чтобы исполнять ночные работы. А без ночного труда одних, невозможны ночные удовольствия других,— без ночного труда кельнеров, поваров, музыкантов, артистов, извозчиков, вагоновожатых и других рабочих, которые теперь, уставая до смерти, должны работать для удовольствия других.

Дневные удовольствия и собрания требуют больше свободы, свежего воздуха, природы, между тем как для ночных удовольствий и собраний люди принуждены собираться в закрытых, не всегда просторных, накуренных помещениях.

Известно, что социализм хочет создать и создаст—более здоровые условия для труда. Но он создаст также более здоровые условия и для удовольствий, и в этой области, как и в первой, не только будет противодействовать столь высокой в настоящее время норме смертности, но вместе с тем он создаст благоприятные условия для увеличения народонаселения, даже если бы рождаемость осталась без изменения.

А последнее мало вероятно. Мнение многих социалистов, что нищета, заботы и переутомление повышают естественную плодовитость, между тем как благосостояние, отсутствие забот и короткий рабочий день понижают ее,— неосновательно. Скорее можно утверждать прямо противоположное. Причины бездетности богатых женщин,—полное бездействие и вытекающее отсюда малокровие или ожирение, с одной стороны, и истощение, благодаря ночным удовольствиям, с другой,—не могут быть перенесены на трудящихся женщин социалистического строя. А главная причина большей плодовитости пролетариев, в сравнении с состоятельными классами, возможность заключения ранних браков, будет предоставлена всем членам общества. В настоящее время состоятельные классы вступают в брак позже, чем пролетарии, потому что они женятся только тогда, когда обладают определенным состоянием или службой. Вследствие этого повысился сначала брачный возраст мужчины, а потом косвенным образом и женщины, которая принуждена ждать, пока избранник ее не поведет ее под венец. Если возраст между 16 и 36 годами является периодом

высшей плодовитости у женщин, то этот период уменьшается наполовину, если брачный возраст в среднем отодвигается с 16 до 26 лет.

Социалистическое общество упразднит *экономические* мотивы, которые действуют на повышение брачного возраста. Отнимая у *проституции* всякую почву, оно тем самым облегчит заключение ранних браков.

В буржуазной науке широко распространено мнение, что проституция является естественной необходимостью и что упразднение ее представляет утопию. Но не требуется особых исторических знаний, а стоит только бросить взгляд за пределы своего города, чтобы видеть, что проституция вовсе не является общественной необходимостью. В деревнях очень распространена „свободная", т.-е. *внебрачная,* любовь, но там нет проституции, *продажной* любви. Торговля любовью возникает одновременно с торговлей вообще и вначале она процветает в центрах торговли и роскоши, а впоследствии распространяется также на промышленные центры.

Но и в городах проституция является продуктом не особых естественных законов, а определенных социальных условий. Как бы богатые женщины ни были безнравственны и какой бы они страстностью ни отличались, они всеже не попадают в категорию проституток, потому что им незачем продавать свою любовь первому встречному, они могут позволить себе такую роскошь, как отдавать свою любовь даром.

Но именно потому, что она не должна жить продажей своей любви, любвеобильная богатая дама не так часто меняет объекты своей любви, как принуждена бывает делать это проститутка. А именно эта беспрерывная, частая смена гостей превращает проституцию в опасность, делает ее источником не только бесплодия занимающихся ею женщин, но и источником распространения опасных заразительных венерических болезней.

Социализм создаст условия, при которых женщине не придется продавать свое тело для того, чтобы иметь возможность существовать. Таким образом будет отнята у проституции всякая почва, будут уничтожены венерические болезни, с распространением которых легко будет бороться,

если женщина не принуждена будет отдавать себя первому встречному, если мужчины лишены будут возможности выбирать себе ежедневно другую женщину, если половые сношения возможны будут только в рамках продолжительных связей.

Тогда будет устранен еще один фактор, вызывающий повышение смертности, но в то же время и понижение плодовитости. „Из 100 браков,—говорит г-жа Адамс,—в среднем 10 бездетны, а из этих 10 случаев в 7 из них виновен мужчина. Главной причиной бесплодия является триппер“ [1]).

Если принять все это во внимание, то можно считать вероятным, что в социалистическом обществе рождаемость сильно повысится, между тем как смертность уменьшится. Размножение народонаселения может принять такие размеры, которые превзойдут еще размеры размножения древних германцев в эпоху переселения народов, когда римляне смотрели на Германию как на мать народов, vagina gentium.

Но может случиться также иначе. Мы видели, что изменение в плодовитости человека при перемене общественных условий больше всего зависит от изменения положения женщины. Если социализм, борьбу за который главным образом ведет *промышленный пролетариат,* самый глубокий переворот произведет в *сельском хозяйстве,* то он точно так же изменит и улучшит положение *женщины* в значительно большей степени, чем положение *мужчин,* хотя последние, по крайней мере до сих пор, составляли главную массу борцов за него. Он освободит женщину не только от эксплоатации капиталиста, но и от гнета и мелочных забот отдельного домашнего хозяйства, к которому, несмотря на увеличение числа занятых в промышленности женщин, всё еще прикреплена большая часть их. Рабочий день женщин длиннее рабочего дня мужчин, потому что, кроме работы для заработка, им приходится заниматься еще домашним хозяйством. А если они не соединяют обе работы, то большей частью только потому, что домашнее хозяйство отнимает у них всё время, с раннего утра до поздней ночи.

---

[1]) Dr. Adams. Die Gesundheit im Haus, S. 686. 1899.

Всё это суживает кругозор женщин, убивает их инициативу, отнимает у них, в значительно большей степени чем у трудящихся мужчин, возможность и способность к умственной деятельности. Социализм предоставит им всё это в такой же мере, как и мужчинам.

Но функции размножения отнимают у женщин значительно больше сил, чем у мужчин. А интенсивная умственная работа, это — деятельность в высшей степени утомительная, необходимые силы для которой часто не дооцениваются.

А если женщина вступит в соперничество с мужчиной, если она постарается не отставать от него в умственном отношении, не уменьшит ли это запас сил, нужных ей для размножения, и не подействует ли это на уменьшение плодовитости?

По мнению Спенсера, интенсивный умственный труд уменьшает плодовитость женщин.

„Что умственный труд, доведенный до излишества, вызывает в женщинах абсолютное или относительное бесплодие, это легче доказать. Хотя образ жизни и питания девушек высшего класса не таков, каким бы он должен быть, однако, принимая во внимание, что пища их лучше, чем пища более бедных девушек, а физическая обстановка не хуже, можно с большим основанием приписать недостаток у них воспроизводительной силы переутомлению мозга, которое производит серьезное воздействие на физическую сторону. Это уменьшение воспроизводительной силы доказывается не только более частыми случаями абсолютного бесплодия, или раннего прекращения детородной способности, но также весьма часто встречающейся неспособностью кормить детей. Воспроизводительная способность, взятая в полном ее объеме, есть способность родить хорошо развитого ребенка и давать ему естественную пищу в течение естественного периода. Большинство плоскогрудых девушек, прошедших все ступени школьного воспитания, неспособны к этому. Если бы измерять их плодовитость числом детей, которых они в состоянии выкормить без искусственной помощи, то они оказались бы относительно весьма неплодовитыми“ [1].

---

[1]) Spencer. Biologie, II, S. 538.

Если мнение это верно, то сильное увеличение числа женщин, занимающихся интенсивным умственным трудом, должно было бы в высшей степени понизить общую плодовитость всего человечества. Но вопрос еще, верно ли мнение Спенсера? Бесплодие, *сильно* распространенное среди учащихся и ученых женщин, является не только следствием занятия их умственным трудом, но следствием и тех условий, при которых приходится в *настоящее время* заниматься умственной работой. Современная школа является утонченной системой для разрушения здоровья. Вынужденное сидение по несколько часов сряду в школе, отсутствие движения, скучивание масс народа в тесных помещениях при высоком умственном напряжении, которое, благодаря бездарной методе преподавания, далеко не ослабляется,— такое обучение действует более пагубно на здоровье, чем многие физические работы в не слишком плохо оборудованных мастерских.

Женщины при этих условиях страдают больше, чем мужчины. Прежде всего уже потому, что, благодаря методе воспитания, женщины состоятельных классов не знают физического труда; они в значительно меньшей степени, чем мужчины, занимаются играми и гимнастикой на свежем воздухе, и поэтому им труднее, чем последним, хотя бы в некоторой степени, обезвредить в свободное от занятий время те последствия, которые оставляет школа. Кроме того, на женщинах вредно отражаются та добросовестность и прилежание, какими они отличаются. Мы знаем, что женщины были главными носителями общественных инстинктов, что стада общественных животных состояли преимущественно из самок и их детенышей, в то время как самцы бегали на свободе. Чувство долга и добросовестность, поэтому, всегда были сильнее развиты у женщин, чем у мужчин, что сохранилось и по настоящее время. Среди учащейся молодежи мужчины обыкновенно легко относятся к занятиям, а женщины, наоборот,—большей частью серьезно.

Как отразится умственная деятельность на женщине, когда занятия будут вестись соответственно более разумным гигиеническим и педагогическим методом, сейчас трудно предвидеть.

Но далеко не решен еще также вопрос—действительно ли так страдает плодовитость женщины вследствие занятий, хотя бы и при иррациональных современных методах. Приходится принять во внимание еще один фактор, благодаря которому все исследования относительно естественной плодовитости женщины на разных ступенях цивилизации грешат некоторой неточностью: это—применение средств для предупреждения зачатия, которые с развитием естествознания и техники становятся все совершеннее.

Если женщины имущих классов применяют эти средства, чтобы не делить имущества между многими наследниками, если любящие пожить в свое удовольствие женщины высшего света применяют их для того, чтобы сохранить молодой вид и предохранить себя от неудобств, причиняемых беременностью и рождением детей, то женщины, занимающиеся умственным трудом, могут видеть в большом количестве детей препятствие для своей деятельности и стараются избежать этого путем искусственного ограничения своей плодовитости.

Кто может знать, не станет ли с ростом умственной деятельности женщины в социалистическом обществе мотив этот всеобщим и не будет ли он служить противодействием сильному размножению народонаселения?

Во всяком случае факты, подобные тем, которые мы привели о бурах и канадцах, когда женщина рожала от 18 до 25 человек детей, возможны только там, где женщина рано выходит замуж и в течение всего периода, когда она способна к деторождению, превращается в простую машину для рождения детей, где на ряду с домашним хозяйством единственным занятием ее является размножение рода. Как только женщина приобретает интересы, выходящие за узкие рамки семьи и брака, она начинает отрицательно относиться к слишком большому числу детей, как и к слишком долгой односторонней ручной работе. Стремление к досугу, желание пользоваться наслаждениями и деятельностью в природе, искусстве и науке, которые так отличают современного человека,—все это должно повлиять на уменьшение рождаемости.

Нет ничего невероятного в том, что социализм, освободив женщину,—а ее освобождение на ряду с революционизированием сельского хозяйства является одной из первых

его задач,—одновременно с естественным увеличением продовитости вызовет более интенсивное применение предупредительных средств и таким образом замедлит размножение народонаселения, более того, приведет его в стационарное состояние, между тем как, благодаря перевороту в сельском хозяйстве, уровень средств существования повысится в такой необычайной степени, что может случиться противоположное мальтузианским опасениям. Создастся таким образом опасность не перенаселения, а обезлюдения.

Но и этого опасаться нечего.

Мы не должны забывать, что в обществе с самого начала действует могучий фактор, регулирующий половые отношения, это—нравственное чувство, нравственные воззрения. Мы уже указывали, что в человеческом обществе, поскольку мы можем проследить его развитие, никогда не было свободной любви в том смысле, что продолжение рода являлось бы личным делом, которое не касалось бы общества, что, наоборот, общество всегда заботилось о потомстве, заботилось о том, чтобы размножение потомства происходило в соответствии с возможными условиями для его воспитания. Оно обращало на эту заботу свое главное внимание и силой своих нравственных требований добивалось необходимых ограничений.

Капиталистическое общество притупило нравственные чувства и в половом вопросе. Оно заменяет их цинизмом, с одной стороны, и лицемерием—с другой, в большинстве же случаев беспринципным шатанием между устарелыми принципами и хаосом новых взглядов, драпирующихся в нравственные требования, но представляющих пока частные пожелания отдельных лиц и не имеющих никакого общественного значения.

Выросшее на почве мелкобуржуазного хозяйства, его права и нравов, капиталистическое общество переняло от последнего его правовые и нравственные воззрения как на частную собственность, так и на брак. Но при капитализме как одни, так и другие теряют свой первоначальный смысл и превращаются из благодеяния в зло.

В мелкобуржуазном обществе каждый подмастерье имел надежду стать мастером, а каждый неимеющий собственности юноша, путем прилежания и бережливости

если у него только была возможность выждать,— собственником. Только у тех детей могла быть возможность стать дельными людьми, которые воспитывались в обстановке домашнего хозяйства, а такое хозяйство предполагает частную собственность. Отсюда возникло нравственное требование мелкой буржуазии,—которое Мальтус пытался облечь в научную форму,—предоставить рождение детей только имущим классам; отсюда и отказ от всех половых отношений, которым не предшествует прикрепление мужа к домашнему хозяйству, к жене и детям.

Всё это имело еще некоторый смысл при мелкобуржуазных условиях, но совсем теряет его при капиталистическом способе производства. Массы превращаются теперь в обездоленных, которые не имеют надежды стать когда-нибудь собственниками, и одновременно с этим пролетарские дети очень рано предоставляются своей судьбе. Мальтус выступил с своим требованием как раз в то время, когда оно стало бессмыслицей. Пролетарий ничего не выигрывает, если откладывает брак; его рабочая сила и способность содержать детей начинает уменьшаться в таком возрасте, в котором член имущих классов едва только достигает состояния или положения, дающего ему возможность вступить в „приличный" брак.

С развитием пролетариата не только превращаются в массовое явление „легкомысленные" браки, но увеличивается также количество свободных браков, не освященных законом, и количество незаконнорожденных детей. То, что раньше считалось исключением, знаком полного неуважения ко всем добрым нравам и уходом из общества порядочных людей, всё больше становится теперь массовым явлением. Пренебрежение, высказываемое нравственностью и законом по отношению к внебрачным детям, превращается в свою противоположность. Из средства, которое должно было предотвратить производство незаконнорожденных детей и предоставить всем детям возможность воспитываться при наиболее благоприятных для них условиях, оно превратилось в средство, создающее неблагоприятные условия жизни для незаконнорожденных, увеличение количества которых оно не в состоянии задержать, так что они составляют всё большую часть рождающихся детей.

В силу всего этого в современном обществе изменяются взгляды на свободный брак и незаконнорожденных детей. Но оно всеже не может еще прийти к тому, чтобы поставить на одну ступень свободный брак с законным.

Женщина, значительную часть сил которой отнимает функция размножения,—беременность, кормление грудью, уход за детьми,—не в состоянии одна воспитывать детей. Она не в силах справиться с этим делом без помощи мужчины или общества. Чем больше общественное производство и общественная собственность заменяются частным производством и частной собственностью на средства производства, тем больше общество перестает заботиться о потомстве, тем обязательнее становится эта забота для мужчины, тем больше принуждается он к этому обществом, но только по отношению к законному браку, который признан и одобрен обществом.

Уже в животном мире мы находим при подобных условиях образование прочных моногамных союзов. У беговых птиц, птенцы которых сейчас же, по вылуплении из яйца, сами достают себе пищу, отец не имеет значения для выращивания юного поколения. Совсем иное мы видим у птиц, птенцы которых еще долгое время, после вылупления, остаются в гнезде, куда им нужно доставлять пищу. Задача эта самке одной не по силам, ей на помощь должен прийти самец. Только пары с верными, готовыми прийти на помощь самцами имеют возможность при данных условиях размножаться и вырастить своих птенцов.

В силу аналогичных условий при существующем товарном производстве законный брак, т.-е. законное соединение мужчины с семьей, представляет для воспитания детей лучшие экономические условия, чем неоформленная половая связь, которая в любое время, по желанию одной стороны, может быть расторгнута, при которой на отца не налагаются почти никакие обязанности или же очень минимальные. Это может измениться только с наступлением общественного производства, когда заботы о воспитании детей вместо отца может взять на себя общество. Тогда законное соединение мужа и жены будет излишним. Капиталистическое общество, правда, делает такое соединение часто невыносимым, а во многих случаях и невыполнимым, но ни в коем случае не может сделать его излишним.

Как и во многих других вопросах, так и в половом мораль при капитализме должна была стать двойственной. Капитализм, отнимая силу у старой морали, не в состоянии создать новую, он не заменяет одно нравственное требование другим, более соответствующим новым отношениям, но создает нравственную беспринципность и одичание.

Ко всему этому присоединяются рост классовых перегородок и всё увеличивающееся обострение классовых противоречий. Они способствуют развитию в разных классах особых, часто противоположных моральных воззрений, благодаря чему разрушается как раз то, что составляет главную силу нравственного чувства: сознание, что оно является общим и обязательным для всех, что оно как бы само собой подразумевается. Теперь даже и те требования, которые составляли основу всей нравственности на всех стадиях общественного развития, у всех наций и классов, благодаря классовой борьбе подвергаются ограничениям, при чем участники борьбы распространяют их только на стоящих с ними на одной точке зрения.

Социализм, уничтожив деление общества на классы, положит конец такому положению. В то же время он изменит ненормальное состояние, в котором находятся теперь семья и брак, создаст новые крепкие основы для воспитания детей и вместе с тем условия для создания новой определенной половой этики. Вместе с выяснением всех этических отношений приобретут бо́льшую определенность и ясность также вопросы половой морали. Тогда уже не придется задумываться над тем, под защитой ли закона находится данный брак или нет, потому что для воспитания детей это будет решительно безразлично. Но и тогда нравственное чувство будет стремиться к тому, чтобы размножение народонаселения происходило в пределах, полезных для потомства. Как раньше нравственное чувство, единодушно осуждая внебрачные рождения, доводило их до минимума, точно так же будет оно продолжать влиять на размножение народонаселения и в социалистическом обществе.

Если бы французские условия размножения народонаселения распространились на всё общество и обществу угрожало бы обезлюдение, то общественное мнение, как и совесть самих женщин, осудило бы, как безнравственную,

всякую искусственную бездетность и воспрепятствовало бы таким образом превращению ее в массовое явление.

И точно так же вмешалось бы нравственное чувство, если бы обществу угрожало противоположное зло, т.-е. слишком быстрый рост народонаселения. А в социалистическом обществе размножение народонаселения будет казаться чрезмерным не только тогда, когда оно расширится за возможные пределы средств существования. Потребность в досуге и наслаждениях, доставляемых природой, будет в социалистическом обществе так велика, что размножение народонаселения уже тогда покажется чрезмерным, если оно заставит пожертвовать отдыхом и наслаждениями природой в пользу увеличения средств существования, т.-е. еще задолго до того, как уровень средств существования достигнет своего возможного максимума.

Как только размножение народонаселения покажется обществу чрезмерным и как только это воззрение станет всеобщим, сейчас же общественное мнение и совесть отдельной личности поставит женщинам в обязанность не производить слишком большое количество детей. В виду новых средств для предупреждения зачатия, широкого распространения естественнонаучных знаний, больших духовных запросов женщины, вследствие которых она будет рассматривать большое количество детей как препятствие для своего умственного развития и деятельности, обязанность эта будет легче и безболезненнее, чем девственность, налагаемая современными нравами на девушку непролетарских слоев, если ей не удастся встретить подходящего человека, который согласился бы стать ее законным мужем.

Итак, нравственность, если в том явится необходимость, будет тогда регулировать размножение в такой же степени, как она постоянно регулировала и до сих пор половую жизнь. При условиях грядущего социалистического общества это можно сделать легче и безболезненнее, чем это было возможно при всех общественных формах, существовавших до сих пор.

Приведет ли ход вещей к тому, что придется прибегнуть к такому регулированию,—этот вопрос совершенно не поддается теперь решению. Мы можем сказать только, что, если бы в социалистическом обществе возникла проблема наро-

донаселения, то она могла бы быть решена уже при помощи известных в настоящее время факторов.

Но поскольку мы можем охватить взором будущее, социалистическому обществу не угрожает ни опасность перенаселения, ни опасность обезлюдения. Мы указывали уже, что для поднятия сельского хозяйства всего мира на уже достигнутый естествознанием и техникой уровень потребуется несколько человеческих поколений.

Если это исключает на долгий период опасность перенаселения, то и опасность обезлюдения, которая могла бы грозить миру, если бы все женщины прониклись духовными интересами и начали интенсивно заниматься умственной деятельностью, оттягивается также на не менее долгий период.

Какой высоты достигнет тогда познание природы, какие средства, влияющие на плодовитость, будут тогда открыты,— в настоящее время трудно себе даже представить.

(К. Каутский. „Размножение и развитие в природе и обществе". Изд. „Пролетарий" 1923 г., стр. 145—155.)

2. Гигиена расы.

Подведем итоги нашего исследования. Мы нашли, что, какие бы формы ни приняло в конце концов размножение населения в социалистическом обществе, мы не можем себе в настоящее время представить такие проблемы народонаселения, которые могли бы представить для него затруднения или даже опасность.

С другой стороны, мы решительно отвергаем социалистическое воззрение, согласно которому в социалистическом обществе природа сама собою создаст наиболее целесообразный порядок размножения, в то время как в эпоху капитализма она действует в смысле перенаселения, короче говоря, как будто в вопросе народонаселения природа социалистична и антикапиталистична.

Опровержению этого социалистического воззрения была посвящена моя первая книга, и в этом отношении моя точка зрения не изменилась. Думать, что естественная плодовитость человека сама собою приспособляется к определенным общественным потребностям, значит — заниматься телеологией в худшем смысле слова и ставить вверх ногами все данные современного естествознания.

Но столь же неправильным кажется мне и тот взгляд, что стремление к перенаселению есть естественный закон, который господствует во всей органической природе и которому можно противодействовать—и противодействовать только в человеческом обществе. В действительности имеет место как раз обратное. Как в отдельном организме, так и в системе организмов господствует равновесие созидающих и разрушающих сил,—конечно, не равновесие материи, но равновесие жизни. Оно постоянно нарушается, чтобы постоянно быть восстановленным. Только в отдельные периоды глубоко идущих перемен в условиях жизни наступают в природе длительные нарушения равновесия—перенаселение в одном, вымирание в другом случае. Но и эти нарушения ведут в конце концов к установлению нового равновесия на измененной основе—при появлении новых и устранении старых видов организмов.

Вместе с человеческой техникой в природу вторгается источник нарушения равновесия, какого до сих пор не было и который никогда не останавливается в своем действии, но постоянно вносит новые изменения и делает совершенно невозможным, чтобы система организмов приспособилась к этим нарушениям и снова пришла в равновесие. Вымирание и перенаселение делаются с этих пор прочными тенденциями. Регулировать их и направить в свою пользу—это одна из задач борьбы человека с природой. При этом, по отношению к другим организмам, человек может применять силу, чтобы устранить перенаселение. Слишком сильному размножению организмов в природе он ставит пределы их уничтожением. Слишком сильное размножение домашних животных он предотвращает тем, что пускает на племя лишь столько животных, сколько это кажется ему целесообразным.

Оба метода неприменимы к сочленам собственного общества, пока оно состоит из свободных и равных людей, как в первоначальном состоянии. Вместо того вступает в действие новый фактор, регулирующий размножение в интересах общества, фактор, который в мире животных еще не действует в этой области: власть *нравственности*, общественного мнения, совести. Впрочем, мало вероятно, чтобы эта сила с самого начала человеческого общества действо-

вала определяющим образом непосредственно на число рождений, уменьшая или увеличивая их. Ее первой задачей было регулирование размножения в интересах поддержания совершенства расы, предотвращения ее ухудшения вследствие кровосмесительных браков. Пока техника еще мало развита, борьба за существование так жестока, смертность от враждебных животных и людей так велика, что естественная смерть является исключением; плодовитость так незначительна по сравнению с громадной областью распространения человека, что вообще нет нужды в общественных нормах, ограничивающих рост населения. Конечно, для отдельных женщин слишком большое число детей может быть бременем, которого они стремятся избегнуть. Затем, с прогрессом техники, наступает иногда такое состояние, которое кажется перенаселением и заставляет желать ограничения числа рождений. Но это случается лишь после того, как уже развились глубокие классовые противоречия; тут, вместо того чтобы от всех одинаково требовать равномерного ограничения рождений, имущим классам предоставляется возможность самого свободного размножения, а от тех, кто лишен имущества и власти, требуется отказ от брака и семьи. Иногда это „нравственное требование“ применяется и внутри высших классов, например: по отношению к младшим сыновьям, но как общее правило оно относится только к низшим классам—рабам и пролетариям. Оно создается не всем обществом в целом, не в силу общественного интереса, а исключительно в силу классового интереса, как венец обездоления угнетаемых классов, которые поэтому никогда не признают его справедливым.

Только уничтожением классов в социалистическом обществе будут даны условия, при которых нравственность, как регулятор размножения, приобретет действительную силу,— в том случае, если темп увеличения населения будет этого требовать; нравственность будет действовать как регулятор не только для предотвращения перенаселения, но и для предотвращения уменьшения населения, возможность, которая ни в коем случае не исключена. Этот регулятор, в случае необходимости, будет действовать тем легче, что уже и при настоящем состоянии естествознания и техники ограничение числа рождений вовсе не означает отказ от брачной жизни.

Ни в каком случае регулятор этот не вступит в действие, начиная уже с первых поколений социалистического общества. Но весьма важный практический интерес получит вмешательство нравственного сознания в процесс размножения в другой области, а не по отношению к увеличению населения; это—та область, где нравственное сознание выступает в самом начале человеческого общества, — гигиена расы, предотвращение физического вырождения человека.

В современном обществе это вырождение делает быстрые, внушающие опасения успехи. Два фактора вызывают это вырождение. Прежде всего—дурные условия жизни культурного человечества при капиталистическом режиме; от них страдают прежде всего рабочие классы, но не они одни. Необеспеченность существования, венерические болезни, ночная жизнь разрушают здоровье и имущих классов. И если они не страдают от переутомления, плохих жилищ, недостаточного питания, недостатка во врачебной помощи, то тем сильнее действует среди них второй фактор, который при техническом прогрессе все более ухудшает расу: это—всё растущая возможность жить и размножаться для самых слабых и больных.

Если наш взгляд на роль борьбы за существование в природе верен, то эта борьба ведет к более высокому развитию организмов не всегда, а только при наступлении изменений и увеличении разнообразия жизненных условий; но при всех условиях борьба за существование препятствует их вырождению. Каждый вид приспособился к условиям своей жизни; но каждая отдельная особь может лишь в том случае удержаться при этих условиях, если она в совершенстве разовьет нужные для этого качества и способности. В противном случае она будет побеждена и выброшена из жизни. Поэтому хилость и болезненность у диких животных и людей или совсем не встречаются, или только крайне редко. Всякая больная особь, если она не выздоравливает быстро, гибнет от предстоящих ей передряг, недостатка в пище или от хищных животных.

Человеческая техника и здесь нарушает равновесие природы, уменьшая предъявляемые борьбой за существование требования и облегчая тем самым более слабым, телесно и духовно, особям не только поддержание жизни, но и размножение.

Теперь это имеет место даже в мире животных. Прежде волки и лисицы немедленно уничтожали всю больную дичь. Теперь в культурных странах волки почти истреблены, а лисицы стали более редкими. Больные олени, козы, зайцы могут более продолжительное время нести свои страдания и, если это болезнь заразительная, передавать ее другим. Так возникают эпизоотии, которые в естественном состоянии не могли бы развиться.

Но всего более проявляется благоприятствующее вырождению действие технического прогресса, естественно, на человеке. Прежде всего на господствующих классах, которые претендуют на все выгоды этого прогресса, но в некоторой степени и на эксплоатируемых.

Прогресс техники основан на разделении труда, на упрощении каждой отдельной работы. Это делает работу более монотонной, но и гораздо более легкой. Не только дети, но и калеки, даже душевнобольные могут теперь найти применение в работе и зарабатывать столько, сколько нужно, чтобы не умереть с голоду. Но не только при работе но и в остальной жизни уменьшаются те требования на телесную силу, которым должен удовлетворять каждый отдельный человек, чтобы иметь возможность жить. Самое развитие естествознания отчасти благоприятствует вырождению. Медицина есть в гораздо меньшей степени искусство делать больных здоровыми, чем искусство продлить больным людям их больную жизнь и тем самым дать им возможность к размножению, к рождению детей. В этом и заключается смысл того уменьшения смертности, которым так гордятся апологеты буржуазного общества.

Социалистическое общество, конечно, устранит один фактор вырождения человечества — переутомление, дурное питание и плохое жилище, ночную работу и ночную жизнь, проституцию и венерические болезни. Но одновременно оно усилит другой фактор вырождения — именно тем, что облегчит людям жизнь, понизит предъявляемые к ним требования, будет больше заботиться о хилых и калеках.

Но, вместе с тем, оно будет развивать условия, противодействующие возникающей отсюда опасности дальнейшего вырождения человечества.

Уже теперь есть целый ряд естествоиспытателей, понимающих опасность и сознающих необходимость того единственного средства, которое может предотвратить ее внутри человеческого общества: замена естественного подбора, вызываемого борьбой за существование, искусственным подбором,—таким образом, что все болезненные индивидуумы, от которых родятся больные дети, откажутся от продолжения рода, а это при современном состоянии медицинской техники, как мы знаем, не заключает в себе отказа от брака.

Но как должен осуществиться этот вид искусственного подбора? Путем вмешательства властей, полицейских запрещений, карательных постановлений? Их можно было бы применять в крайнем случае к опасным преступникам или умалишенным, которых держат в заключении. Но по отношению к свободным людям это был бы абсурд. Здесь может действовать регулирующим образом только голос общественного *мнения и собственной совести.*

Но как при современных условиях может сложиться нравственное сознание в этом направлении? Не тем ли путем, как думает Шальмейер, теоретик „усовершенствования расы“, что „когда-нибудь и у нас будет господствовать дальновидная государственная мудрость, которая признает настоятельной, жизненно важной задачей воздействовать на общественное мнение и общественную оценку поведения личности соответствующими мероприятиями во всех областях внутренней политики и всеми видами социального внушения“? Это воззрение стоит еще на точке зрения патриархального абсолютизма, считающего народы детьми, а правительства—их учителями и наставниками. Но даже учителя и родители не всегда могут воспитать детей по своему желанию; они терпят неудачу, если цели их воспитания не соединимы с впечатлениями действительной жизни, которая всегда оказывается сильнейшим из всех факторов воспитания.

Прежде всего должны были бы показать хороший пример те, которые теперь представляют собою „государственную мудрость“, высшие классы, так как среди них более всего сказывается вырождение, вследствие сохранения жизни и размножения более слабых индивидуумов. Но в их рядах мы не видим ни малейших задатков для образования

того нравственного сознания, которое объявило бы преступлением продолжение рода для более слабых духовно или физически индивидуумов. Продолжение рода в этих кругах, так же как и брак, принесено в жертву интересам семейной собственности, а не улучшения расы. И в среде буржуазии брак служит экономическим интересам. Брак— потребность капитала в концентрации, продолжение рода— потребность передать капитал по наследству, как частную собственность. Капиталист не является, подобно феодальному аристократу, рабом своей семьи, но рабом своего капитала; он женится, сообразуясь с его потребностями, а не со своими личными склонностями. И гораздо больше, чем здоровье его наследника, его интересует величина капитала, который он может завещать ему. К этому присоединяется еще и вера этих кругов во всемогущество денег. Ими считают возможным купить всё, в том числе и здоровье. И, однако, покупают часто только искусство профессоров продлить наследнику жизнь до тех пор, пока он новым денежным браком не сконцентрирует еще более капитал и не обеспечит рождением нового наследника дальнейшего существования своего капитала в качестве частной собственности. Этим закончены его обязанности перед капиталом, и он может присоединиться к своим неврастеничным, чахоточным, сифилитичным и душевнобольным предкам.

В низших классах еще меньше шансов на образование социального сознания в смысле гигиены расы. Здесь препятствием является невежество, связанное с социальным положением. Как в этих классах может кто-либо прийти к выводу, что болезненность его детей наследственного свойства, когда дети его соседа не здоровее и когда совершенно очевидно, что все они выглядели бы гораздо лучше в хорошей, здоровой квартире, при достаточном питании, при летнем отдыхе на берегу моря или в лесу!

Пока условия жизни пролетария являются в такой сильной степени источником болезней и слабости, ему нельзя внушить мысль, что гигиена расы есть его социальная обязанность.

Совершенно другое дело в социалистическом обществе. Никто уже не является в нем рабом своего капитала, как капиталист, который женится на нелюбимой, больной, но

богатой женщине, чтобы иметь от нее наследника. Тогда исчезнут все эти условия, ведущие теперь как в среде пролетариата, так и в высших классах к болезням и вырождению. Кто имеет здоровые задатки в себе, будет развивать и укреплять их. Болезненность не будет более массовым явлением, от которого нет спасения. Если тогда и будут еще рождаться больные дети, то их болезненность не явится уже результатом социальных отношений. В ней повинны будут только родители. Тем самым будет дана почва, на которой может развиться действительная практика „усовершенствования расы“—общественное стремление к рождению здоровых людей. Тогда и общественное мнение, и совесть самих родителей будет осуждать продолжение рода болезненных людей, тогда будет общепризнанной обязанностью каждого взрослого человека, который чувствует себя не вполне здоровым, перед заключением брака выслушать совет специалиста, целесообразно ли продолжение его рода или нет. На рождение больного ребенка будут тогда смотреть такими же глазами, как теперь на рождение внебрачных детей.

Таким образом социализм принесет человечеству не только материальное благосостояние и отдых, но еще здоровье и силу и устранит болезни как массовое явление.

Возникнет новый род людей, сильный, красивый и жизнерадостный, как герои греческого эпоса или немецкие богатыри эпохи переселения народов, которых мы представляем себе такими сильными, как теперь, например, жителей Черногории.

Но если для них война и разбойничество составляли высшее наслаждение, то в социалистическом обществе не будет к этому ни склонности, ни повода. Избыток физической силы найдет себе применение в преодолении естественных препятствий и в спорте. Но тогда станет достоянием всего общества и новый интерес, которого еще не было вовсе во времена варварства и который, со времени его возникновения и до сих пор, оставался только аристократической монополией: интерес к науке.

Участие в научной деятельности есть высшая форма наслаждения, и притом такая форма, разнородность которой постоянно увеличивается. К наслаждению, доставляемому

разрешением какой-либо проблемы, наука всегда прибавляет жало новой проблемы, побуждающей ум к новой работе.

Для развития науки нет других границ, кроме тех, которые поставлены существованию человечества.

Гораздо раньше, чем земля станет необитаемой для человечества, на ней остановится дальнейшее развитие органической жизни. Мир растительных и животных организмов, вероятно, достиг с человеком своей высшей точки. Не исключена возможность, что и человеческое общество достигнет высшей точки развития в социализме, так что он представляет собою последнюю и высшую форму человеческого общества, как человек—последнюю и высшую форму в мире организмов. Во всяком случае, органическое и общественное развитие ограничено, как и сама основа, на которой они построены: силы земли и части солнечной теплоты, притекающей к земле, могут иссякнуть.

Но безгранична область науки, вселенная, вечное и бесконечное всё. Его нельзя исчерпать. Чем дальше подвигается знание, чем сильнее растет его объем, тем слабее чувствует себя отдельный исследователь, тем ничтожнее кажется ему уже достигнутое наукой по сравнению с тем, что еще нужно завоевать, но тем сильнее и желание дальнейших завоеваний. Для великих завоевателей будущего остается только наука: для них не будет другого поля более могучей битвы, не будет триумфа более гордого, возвышенного и чистого, как триумф завоевателя в области науки, не будет другой более счастливой деятельности, как бороться в ее рядах.

Величайшим и наиболее блестящим деянием социализма будет именно то, что он сделает общим достоянием не только благосостояние, здоровье и отдых, но и наслаждение наукой.

(К. Каутский. „Размножение и развитие в природе и обществе". Изд. „Пролетарий" 1923 г., стр. 155—160.)

3. Население и перенаселение.

Существуют люди, которые видят *в вопросе о населении* самый важный и жгучий из всех вопросов, так как грозит „перенаселение" и даже фактически уже существует. Этот вопрос нужно рассмотреть специально с международной

точки зрения, так как народное питание и народное распределение становится все более делом международным. О вопросе населения со времени Мальтуса спорили очень много. В своем знаменитом и пресловутом сочинении (попытка найти принцип населения), которое Карл Маркс называет „школьнически-поверхностным и поповски-декламаторским плагиатом из Джемса Стюарта, Тоунсэнда, Франклина, Уэльса и т. д.“, которое не содержит ни одного самостоятельно придуманного положения, Мальтус высказывает взгляд, что человечество имеет тенденцию размножаться в геометрической прогрессии (1, 2, 4, 8, 16, 32 и т. д.), между тем как пищевые средства могут увеличиваться лишь в арифметической (1, 2, 3, 4, 5 и т. д.). Отсюда необходимо следует, что между числом людей и запасом пищи быстро возникает несоответствие, которое должно вести к массовой смерти. Необходимо поэтому в произведении детей налагать на себя „воздержание“. У кого нет достаточно средств для прокормления семьи, тот не должен вступать в брак, так как для его потомства нет места за „столом природы“.

Страх перенаселения существует уже давно, он был уже, как показывает и предлагаемое сочинение, у греков и римлян и снова появился в конце средних веков. Он тяготел над Платоном и Аристотелем, над римлянами, над мелким горожанином средних веков, он тяготел и над Вольтером, который в первой четверти XVIII столетия написал по этому поводу статью. За ним последовали другие писатели, пока, наконец, Мальтус не выразил этих опасений наиболее определенно.

Страх перенаселения постоянно появляется в такие периоды, когда существующее общественное состояние начинает разлагаться. Возникающее в это время всеобщее недовольство стараются приписать, прежде всего, излишку в людях и недостатку жизненных средств, а не тому, как они добываются и распределяются.

Всякая эксплоатация человека человеком опирается на классовое господство, но самым первым и самым удобным средством классового господства является захват земли. Из общего владения оно переходит постепенно во владения частные. Масса становится неимущей и принуждена добывать свою часть жизненных средств на службе у имущих.

При таких обстоятельствах каждое прибавление семьи или новый конкурент чувствуется как тяжесть. Появляется призрак перенаселения, который распространяет ужас в той же мере, в какой владение землей всё более монополизируется и в какой она теряет свою производительность, потому ли, что недостаточно обрабатывается, потому ли, что лучшие ее части превращаются в пастбища для овец или служат как охотничьи участки для удовольствия своих господ и, таким образом, не обрабатываются более для средств человеческого питания. Рим и Италия всего более страдали от недостатка пищевых средств, когда земля находилась в руках, приблизительно, 3000 владельцев латифундий. Отсюда крик ужаса: латифундии губят Рим. Земля Италии была превращена в огромные охотничьи участки или увеселительные парки своих благородных владельцев и часто оставалась необрабатываемой, так как ее обработка рабами обходилась дороже, чем цена хлеба, привозимого из Африки и Сицилии; такое положение вещей благоприятствовало хлебному ростовщичеству, в котором прежде всего участвовало богатое дворянство Рима. Это было главным основанием прекратить обработку туземных полей. Дворянство более выиграло на хлебном ростовщичестве, чем на производстве хлеба в собственной стране.

При подобных условиях римский бюргер или обедневший дворянин предпочитали отказываться от брака и рождения детей, несмотря на все премии, которые устанавливали для вступивших в брак и производивших детей, чтобы воспрепятствовать уменьшению господствовавшего класса.

Подобное же явление наблюдается и в конце средних веков, после того как в течение тысячелетий дворянство и духовенство хитростью и силою отняли у многочисленных крестьян их собственность и присвоили себе общинную землю. Когда вследствие всех вынесенных несправедливостей крестьяне восстали, но были усмирены, и когда на высшей ступени хищничество дворянства развилось еще сильнее и практиковалось протестантскими государями по отношению к церковным имениям, тогда число разбойников, нищих и бродяг возросло до небывалых размеров. Их число было наибольшим после реформации. Экспроприированное сельское население устремилось в города, но здесь, по ранее

указанным причинам, условия жизни становились все тяжелее, и, таким образом, повсюду наступило „перенаселение“.

Выступление Мальтуса совпадает с тем периодом английской промышленности, когда вследствие новых изобретений Харгривса, Аркрайта и Уатта произошли огромные перевороты в механике и технике, которые главным образом проявились в промышленности бумагопрядильной и полотняной, при чем десятки тысяч рабочих в соответствующих домашних индустриях лишились хлеба. Концентрация поземельной собственности и развитие крупной промышленности приняли в это время в Англии огромные размеры. С быстро возрастающим богатством на одной стороне росла массовая нищета на другой. В подобное время господствующие классы, которые имели все причины считать существующий мир наилучшим, должны были найти удобное и оправдывающее их объяснение для обеднения масс при возрастающем богатстве и высшем расцвете промышленности. Не было ничего удобнее, как возложить вину за это на слишком быстрое размножение рабочих рождением детей, а не на образование их излишка капиталистическим процессом производства и сосредоточиванием земли в руках лэндлорда. При таких обстоятельствах ученически-поверхностный, поповско-декламаторский плагиат Мальтуса явился обоснованием существующего зла, обоснованием, которое выражало тайные мысли и желания господствующего класса и оправдывало его перед всем светом. Этим объясняется как небывалое одобрение, так и резкое нападение, которое он встретил. *Мальтус в нужный момент сказал для английской буржуазии нужное слово, и потому, несмотря на то, что его сочинение не содержало ни единого самостоятельно-продуманного положения, сделался великим и знаменитым человеком, и его имя окрестило всё учение* [1]).

Общественные условия, вызвавшие у Мальтуса его предостерегающий крик и его суровое учение,—он обращался с ним к рабочему классу, присоединив таким образом ко,

---

1) Что почитателями Мальтуса сделались Дарвин и другие, показывает только, что недостаток экономических знаний ведет к самым односторонним взглядам в естественнонаучной области.

вреду еще издевательство,—захватывали с каждым десятилетием всё более широкий круг. И это не только в отечестве Мальтуса, Великобритании, но во всех странах мира с капиталистическим способом производства, следствием которого была хищническая система по отношению к земле и порабощение масс машинами и фабриками. Эта система состоит, как указано, в отделении рабочего от его средств труда, будь это земля или орудие, и в переходе средств труда в руки капиталиста. Эта система создает все новые отрасли промышленности, развивает и концентрирует их и в то же время выбрасывает на улицу все новые народные массы, делая их „излишними". Нередко она способствует, как в древнем Риме, образованию латифундий со всеми их последствиями. Ирландия является классической страной в Европе в смысле самого ужасного развития английской хищнической системы. В 1876 году в ней уже было 884,4 кв. миль лугов и пастбищ и только 263,3 кв. миль пахотной земли, и с каждым годом уменьшение населения идет рука об руку с превращением пахотной земли в луга и пастбища для стад овец и коров и в охотничьи участки для лэндлордов. Кроме того ирландская пахотная земля находится нередко как аренда в руках большого числа мелких и самых мелких арендаторов, которые не в состоянии использовать землю настоящим образом. Таким образом Ирландия имеет вид страны, которая из земледельческой снова превращается в пастушескую. При этом население, которое в начале XIX столетия превышало 8 миллионов, упало в настоящее время ниже пяти миллионов, и всё еще несколько миллионов „излишни". Возмущение ирландцев против Англии объясняется таким образом очень просто. Шотландия в отношении условий землевладения и земледелия представляет картину, сходную с Ирландией [1]).

---

[1]) „Два миллиона акров, в том числе самые плодородные поля Шотландии, совершенно запущены. Естественные травы считались самыми питательными в графстве Перс; парк для дичи Бен-Ольдера представлял из себя лучшие луга в округе Баденоха; часть Черногорного леса была лучшим пастбищем для черных овец. О пространстве запущенной для охотничьей забавы земли можно себе составить представление по тому факту, что оно захватывает гораздо большую площадь, чем все графство Перс. О потерях для страны производительных источников вследствие

Нечто подобное повторяется в последнее десятилетие в Венгрии, вступившей в период современного развития. Эта страна так богата плодородной почвой, как немногие другие страны в Европе, и над ней тяготеют долги, ее население обеднело, оно находится в руках ростовщиков. В отчаянии оно выселяется массами. Земля сосредоточена в руках современных магнатов капитала, которые ведут самое отчаянное хищническое лесное и земледельческое хозяйство, так что Венгрия в недалеком будущем перестанет быть страной, вывозящей зерновой хлеб. То же самое мы видим и в Италии. В Италии, как и в Германии, политическое объединение способствовало капиталистическому развитию, но трудолюбивые крестьяне Пьемонта и Ломбардии, Тосканы, Романии и Сицилии всё более впадают в нищету и гибнут. Скоро снова начнут образовываться болота и пустыри там, где несколько десятилетий тому назад находились хорошо обработанные сады и поля мелких крестьян. Перед воротами Рима, в так называемой Кампании, лежат невозделанными сотни тысяч гектаров, и это в местности, которая некогда принадлежала к самым цветущим древнего Рима. Болота покрывают землю и распространяют свои ядовитые миазмы; если бы применением соответствующих средств произвести основательное осушение болот и устроить целесообразное орошение, то население Рима получило бы богатый источник питания и наслаждения. Но Италия страдает великодержавностью, она разоряет население военными и морскими вооружениями, и для культурных задач, как, например, на возвращение плодородия Кампании, у нее нет средств. Подобным образом как и в Кампании, обстоит дело в Южной Италии и Сицилии; эта последняя, некогда житница Рима, нищает всё более; нет населения более эксплоатированного, более нищенски живущего, более теснимого. Невзыскательные сыны прекраснейшей страны Европы наводняют половину Европы и Америки как понижатели заработной платы

этого насильственного опустошения можно судить по тому, что земля парка Бен-Ольдера могла прокормить 15.000 овец и что она составляет только 1/30 всего охотничьего пространства Шотландии. Вся эта охотничья земля безусловно непроизводительна, она могла бы быть с тем же успехом потоплена в волнах Северного моря". „Лондонский Экономист". 2 июля 1866 г.; цит. у Карла Маркса „Капитал", том I.

или они выселяются массами навсегда, не желая умереть с голоду на родной земле, им не принадлежащей. Малярия, эта ужасная лихорадка, принимает в Италии такие размеры, что испуганное правительство уже в 1882 г. принуждено было произвести исследование, которое дало печальный результат: из 69 провинций страны 32 в высшей степени поражены этой болезнью, 32 уже затронуты ею и только 5 пока еще пощажены. Болезнь, которая прежде была известна только в деревне, проникла в город, так как скопленный там пролетариат, увеличенный обнищавшим сельским населением, представляет из себя заразные очаги болезни.

С какой стороны мы ни рассматривали бы капиталистическую хозяйственную систему, мы всегда увидим, что нужда и нищета масс является не вследствие недостатка пищевых и жизненных средств, но вследствие неравномерного распределения их и безобразия нелепой хозяйственной системы, которая для одного создает излишек, а другого лишает самого необходимого. Мальтузианские утверждения имеют смысл лишь с точки зрения капиталистического производства.

С другой стороны, капиталистический способ производства побуждает к производству детей; ему нужны дешовые „руки“ в виде детей для его мастерских и фабрик. У пролетария производство детей является своего рода расчетом; они должны сами зарабатывать на свое содержание. Пролетарий в домашней промышленности даже вынужден иметь много детей, так как в этом лежит его залог, чтобы выдержать конкуренцию. Это поистине отвратительная система; она усиливает обнищание рабочего и его зависимость от предпринимателя. Пролетарий вынужден работать за все более нищенскую плату, и всякий закон по охране труда, всякая новая выдача для той или другой социальной обязанности, которую предприниматель не должен выполнять по отношению к занятым домашней промышленностью, побуждает капиталистов расширить круг этих последних; одним словом, эта система дает предпринимателю такие выгоды, какие он нелегко найдет при другой форме предприятия, но, конечно, природа производительного процесса далеко не всегда делает возможной домашнюю промышленность.

Капиталистическая система производства порождает не только производство товаров и рабочих, но также и интел-

лигенцию; интеллигенция в конце концов точно также всё с большим трудом находит себе заработок: предложение постоянно превышает спрос. Одно только не излишне в этом капиталистическом мире, это—капитал и его собственник—капиталист.

Буржуазные экономисты—мальтузианцы, так как этого требует от них буржуазный интерес, пусть только они не переносят свой буржуазный вздор на социалистическое общество. Джон Стюарт Милль говорит: „Коммунизм имеет такое положение вещей, при котором следует ожидать, что общественное мнение с величайшей интенсивностью выскажется против этого рода себялюбивой невоздержанности. Всякое увеличение народонаселения, которое уменьшило бы его приятное положение или увеличило его труд, должно бы для каждого отдельного индивидуума в ассоциации иметь непосредственные и несомненные удобства, и в этом неудобстве нельзя было бы винить тогда корыстолюбие работодателя или несправедливое правление богатых. При столь изменившихся обстоятельствах общественное мнение не могло бы не высказать своего осуждения, и если бы этого было недостаточно, то та или другая общественно-вредная невоздержанность была бы устранена какими-нибудь наказаниями. Таким образом коммунистическая теория ни в коем случае не заслуживает особенного упрека, вытекающего из опасности перенаселения. Скорее она как раз рекомендует себя тем, что в ней в высокой степени заключается тенденция противостоять этому бедствию“. И профессор Вагнер [в примечании] на стр. 376 учебника политической экономии Рау выражается так: „менее всего в социалистическом общежитии может быть предоставлена свобода брака или свобода зачатия детей“. Названные исходят таким образом из взгляда, что стремление к перенаселению обще всем общественным состояниям, и оба думают, что социализм будет в состоянии, более чем какая-либо другая общественная форма, привести в равновесие отношения между населением. Второе правильно, первое нет.

Существовали, правда, социалисты, которые, будучи подкуплены мальтузианскими идеями, опасались, что „близится“ опасность перенаселения. Но эти социалистические мальтузианцы исчезли. Более глубокое проникновение в теорию

и сущность буржуазного общества излечило их от этого заблуждения. Точно так же поучителен для нас и плач наших аграриев о том, что мы производим, с точки зрения мирового рынка, слишком много пищевых средств, так что понижение цен сделало недоходным их производство.

Наши мальтузианцы воображают, и хор буржуазных говорунов бессмысленно повторяет за ними, что социалистическое общество, в котором существует свободный выбор в любви и достойное человека существование для всех, будет представлять из себя какое-то „царство кроликов"; оно подпадает самому невоздержанному половому наслаждению и массовому производству детей. До сих пор наибольшее число детей в среднем имеют не лучше поставленные слои населения, а, напротив, наихудше поставленные, и можно даже без преувеличения сказать: *чем беднее слои пролетариев, тем многочисленнее в среднем рождающиеся в нем дети; разумеется, встречаются исключения.* Это подтверждает и Вирхов, который в середине прошлого столетия писал: „Как английский рабочий в своей глубочайшей опущенности, в своем крайнем духовном падении знает в конце концов только два наслаждения: выпивку и половое общение, так и верхнесилезское население *до последних лет* все свои желания, все свои стремления сосредоточивает на этих двух вещах. Водка и удовлетворение половой потребности приобрели над ними верховную власть, и этим легко объясняется, что население точно так же быстро возрастало в числе, как теряло в физической силе и моральной выдержке".

Подобным же образом высказывается в „Капитале" и Карл Маркс. Он пишет: „На деле не только масса рождений и смертных случаев, но и абсолютная величина семей стоит в обратном отношении к высоте заработной платы, т.-е. к массе жизненных средств, которыми располагают различные категории рабочих. *Этот закон капиталистического общества казался бы бессмыслицей среди дикарей или даже цивилизованных колонистов.* Он напоминает массовое производство индивидуально слабых и загнанных животных видов". Маркс цитирует далее Лянга, который говорит: „Если бы все в мире находились в удобных условиях, то мир скоро бы опустел". Лянг держится, таким образом, противоположного

взгляда, чем Мальтус: „хорошее жизненное положение способствует не увеличению, но уменьшению рождений“. То же говорит и Герберт Спенсер: „всегда и всюду усовершенствование и способность к произведению потомства противодействуют друг другу. Из этого следует, что дальнейшее развитие, которое предстоит человечеству, поведет, вероятно, к *уменьшению его размножения*“.

Таким образом в этом пункте сходятся люди, в других отношениях стоящие на разных точках зрения. К их воззрениям в данном случае присоединяемся и мы.

С вопросом о населении можно было бы быстро покончить, сказав, что в будущем, которое мы можем обозреть, опасения перенаселения вообще не имеют смысла, так как мы находимся среди такого избытка пищевых средств — и этот избыток с каждым годом грозит возрасти, что забота о том, куда мы денемся с этим богатством, гораздо уместнее, чем забота, хватит ли его. Для производителей жизненных средств более быстрый рост потребителей был бы даже самым желательным. Но наши мальтузианцы в выставлении своих доводов так неутомимы, что необходимо на них ответить, чтобы избежать утверждения, будто на эти доводы нельзя ответить.

Они утверждают, что опасность перенаселения лежит в недалеком будущем и вытекает из закона „убывающей земельной производительности“. Наша культурная почва будто бы устала производить, повышение урожаев нельзя более ожидать, так как способная к культуре почва, которая еще могла бы быть обработана, становится всё реже, и опасность недостатка пищи при дальнейшем увеличении населения становится непосредственной. Правда, в отделах о сельскохозяйственном использовании почвы мы, как нам кажется, неопровержимо доказали, какие огромные успехи может сделать еще человечество даже с точки зрения современной агрономии в смысле добычи новых масс пищевых веществ, но всеже приведем несколько примеров: один очень толковый, умный поземельный собственник и признанный политикоэконом, т.-е. человек в обоих направлениях значительно превосходящий Мальтуса, уже в 1850 г., т.-е. в то время, когда агрономическая химия была еще в зачатке, высказывается так: „Производительность при производстве

сырья, особенно пищевых веществ, в будущем не будет отставать от обрабатывающей промышленности и транспорта... В наши дни агрономическая химия только начинает открывать сельскому хозяйству горизонты, которые, без сомнения, могут еще повести к ложным шагам, но которые в конце концов поставят создание пищевых веществ точно так же в зависимость от сил общества, как ныне в его власти произвести любое количество сукна, раз имеются налицо необходимые запасы шерсти".

Юстус фон-Либих — творец агрономической химии — держится взгляда, что „если человеческая работа и средства удобрения имеются в достаточном количестве, то почва неистощима и беспрерывно дает богатейшие урожаи". Закон убывающей производительности почвы—мальтузианская выдумка, которая в свое время при очень неразвитом сельскохозяйственном культурном состоянии могла еще быть принята, но теперь давно опровергнута наукой и опытом. Скорее законом можно признать положение: *производительность поля стоит в прямом отношении к примененной к нему человеческой работе* (в том числе науки и техники) *и положенному на него удобрению.* Если мелко-крестьянской Франции удалось в течение последних 90 лет более чем учетверить производство своей почвы, в то время как население даже не удвоилось, то каких результатов можно ожидать от общества, ведущего социалистическое хозяйство. Наши мальтузианцы не замечают, далее, что при современных условиях надо принимать во внимание не только нашу почву, но почву всего мира, т.-е. в значительной степени почву стран, плодородие которых превышает плодородие нашей почвы в 20—30 и более раз. Земля, правда, уже в достаточной мере захвачена людьми, *но за исключением небольшой части ее нигде не обрабатывают и ею нигде не пользуются так, как это было бы можно.* Не только Великобритания, но и Франция, Германия и Австрия, и в еще большей степени остальные страны Европы, могли бы производить несравненно больше пищевых средств, чем они производят ныне. В небольшом Вюртемберге с его 879.970 гектарами пахотной земли одним только применением парового плуга среднее количество урожая можно было бы повысить с 6.410.000 центн. до 9.000.000 центн. зерна.

Европейская Россия, если за масштаб принять население Германии, могла бы, вместо 100 миллионов, которые она приблизительно насчитывает в настоящее время, прокормить 475 милл. В настоящее время Европейская Россия насчитывает 1.000 жителей на квадратную милю [1]), а Саксония свыше 12.000.

Возражение, что в России есть обширные пространства земли, где плодородие не может быть повышено вследствие климата, справедливо, но зато в других местах, особенно на юге, климат, плодородие почвы в России таковы, каких и отдаленно не знает Германия. Далее, с усилением густоты населения и с возрастанием культуры почвы произойдут такие изменения в климате, которые в настоящее время невозможно измерить. Всюду, где в густых массах собирается человек, происходят и климатические изменения. Этим явлениям мы придаем слишком мало весу и не можем их измерить во всем их объеме, так как при современном порядке вещей у нас нет ни побуждений, ни возможности поставить опыты в широких размерах. Далее, все путешественники согласны в том, что, например, на далеком севере Сибири, где весна, лето и осень быстро следуют друг за другом и продолжаются немногие месяцы, сразу развивается удивительно богатая растительность. Точно так же как и слабо населенные Швеция и Норвегия с их обширными лесами и с их, можно сказать, неисчерпаемыми подземными богатствами, их массою рек, их морскими берегами—могли бы служить богатым источником питания для густого населения. При нынешних условиях нет средств, чтобы дать проявиться богатству этих стран, и из этих слабо населенных стран часть население даже выселяется.

То, что можно сказать о севере, приобретает несравненно большее значение для юга Европы: для Португалии, Испании, Греции, Румынии, Венгрии, Турции и т. д. Превосходный климат, почва тучная и плодоносная, какая едва ли где имеется в лучших местностях Соединенных Штатов, дает для бесчисленных масс населения *богатейшую* пищу. Ненормальные политические и социальные условия этих стран

[1]) Здесь имеется в виду примерно 49 квадр. верст и плотность населения в 22,5 человека на одну кв. версту.

ведут к тому, что сотни тысяч переселяются из Европы за океан, вместо того чтобы оставаться на родине, в этих несравненно ближе и удобнее лежащих странах. Как только здесь возникнут разумные социальные и политические учреждения, так понадобятся миллионы людей, чтобы эти обширные, плодородные страны поднять на высшую культурную ступень.

В Европе в течение продолжительного времени, для того чтобы достичь существенно-высших культурных целей, мы будем чувствовать не избыток людей, а скорее нехватку или *недостаток* в них, и при таких обстоятельствах было бы абсурдом предаваться страху по поводу перенаселения. Притом нужно иметь в виду, что использование существующих источников питания, благодаря применению науки и труда, *не знает никаких пределов, и каждый день приносит нам новые открытия и изобретения, которые увеличивают источники для получения пищи.*

Если мы из Европы перейдем в другие части света, то там мы встретим *еще в большей степени недостаток в людях и избыток в земле.* Самые тучные и плодородные страны земли еще почти *совершенно* не использованы, так как их расчистка и эксплоатация не может быть предпринята несколькими тысячами людей, *а требует массовой организации многих миллионов, чтобы до некоторой степени подчинить себе эту чересчур роскошную природу.* К ним относятся, между прочим, центральная и южная Америка, пространство в сотни тысяч кв. миль. Аргентина культивировала, например, в 1892 году только около 5 миллионов гектаров, между тем в этой стране имеется 96 милл. плодородной почвы. Удобная для пшеницы почва южной Америки, лежащая еще без употребления, исчисляется по меньшей мере в 200 милл. гектаров. Между тем Соединенные Штаты, Австро-Венгрия, Великобритания и Ирландия, Германия и Франция, взятые вместе, обрабатывают для зернового хлеба только около 105 милл. гект. Карэй четыре десятилетия тому назад утверждал, что одна только долина Ориноко, простирающаяся на 360 милл., могла бы дать пищевых средств в таком количестве, *что ими можно было бы прокормить все человечество.* Примем только половину, и то будет слишком достаточно. Во всяком случае, одна только

ведут к тому, что сотни тысяч переселяются из Европы за океан, вместо того чтобы оставаться на родине, в этих несравненно ближе и удобнее лежащих странах. Как только здесь возникнут разумные социальные и политические учреждения, так понадобятся миллионы людей, чтобы эти обширные, плодородные страны поднять на высшую культурную ступень.

В Европе в течение продолжительного времени, для того чтобы достичь существенно-высших культурных целей, мы будем чувствовать не избыток людей, а скорее нехватку или *недостаток* в них, и при таких обстоятельствах было бы абсурдом предаваться страху по поводу перенаселения. Притом нужно иметь в виду, что использование существующих источников питания, благодаря применению науки и труда, *не знает никаких пределов, и каждый день приносит нам новые открытия и изобретения, которые увеличивают источники для получения пищи.*

Если мы из Европы перейдем в другие части света, то там мы встретим *еще в большей степени недостаток в людях и избыток в земле.* Самые тучные и плодородные страны земли еще почти *совершенно* не использованы, так как их расчистка и эксплоатация не может быть предпринята несколькими тысячами людей, *а требует массовой организации многих миллионов, чтобы до некоторой степени подчинить себе эту чересчур роскошную природу.* К ним относятся, между прочим, центральная и южная Америка, пространство в сотни тысяч кв. миль. Аргентина культивировала, например, в 1892 году только около 5 миллионов гектаров, между тем в этой стране имеется 96 милл. плодородной почвы. Удобная для пшеницы почва южной Америки, лежащая еще без употребления, исчисляется по меньшей мере в 200 милл. гектаров. Между тем Соединенные Штаты, Австро-Венгрия, Великобритания и Ирландия, Германия и Франция, взятые вместе, обрабатывают для зернового хлеба только около 105 милл. гект. Карэй четыре десятилетия тому назад утверждал, что одна только долина Ориноко, простирающаяся на 360 милл., могла бы дать пищевых средств в таком количестве, *что ими можно было бы прокормить все человечество.* Примем только половину, и то будет слишком достаточно. Во всяком случае, одна только

южная Америка могла бы прокормить *в несколько раз большее число людей,* чем живет в настоящее время на земном шаре. Питательная ценность пространства, насажденного банановыми деревьями, и питательная ценность одинакового пространства, засеянного пшеницей, относятся друг к другу, как 133:1. В то время как наша пшеница на благоприятной почве дает от сам-12 до сам-20, рис в своем отечестве дает от сам-80 до сам-100, а маис от сам-250—300, и о некоторых местностях, как например о Филиппинах. утверждают, что там урожай риса достигает до сам-400.

При всех этих пищевых средствах дело идет о том, чтобы приготовлением сделать их возможно более питательными. В вопросах питания для химии предстоит бесконечный путь развития.

Центральная южная Америка, особенно Бразилия, которая почти одна равняется Европе, — Бразилия занимает 152.000 кв. миль приблизительно с 18.000.000 жителей, а Европа 178.000 кв. миль приблизительно с 36.000.000 жителей, — поражают своею тучностью и плодородием всех путешественников; кроме того, эти страны неистощимо богаты рудою и металлами. Но для мира они почти еще не раскрыты, так как их население отличается вялостью и слишком незначительно и некультурно, чтобы сделаться господином могучей природы. Как выглядит дело в Африке, показали нам открытия последних десятилетий. Если даже большая часть внутренней Африки никогда не будет удобна для европейской почвенной культуры, то другие территории огромных размеров, несомненно, будут в высшей степени удобны, как только будут применены разумные принципы колонизации. С другой стороны, и в Азии существуют еще обширные плодородные страны, которые могут прокормить бесчисленные миллионы. Прошлое показывает нам, как в ныне бесплодных, почти пустынных местностях мягкий климат выманивал из почвы богатейшие средства питания, если человек умел давать земле благословенную воду. С уничтожением грандиозных водопроводов и оросительных сооружений в передней Азии, в стране Тигра и Евфрата, тысячи квадратных миль были превращены в песчаные пустыни опустошительными завоевательными войнами и безумным угнетением населения. Это как в Азии, так и в Северной

Америке, в Мексике и в Перу. Как только появятся здесь миллионы цивилизованных людей, так откроются неистощимые источники питания. Финиковые пальмы растут в Азии и Африке в баснословном количестве, и для них требуется так мало места, что 200 финиковых деревьев умещаются на моргене земли. Дурра приносит в Египте более, чем 3.000-кратный посев, и все же страна бедная. Не вследствие убытка людей, но вследствие хищнической системы с каждым десятилетием пустыня распространяется всё далее. Какие грандиозные результаты принесла бы в этих странах средняя европейская обработка полей и садов, это не поддается никакому вычислению.

Соединенные Штаты Северной Америки, принимая во внимание современное состояние земледельческого производства, *легко* могли бы прокормить население, превышающее современное (75 милл.) в 15, даже в 20 раз, т.-е. от 1.200—1.500 милл.; Канада могла бы в том же отношении дать пищу, вместо 6 милл., многим сотням миллионов. Далее, мы имеем Австралию, многочисленные, большей частью плодородные, острова Великого и Индийского океанов и т. д. *Увеличивать число людей,* а не уменьшать — таков клич, обращенный к человечеству во имя культуры.

Повсюду недостаток и нищета вызываются социальными учреждениями, существующим способом производства и распределения продуктов, а не *чрезмерным* числом людей. Несколько богатых урожаев, *следующих один за другим,* так понижают цены пищевых средств, что гибнет значительная часть наших земледельцев. Вместо того чтобы улучшить положение производителей, они его ухудшают. Значительная часть сельских хозяев *видит в настоящее время в хорошем урожае несчастье,* так как он так понижает цены, что едва покрывает издержки производства. Неужели это разумный порядок вещей? Чтобы не допустить к нам урожайное богатство других стран, вводятся высокие хлебные пошлины, — этим затрудняется ввоз иностранного зерна и туземное поднимается в цене. *У нас не недостаток, а избыток пищевых средств, как избыток промышленных продуктов.* Как миллионы людей, нуждаясь в промышленных произведениях всякого рода, не могут получить их при существующих отношениях собственности и зара-

ботка, так миллионы страдают от недостатка самых необходимых жизненных средств, так как они не могут заплатить за них, а между тем этих жизненных средств имеется в избытке, и мы снова спрашиваем: неужели это разумный порядок вещей? Нелепость подобного порядка очевидна. При богатом урожае наши хлебные спекулянты намеренно дают гибнуть хлебу, зная, что цена при недостатке хлеба прогрессивно повышается, а мы должны бояться перенаселения. В России, южной Европе и многих других странах света ежегодно портятся *сотни тысяч* зернового хлеба, вследствие отсутствия соответствующих помещений и средств перевозки. Многие миллионы центнеров пищевых средств ежегодно пропадают, так как жатвенные приспособления несовершенны или в решительный момент не хватает рук для уборки. Амбары, гумна, наполненные хлебом, и целые имения сжигаются, так как страховая премия повышает прибыль. По тем же мотивам уничтожают жизненные средства и топят корабли вместе с людьми. Во время наших военных упражнений ежегодно портятся значительные посевы: издержки маневров, продолжающихся лишь несколько дней, доходят до сотен тысяч, а оценка, как известно, производится очень умеренно; таких маневров бывает ежегодно значительное число. С той же целью скашиваются целые деревни, и обширные земельные площади отнимаются от всякой культуры.

Не надо забывать, что ко всем упомянутым вспомогательным источникам присоединяется море, водная поверхность которого относится к земной поверхности, как 18 : 7, т.-е. в 2½ раза больше, и рациональное использование этого огромного пищевого богатства еще не началось. Таким образом для будущего нам открывается картина совсем иная, чем тот жалкий рисунок, какой подносят нам наши мальтузианцы. Кто вообще может сказать, где следует провести границу для наших химических, физических, физиологических знаний. Кто осмелится предсказать, какие колоссальные предприятия создаст человечество в будущем столетии, чтобы добиться существенных изменений климатических условий стран и пользования их почвою.

Уже при капиталистической форме производства мы видим выполненными предприятия, которые столетия тому

назад считались невозможными и безумными. Широкие перешейки прокапываются и моря соединяются, туннели в несколько миль длиною просверливают земные недра и соединяют страны, отделенные высочайшими горами; другие прорываются под морским дном, чтобы сократить расстояние, чтобы устранить затруднения и опасности, существующие для стран, отделённых морем. Где же та точка, про которую кто-нибудь мог бы сказать: „до сих пор, не дальше“? Не только на основании наших современных знаний следует отвергать закон убывающего плодородия почвы, но можно утверждать, что кроме того существует в избытке удобная для обработки почва, которая ждет тысячи миллионов земледельцев.

Если бы следовало одновременно приняться за все эти культурные задачи, то у нас было бы не слишком много, а слишком мало людей. Человечество должно еще сильно размножаться, чтобы быть в состоянии выполнить все предстоящие ему задачи. С одной стороны, обрабатываемая земля еще не использована так, как могла бы быть; с другой стороны, почти для $^3/_4$ *земной поверхности не хватает еще людей, чтобы возможно было ее обрабатывать.* Относительное перенаселение, которое ныне постоянно порождается капиталистической системой ко вреду рабочего и общества, *на высшей культурной ступени окажется благодеянием.* Наивозможное многочисленное население является не препятствием, а средством культурного прогресса и притом совершенно так, как существующее производство товаров и жизненных средств, разрушение брака применением женского и детского труда в современной промышленности и эксплоатация средних слоев крупным капиталом являются предварительными условиями для высшей культурной ступени.

Другая сторона вопроса гласит: размножаются ли люди в любом числе и *есть ли у них к этому потребность?*

Чтобы доказать огромную способность к размножению людей, мальтузианцы любят ссылаться на исключительные случаи отдельных семей и народностей. Но этим ничего не доказано. Против этих случаев стоят другие, когда, несмотря на благоприятные жизненные условия, через короткое время наступало полное бесплодие или лишь очень незна-

чительное размножение. Поразительно, как быстро вымирают часто зажиточные семьи. Хотя в Содиненных Штатах условия для размножения населения благоприятнее, чем в какой-либо другой стране, и туда ежегодно переселяются сотни тысяч в самом крепком возрасте жизни, тем не менее их население удваивается лишь в 30 лет. Для 12- или 20-летнего периода удвоения, о котором так много говорилось, нигде не существует доказательств в более широком размере.

Как было уже доказано цитатами из Вирхова и Маркса, население размножается всего скорее там, *где оно всегда беднее,* потому что, как справедливо указывает Вирхов, на ряду с выпивкой удовлетворение половой потребности является для него единственным удовольствием. Когда Григорий VII принудил духовенство к безбрачию, то лица низшего духовенства Майнцской епархии, как мы приводили, жаловались, что у них нет, как у прелатов, всевозможных наслаждений: их *единственная* радость—жена. Отсутствие многосторонней деятельности служит, быть-может, одною из причин, что браки сельского духовенства в среднем так многодетны. Неоспоримо далее, что в наших беднейших округах, в Силезских горах, Ляузице, Тюрингии, Гарце и т. д., население особенно густо, а питается оно главным образом картофелем. Установлено далее, что у чахоточных половая потребность развита особенно сильно и они часто производят детей в стадии упадка сил, когда это казалось бы совершенно невозможным. Закон природы, выраженный в вышеприведенных замечаниях Герберта Спенсера и Ляэнга, это—замещение количеством того, что теряется в качестве. Высокоразвитые и наиболее сильные животные: лев, верблюд, слон и т. д. и наши домашние животные: лошадь, осел, корова приносят очень мало потомства, между тем как животные низшей организации размножаются в обратном отношении, например: все виды насекомых, большинство рыб и т. д., мелкие млекопитающие, как зайцы, мыши, крысы и т. д. С другой стороны, Дарвин установил, что известные животные, переходя из дикого состояния в домашнее и будучи приручены, теряют свою плодовитость, как например слон. Этим доказано, что *изменение жизненных условий и вытекающее отсюда изменение образа*

жизни являются решающим для более или менее большой способности размножения.

Но как раз дарвинисты разделяют страх перенаселения, и на их авторитет ссылаются наши современные мальтузианцы. Нашим дарвинистам никогда не везет, когда прилагают свои теории к людям, так как при этом они держатся грубой эмпирической точки зрения и не принимают во внимание, что, хотя человек и высшее организованное животное, но в противоположность другим животным познает другие законы природы и может сознательно пользоваться ими и направлять их.

Теория о борьбе за существование, учение, что зародышей для новых существований имеется больше, чем может быть сохранено для жизни на основании имеющихся средств, относилась бы и к людям, если бы они, вместо того чтобы напрягать свой мозг и брать себе на помощь технику, чтобы целесообразно использовать воздух, землю и воду, паслись как стада или подобно обезьянам безудержно предавались удовлетворению своей половой потребности, т.-е. сами превратились бы в обезьян. Кстати, в том факте, что кроме людей только еще у обезьян половое стремление не ограничено определенными периодами, является убедительным доказательством родства между обоими. Но хотя они находятся и в близком родстве—они не одно и то же; их нельзя поставить на одну ступень и измерять одинаковой мерой. Пусть это заметит себе и Циглер, который в своем многократно цитированном сочинении делает это сравнение. Что при современных имущественных производственных отношениях борьба за существование имеет свое место для отдельных людей и многие не находят необходимых условий для жизни,—это верно. Но они не находят средств к существованию не потому, чтобы их не хватало, а потому, что среди величайшего избытка социальные отношения не допускают воспользоваться ими. И ложно делать отсюда вывод, что, если так было до сих пор, то этого нельзя изменить и что так должно оставаться вечно. Здесь тот пункт, где дарвинисты вступают на ложный путь. Они, правда, изучают естественную историю и антропологию, но не изучают социологию, а без дум покорно следуют за нашими

буржуазными идеологами; таким образом они приходят к ложным выводам.

Половая потребность у человека—его самая сильная потребность, она требует своего удовлетворения под угрозою нарушения здоровья и она обыкновенно тем сильнее, чем здоровее и нормальнее развит человек, точно так же, как хороший аппетит и хорошее пищеварение указывают на здоровый желудок и являются основными условиями для здорового тела. Но удовлетворение половой потребности и зачатие не одно и то же. О плодовитости человеческого рода выставлены самые различные теории. В общем в этих чрезвычайно важных вопросах мы бродим еще в темноте и притом главным образом потому, что многие столетия существовал бессмысленный страх заниматься законами возникновения и развития человека и основательно изучать законы зачатия и развития. Мало-по-малу это изменяется и должно еще больше измениться.

С одной стороны, выставляются теории, что высшее духовное развитие и усиленные умственные занятия, вообще нервная высшая деятельность действуют угнетающим образом на половую потребность и ослабляют способность зачатия, с другой стороны—это оспаривается. Указывают на тот факт, что лучше поставленные классы имеют в среднем меньше детей и что это нельзя приписать только предупредительным средствам. Несомненно, сильно напряженная умственная деятельность действует угнетающим образом на половую потребность, но чтобы в этой деятельности было повинно большинство нашего имущего класса,—с этим трудно согласиться.

С другой стороны, чрезмерное физическое напряжение действует также угнетающим образом. Но всякое чрезмерное напряжение вредно и поэтому его нужно отбросить.

Другие утверждают, что образ жизни, в особенности пищи, на ряду с известными физическими свойствами женщины, определяют способность зачатия и восприятия. Соответствующая пища, как это видно на животных, более чем что-либо другое влияет на акт зачатия. Здесь нужно искать решения. Какое влияние род питания производит на организм известных животных, поразительным образом констатировано у пчел, которые, давая определенную пищу, по

произволу выводят царицу. Пчелы, таким образом, в познании развития своего пола стоят дальше, чем люди. Надо полагать, что им в течение двух тысячелетий не проповедывали, что „неприлично“ и „безнравственно“ заботиться о вещах, относящихся к половой жизни.

Известно, далее, что растения, посаженные в хорошую и сильно унавоженную почву, роскошно разрастаются, но не дают семян. Что и у человека род пищи влияет на состав мужского семени и на способность к оплодотворению женского яйца, в этом вряд ли можно сомневаться, и, таким образом, следует думать, что способность к размножению населения в высокой степени зависит от рода питания. Другие факторы, природа которых еще мало изучена, точно так же должны играть роль. Не можем, например, не отметить, что одна знакомая нам молодая супружеская чета несмотря на долголетний брак не имела детей, а потом, когда она разошлась и каждый из супругов снова вступил в брак, у того и у другого тотчас появились здоровые дети.

В вопросе о населении в будущем одно имеет решающее значение: это более высокое, более свободное положение, которое тогда займут все наши женщины без исключения. У интеллигентных и энергичных женщин — об исключениях не говорим — нет склонности давать жизнь большому числу детей по „божьей воле“ и проводить лучшие годы жизни в состоянии беременности или с ребенком на груди. Это нежелание иметь много детей, которое уже и в настоящее время заметно у большинства женщин, должно в будущем, несмотря на все заботы, которые проявит социалистическое общество по отношению к беременным и матерям, скорее усилиться, чем ослабнет, и по нашему мнению очень вероятно, что в социалистическом обществе размножение населения будет совершаться медленнее, чем в буржуазном.

Наши мальтузианцы, право, не имеют накаких оснований ломать себе головы по поводу увеличения человечества в будущем. До сих пор народы гибли, правда, от уменьшения своей численности, но никогда от своей чрезмерной численности. В конце концов регулирование народонаселения в обществе, живущем согласно природе, со-

вершается без вредного воздержания и без противоестественного употребления предупредительных средств. Карл Маркс и здесь окажется прав для будущего; его воззрение, что у каждого экономического периода развития имеется свой особый закон населения, оправдывается при господстве социализма.

В сочинении „Искусственное ограничение числа детей“ Ганс Ферди придерживается такого взгляда.

Социал-демократия, выступая против мальтузианства, оказывается большой шельмой. Быстрое увеличение населения благоприятствует образованию массового пролетариата, а вместе с тем усиливает недовольство. Если удастся справиться с перенаселением, то конец распространению социал-демократии, и ее социал-демократическое государство со всем своим великолепием навеки похоронено. Здесь, таким образом, ко многим старым присоединяется новое средство убить социал-демократию—мальтузианство. Грандиозное невежество истребителя социалистов Ферди по отношению к социал-демократии видно лучше всего из следующих положений, которые мы находим на странице 40-й его сочинения:

„Социал-демократия в своих требованиях пойдет дальше, чем ново-мальтузианцы. Она будет требовать, чтобы минимальная заработная плата была так установлена, чтобы каждый рабочий мог производить число детей, возможное по общественному состоянию средств питания“.

„Раз из социал-демократии будут сделаны последние выводы и уничтожена частная собственность, тогда и самый простоватый скажет себе: „Зачем это я должен работать дольше и тяжелее из-за того только, что моему соседу угодно втолкнуть в общество дюжину новых сочленов“.

Следовало бы сначала познакомиться с азбукой социализма, а потом уже отваживаться писать о нем, и притом еще такой несуразный вздор.

В социалистическом обществе человечество впервые, будучи действительно свободным и стоя на своей естественной основе, будет сознательно направлять свое развитие. Во все предыдущие эпохи в отношении производства и распределения, точно так же как и в вопросе увеличения

населения, оно действовало, не зная своих законов, т.-е. бессознательно; в новом обществе оно будет действовать планомерно и сознательно, зная законы своего собственного развития.

Социализм—это наука, примененная ко всем областям человеческой деятельности.

(А. Бебель. „Женщина и социализм". Изд. Петросовета 1919 г. стр. 377—394.)

ГЛАВА VIII. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

1. Как молода еще история человечества!..

На заре истории человечества стоит открытие превращения механического движения в теплоту: добывание огня трением; в конце заканчивающегося ныне периода развития — открытие превращения теплоты в механическое движение: паровая машина. Несмотря на гигантский освободительный переворот, который совершила в социальном мире паровая машина, — он еще не закончен и наполовину. Можно сказать безошибочно, что изобретение паровой машины далеко не имеет того значения, как открытие добывания огня, по своей роли в освободительном движении, так как огонь доставил человеку впервые господство над известной силой природы и тем окончательно отделил его от животного царства. Паровая машина никогда не будет в состоянии произвести такого громадного перелома в развитии человечества, как бы она ни представлялась нам способной, благодаря громадным производительным силам, осуществить общественный строй, в котором не будет уже никаких классовых различий, никаких забот о средствах индивидуального существования и в котором впервые можно будет говорить о действительной человеческой свободе, о существовании в гармонии с познанными законами природы. Как молода еще история человечества и как было бы смешно приписывать нашим теперешним воззрениям какое бы то ни было абсолютное значение, — уже понятно из того, что вся протекшая история человечества может быть охарактеризована как история периода времени от практического открытия превращения механического движения в теплоту до открытия превращения теплоты в механическое движение.

(Фр. Энгельс. „Анти-Дюринг". Изд. Петросовдепа 1918 г., стр. 102.)

2. Из царства необходимости в царство свободы.

Общественное присвоение [средств производства. Сост.] устранит не только ныне существующие искусственные тормозы производства, но устранит также и положительное истребление и разрушение производительных сил и продуктов — этого ныне неизбежного спутника производства, достигающего своей кульминационной точки в кризисах. Далее, общественное присвоение устранит безумную расточительную роскошь ныне господствующего класса и его политических представитесей, освободит массу средств производства и продуктов в пользу общества. Возможность обеспечить посредством общественного производства всем членам общества существование, не только материально вполне удовлетворительное и к тому же с каждым днем все улучшающееся, но гарантировать им также всестороннее свободное развитие и применение их физических и духовных способностей,—такая возможность окажется впервые, но она окажется несомненно.

С переходом средств производства во владение общества упраздняется товарное производство, а с ним и господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства будет заменена планомерной, сознательной организацией. Борьба за личное существование прекратится. Только тогда человек в известном смысле окончательно отделится от царства животных и перейдет из животных условий в истинно человеческие. Сфера окружающих человека жизненных условий, которая доныне господствовала над людьми, впервые подчинится господству и контролю людей, которых впервые станут сознательными действительными царями природы, потому что, по мере того как они станут господами своего собственного общества, законы их собственной общественной работы, которые до сих пор противостояли им, как посторонние над ними господствовавшие естественные законы, будут тогда с полным знанием дела применяться людьми и подчиняться им. Обобществление самих людей, которое до сих пор противостояло им, как навязанное извне природой и историей, станет тогда их собственным созданием. Объективные посторонние силы,

до сих пор господствовавшие в истории, поступят под контроль самих людей. Лишь с этого момента люди начнут сами вполне сознательно делать свою историю; лишь с этого момента созданные ими общественные причины будут иметь преимущественно и во всё возрастающей ступени желаемые ими следствия. Это — скачок из царства необходимости в царство свободы.

(Фр. Энгельс. „Анти-Дюринг". Гиз. 1923, стр. 257—258.)

3. Сверхчеловек будущего.

Для того, чтобы пролетариат мог приобрести силу низвергнуть своих столь грозных противников, понадобится высокая интеллигентность, строгая дисциплинированность, безупречная организованность широких масс пролетариев. и эти последние должны будут стать в то же время безусловно необходимыми для всей экономической жизни страны. Лишь тогда достигнет победы пролетариат, когда он разовьет в себе все эти свойства до самой высокой степени, и его господство, а следовательно и социальная революция, наступит поэтому не раньше, как будут налицо в достаточной степени не только экономические, но и психологические предпосылки социалистического общества. Нам, наверное, не придется слишком долго ждать этой психологической зрелости, потому что она вовсе не требует, чтобы люди сделались ангелами.

Но если современным пролетариям немного уже надобно измениться, чтобы стать зрелыми для социалистического общества, то от этого последнего мы безусловно в праве ожидать, что оно значительно изменит характер человека. Создание высокого типа человека по сравнению с теперешним хотят выставить *предварительным условием* социалистического общества; но так как капиталистическое общество решительно не в состоянии сделать этого, то это было бы совершенно неосуществимое условие. Не условием, а результатом социализма явится это. Социализм принесет людям обеспеченность, спокойствие и досуг, он поднимет их душу выше будничных забот, ибо им не придется уже изо дня в день думать о насущном хлебе. Социализм сделает

каждую отдельную личность независимою от других личностей и искоренит таким образом и холопские чувства и чувство презрения к людям. Он сравняет деревню с городом, сделает доступными людям все сокровища богатой культуры и вернет им природу, из которой они почерпнут силу и жизнерадостность.

Вместе с психологическими корнями пессимизма он вырвет и его социальные корни: нищету и придавленность (Verkommenheit) одних, которые нужду возводят в степень добродетели, пресыщение других, которые, пользуясь без труда всеми благами жизни, успели выпить чашу наслаждения до дна. Социализм устранит и нужду, и пресыщение, и извращение природы, он сделает людей жизнерадостными, способными наслаждаться, умеющими ценить красоту. Он принесет всем свободу научного и художественного творчества.

Не в праве ли мы предположить, что при таких условиях создастся новый тип человека, стоящий выше самых высоких типов, какие создавала до сих пор культура. Это будет сверхчеловек, если хотите, но он будет не исключением, а правилом, он будет сверхчеловеком по сравнению со своими предками, а не со своими ближними. Это будет человек высокой души, который ищет себе удовлетворения не в том, чтобы быть великим среди искалеченных карликов, а в том, чтобы быть великим среди великих, счастливым среди счастливых,— который будет почерпать сознание своей силы не из того, что он возвышается над трупами раздавленных, а из того, что союз с равными ему, стремящимися к одной цели, людьми дает ему мужество бороться за разрешение величайших проблем.

Мы в праве ожидать таким образом, что наступит царство силы и красоты, достойное идеалов наших глубочайших и благороднейших мыслителей.

(К. Каутский. „На другой день после социальной революции". Заимствуем из С. Ю. Семковский. Марксистская Хрестоматия. Т. 1. Укр. Гиз. 4 изд. 1924 г., стр. 696—697.)

Краткий словарь собственных имен и некоторых малопонятных слов.

При составлении настоящего словаря мы пользовались, главным *образом. Популярным Политсловарем, изд. „Красная Новь“, М. 1924 г.*, и некоторыми примечаниями к полному собранию сочинений В. И. Ленина.

А.

Абсентеизм — отсутствие. Отсутствие государственного или общественного деятеля там, где он должен быть по обязанностям своим. Абсентеизм избирателей — уклонение лиц, пользующихся избирательным правом, от участия в выборах. Абсентеизм депутатов — постоянное отсутствие депутатов на заседаниях того органа, куда они избраны, например на заседаниях Совета Р. и К. Д.

Авангард — передовой отряд армии и флота. В переносном смысле авангардом считается передовая часть класса, наиболее активная и наиболее сознательная (Р.К.П. — авангард рабочего класса).

Автономия: 1) Законодательная, или политическая. Автономия — право страны, входящей в состав какого-либо государства, иметь собственное законодательство. Таково, напр., право автономных республик, входящих в состав СССР, самостоятельно решать в известных пределах касающиеся их дела. 2) Административная автономия, или самоуправление — право какой-либо области или корпорации управлять своими местными или корпоративными делами на основании установленных законов.

Аггрессивный — наступательный, завоевательный, задорный.

Адлер, Виктор, — один из основателей и вождей австрийской социал-демократии, редактор ее центрального органа

„Рабочая Газета“. Первоначально стоявший на почве ортодоксального марксизма, начинает затем колебаться в сторону ревизионизма. Мировая война и вызванный ею кризис в рядах международной с.-д. отбросили его в лагерь социал-соглашателей.

Акр — мера земли, около полудесятины.

Александр Македонский (великий), род. в 356 и умер в 323 г. до начала нашей эры. С 20 до 33 лет провел свою жизнь в походах, при чем „сколько раз сражался, столько раз и побеждал“, особенно известны походы против персов с переправой через Геллеспонт и Гранику, поход в Египет, подчинившийся ему без сопротивления, и неоконченный поход в Индию. Им основан город Александрия в Египте.

Анахронизм — нелепый остаток старины, не вяжущийся с современным строем жизни.

Антагонизм — вражда, противодействие, несогласие во мнениях; классовый антагонизм — классовая вражда, порождаемая противоречием классовых интересов.

Аперципировать — происходит от слова апперцепция. Под аперцепцией понимают такой процесс мозговой деятельности, при котором человек может воспринять новое представление только на основе уже имеющегося у него багажа приобретенных опытом представлений. По ассоциации представления возникают в мозгу стихийно, без напряжения воли; при восприятии же путем аперцепции, необходимо активное участие воспринимающего направление внимания и воли в сторону воспринимаемого представления.

Апология — защита, восхваление.

Аполитицизм — отсутствие политических убеждений и стремлений.

Аргумент — доказательство.

Аристотель — великий греческий философ. Род. в 384 г. до начала нашего летоисчисления в Стагире, греческой колонии во Фракии. Умер в 322 г. на острове Эвбее. Гениальный ученик Платона, Аристотель обладал огромными по тому времени знаниями во всех областях науки и оказал большое влияние на всё последующее развитие философской мысли, вплоть до эпохи средних веков.

Аркрайт, Ричард (1732—1792),— изобретатель бумагопрядильных машин. Сначала он был цирюльником (парикма-

хером), но потом вместе с часовщиком Кеем занялся механикой и усовершенствовал бумагопрядильные машины.

Ассимилировать — усваивать, уподоблять.

Ассоциация — группа или союз людей, объединившихся для достижения общей цели. Международная Ассоциация Рабочих — Первый Интернационал — объединение рабочих для борьбы за торжество коммунизма; ученые ассоциации, потребительские ассоциации и т. д.

Аттрибут — свойство, существенный признак.

Атеизм — безбожие. В строгом смысле атеизм есть решительное и сознательное отрицание бытия бога, как фантастической сверхъестественной силы, будто бы волшебным образом вмешивающейся в жизнь природы и человеческого общества. С особой силой он расцвел во Франции в конце XVIII века. В эпоху борьбы трех сословий (дворянства, духовенства и буржуазии) вместо проповедуемой дворянством и духовенством веры в бога французские просветители того века выдвинули критическое исследование, т.-е. проверку, вместо суеверия и предрассудков — разум.

Решительными проповедниками безбожия во Франции выступили Ламетри, Дидро, Гельвеций, Руссо и др. Полную систему дал Гольбах в своей „Системе природы“, вышедшей в 1770 г.

Фейербах (1804—1872) в своей „Сущности христианства“ значительно дополнил и развил взгляды французских материалистов-безбожников.

Французским безбожникам - мыслителям не удалось, однако, создать глубокого антирелигиозного движения, ибо в тогдашних старых хозяйственных формах жизни, в старых производственных отношениях не было благоприятной почвы для роста безбожия. К тому же и сама буржуазия, добившись власти после французской революции, скоро повернула к поповщине, как духовной узде для низших порабощенных классов.

Носителем подлинного безбожия является новый, нерелигиозный по своей природе класс — пролетариат, заинтересованный в уничтожении духовной узды для порабощенных масс — старых религиозных суеверий и предрассудков.

Б.

Базельский конгресс — чрезвычайный международный социалистический конгресс, заседавший в г. Базеле (Швейцария) с 24 по 26 (по ст. стилю 11—13) ноября 1912 г. Созван в связи с началом Балканской войны. Предметом занятий конгресса служил вопрос о международном положении и объединении для деятельности против войны. На конгрессе присутствовало свыше 500 делегатов партий II Интернационала. Единогласно был принят манифест, который, подтверждая постановления по вопросу о войне международных социалистических конгрессов в Штутгардте (1907) и в Копенгагене (1910), призывал пролетариат к объединенным выступлениям против войны, требуя, чтобы рабочие всех стран противопоставили капиталистическому империализму могущество международной солидарности пролетариата. Для общей деятельности конгресс в своем манифесте определил каждой социалистической партии ее особую задачу. Базельский конгресс явился последним конгрессом II Интернационала до мировой империалистической войны. Очередной конгресс, созывавшийся в Вене (Австрия) и отложенный на 1914 г., не мог состояться, в виду начала войны и распада II Интернационала: решениям, принятым в Базеле, как и решениям предыдущих конгрессов, подтвержденным базельским манифестом, вожди II Интернационала изменили в первые же дни мировой войны.

Бакунин, Михаил Александрович, — знаменитый анархист, революционер (1814—1876 гг.). Происходил из дворянской семьи. Бросив военную службу и уехав за границу, сблизился с представителями революционных течений, отказался вернуться в Россию по требованию русского правительства, за что был осужден заочно на вечное изгнание. В 1848 г. принимал участие в революции в Париже, в восстании в Праге в 1849 г., был одним из организаторов дрезденского восстания. Сидел в саксонских и австрийских тюрьмах, дважды был приговорен к смертной казни, заменявшейся пожизненным заключением. В 1851 году выдан был России по ее требованию. Сидел в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях; сосланный на поселение в Сибирь,

бежал оттуда в 1861 г. Принимал участие в Интернационале, где выступал противником Маркса. Исключенный из Интернационала в 1872 г., стоял во главе анархического объединения. Участвовал в лионском восстании 1871 г., вел революционную работу в Италии. Б. является одним из теоретиков коммунистического анархизма. (Сам Б. называл свое учение коллективизмом или коллективистическим анархизмом.) Средства для социального переворота Б. видел в заговорах, бунтах, террористической деятельности. Взгляды Б. нашли многочисленных сторонников также и среди русских революционеров.

Бауэр, Отто, — австрийский марксист, в своих сочинениях по национальному вопросу развивавший теорию „культурно-национальной автономии". Главное из его сочинений: „Национальный вопрос и социал демократия". Социал-соглашатель. Во время войны был призван в армию и попал в плен. По требованию Петросовета был освобожден Керенским. Будучи в Петрограде, поддерживал позицию русских оборонцев. После революции в Австрии был министром иностранных дел. Выпустил книгу против Российской Коммунистической партии и против Советов. Один из организаторов 2½ Интернационала.

Бахофен, Иоганн-Иакоб (1815—1887), — немецкий юрист, профессор римского права в Базеле. Известен своими трудами о происхождении семьи. В сабинских мифах и древнеримских сказаниях Б. открыл следы матриархата.

Бебель, Август (1840—1912), — вождь немецкой с.-д. партии, по профессии токарь; блестящий оратор, написал много книг и брошюр, из них „Женщина и социализм" стала настольной книгой рабочих всего мира. Депутат парламента и председатель немецких рабочих союзов. В 1869 г. вместе с В. Либкнехтом на Эйзенахском конгрессе основал немецкую социал-демократическую партию. Во время Франко-прусской войны Б. вместе с Либкнехтом выступил против войны, протестовал против аннексии Эльзас-Лотарингии, за что был приговорен в 1872 г. к 2 годам тюрьмы. Тюремному заключению подвергался неоднократно. Будучи одним из вождей II Интернационала в лучший его период, Б. боролся с оппортунизмом в международном движении (борьба с Дюрингом, Бернштейном, Мильераном).

Беллами, Эдуард,—северо-американский писатель (1850—1898), родом из Массачусетса. Его первые рассказы и романы прошли почти незамеченными; за то его роман-утопия „В 2000 году“ произвел сенсацию, разошелся во множестве изданий в Америке и переведен на все главные языки. Герой романа заснул в 1887 г. магнетическим сном и проснулся лишь в 2000 году. Он объясняет своим новым современникам условия жизни XIX века, в свою очередь получая от них объяснения. Новый строй — социалистический; весь капитал принадлежит нации, которая одна регулирует труд; богатство исчезло, бедность — тоже, весь уклад жизни другой, радикально изменилась система воспитания детей; человеческая природа сама по себе изменилась мало, но новые условия жизни не дают простора преступным наклонностям, и потому преступления исчезли, леность — также. Переход к социализму совершился не революционным, а совершенно мирным путем: в последние годы XIX в. все промышленные предприятия концентрировались в очень немногих руках; когда нация (речь идет преимущественно о нации Соединенных Штатов, но аналогичный процесс совершался и в Европе) поняла, что выгоднее сделать еще шаг и взять всё в свои руки, она это сделала, и капиталисты легко примирились с этим, найдя в идеальном новом строе удовлетворение. Бебель, в предисловии к новейшим изданиям своей „Женщины“, так говорит о Беллами: „кто читал наши книги и не лишен способности рассуждать, тот не может не видеть, что Б. — благожелательный буржуа, который, не зная законов движения общества, стоит на чисто-гуманитарной точке зрения: хороший наблюдатель буржуазного общества, он ясно увидел его противоречия и отвратительные стороны и нарисовал картину будущего общественного строя, в котором часто проскальзывают все же буржуазные идеи и буржуазное понимание вещей. От утопистов прежних времен он отличается только тем, что его образы одеты в современный костюм и что ему недостает тонкой критики буржуазного общества, которою отличались утописты“.

Бернштейн, Эдуард,—один из ранних деятелей немецкой с.-д. и участник партейтага в Готе, привлекался к суду за оскорбление величества. Эмигрировав за границу, лично

познакомился с Марксом и Энгельсом. Во время действия исключительного закона против социалистов, с 1880 г. редактировал издававшийся в Швейцарии и Лондоне и нелегально транспортировавшийся в Германию центральный орган немецкой партии „Социал-Демократ“, вследствие чего в 1888 году был выслан из Швейцарии.

В конце 90-х годов выступил с критикой учения Маркса (ревизия, отсюда ревизионизм), отрицал концентрацию капитала (особенно в сельском хозяйстве), обострение классового антагонизма, неизбежность революционного восстания пролетариата и доказывал возможность постепенного преобразования капиталистического общества в социалистическое путем ряда реформ (реформизм), которых пролетариат может добиться путем парламентской борьбы. Ревизионисты всех стран (в том числе русские) опираются на Бернштейна. Выдвинутая Б. теория была подвергнута решительной критике ортодоксальными марксистами, в особенности Г. Плехановым, К. Каутским (см. книги последнего „Анти-Бернштейн“ и „Аграрный вопрос“). В годы войны Б. занимал полуоборонческую, полуинтернационалистскую позицию. В последнее время Б. вновь скатился к правому социал-соглашательству.

Бисмарк — „железный канцлер“ Германской империи, при котором состоялось объединение мелких разрозненных немецких государств и создание германского национального единства под главенством Пруссии. При нем было введено в Германии всеобщее избирательное право. При помощи исключительных законов против социалистов пытался бороться со всё усиливавшимся ростом и влиянием германской социал-демократии.

Бопп, Франц, — основатель сравнительного языкознания (1791—1867), род. в Майнце. Б. первый возвел сравнительное языкознание на высоту науки, приняв за основание для сравнения не случайное созвучие слов, но весь общий строй языка, насколько таковой проявляется во флексии и словообразованиях, и первый пояснил, что сходство языков обозначает происхождение их от одного общего первобытного языка. Научная деятельность его продолжалась до 1866 г. Вследствие апоплексического удара Б. прекратил с этого года профессорскую деятельность.

Брантинг, Карл-Яльмар, — шведский социал-демократ. Род. в 1860 г. По образованию математик; был ассистентом в обсерватории в Стокгольме. Принял активное участие в журналистике, являясь сперва радикалом, потом социал-демократом; был одним из главных основателей шведской социал-демократической партии (1889 г.). В 1891 г. принял участие в организации рабочих стачек. В 1896 г. избран депутатом в риксдаг, в котором состоял по день смерти, последовавшей в марте 1925 г. После империалистической войны состоял премьером Швеции. Социал-патриот. Тов. Зиновьев шутил о Брантинге приблизительно следующим образом: „Говорят, что, когда король шведский приглашал Брантинга к власти, то дал обещание вступить в социал-демократическую партию, если всё обойдется благополучно". (См. речь тов. Зиновьева в Галле.)

Бушель — английская хлебная мера. Средним числом 1 бушель заключает в себе 62 фунта пшеницы, 54,5 фунта риса, 48 фунтов ячменя, 39 фунтов овса.

В.

Вандервельд — председатель международного социалистического бюро II Интернационала, один из крайних социал-шовинистов, взявший во время войны министерский портфель в буржуазно-клерикальном бельгийском кабинете министров.

Вейтлинг, Вильгельм, — германский социалист (1808—1871). В детстве перенес крайнюю нужду; выучился портняжному делу и странствовал по Германии в качестве подмастерья. В 1835 г. переехал в Париж, где сделался коммунистом. Основал тайное сообщество „Союз Справедливых", состоявшее главным образом из немцев и имевшее свои отделения в Швейцарии, Лондоне и других местах. Восстание 1839 г. и преследование тайных сообществ со стороны французских властей вызвали перенесение правления „Союза Справедливых" в Лондон (1840), где он влачил свое существование до 1848 г. под именем „Союза коммунистов". В 1841 г. В. переселился в Женеву, потом в Цюрих, где, добывая средства к существованию попрежнему портняжным ремеслом, основывал разные кружки и союзы с революционными це-

лями и руководил революционными изданиями. С большими подробностями В. развивает основы будущего социалистического строя, и в частности организацию его управления: это будет великий семейный союз; во главе управления будет стоять совет трех самых даровитых специалистов—по медицине, физике и механике. В 1843 г. В. выпустил в Цюрихе брошюру „Das Evangelium des armen Sünders" (в переводе: „Евангелие бедного грешника"). Здесь он на основании цитат из библии доказывает, что социализм находится в полном согласии с духом учения Христа. Цюрихское правительство назначило особую комис-сию, с проф. Блунчли во главе, для расследования происков коммунистов в Швейцарии. Блунчли написал на эту тему доклад, в котором рекомендовал поголовную высылку всех подозреваемых в сочувствии коммунизму иностранцев. В. был арестован, предан суду по обвинению в кощунстве и призыве к бунту и приговорен к 10 месяцам тюрьмы и к высылке из Швейцарии. Он был, однако, не только выслан, но прямо выдан баденским, а этими последними—прусским властям. После непродолжительного заключения в Пруссии он был выслан за границу и уехал в Лондон (1844). В 1846 г., на одном собрании германских и других эмигрантов, произошло резкое столкновение между В. и Карлом Марксом, после которого все отношения между ними были прерваны. Вскоре после этого В. уехал в Америку, в 1848 г. вернулся в Германию, но в 1849 г. принужден был вновь уехать в Америку, чтобы избежать ареста. В Америке он сначала продолжал социалистическую агитацию, но конец жизни провел писцом переселенческого бюро, посвящая свои досуги астрономии и не участвуя в политической деятельности. Как теоретик социализма, В. стоит выше своих предшественников-утопистов, на сочинениях которых он вырос. Он видит возможность осуществления социализма не в доброй воле сильных мира сего и богатых, а исключительно в движении рабочих масс, и апеллирует в своих сочинениях к последним, а не к первым. Но он далек от позднейшего социализма Карла Маркса, потому что рассчитывает не на усиление рабочего класса, а на его обнищание и неизбежный, вследствие этого, революционный взрыв. При этом он придает чрезмерное значение роли отдельных лиц и ожидает

будущего Мессию, руководителя революции. К. Маркс, несмотря на свою ссору с В., всегда высоко ценил его как крупного мыслителя.

Вирхов, Рудольф,—один из самых выдающихся немецких ученых второй половины XIX ст., политический деятель. Родился 13 октября 1821 г. в прусской провинции Померании, умер 5 сентября 1902 г. В начале 1848 г. В. был командирован в Верхнюю Силезию для изучения господствовавшей там эпидемии голодного тифа. Его отчет об этой поездке, напечатанный в „Архиве“ и имеющий большой научный интерес, окрашен политическими идеями в духе 1848 г. Это обстоятельство, равно как и участие его в революционном движении в Берлине, вызвали нерасположение к нему прусского правительства и побудили его принять кафедру патологической анатомии в Вюрцбургском университете. Как антрополог В. много содействовал установлению анатомических особенностей рас. Ему принадлежит знаменитый тезис „клетка происходит только от клетки“, завершивший собою знаменитый спор биологов о самозарождении организмов.

Вольтер (1694—1778)—писатель-сатирик, имевший огромное влияние на передовые слои буржуазии накануне Великой французской революции. Особенно ярко высмеивал он лицемерие духовенства. Две его сатиры—„Девственница“ и „Кандид“—полны насмешками над предрассудками и лживой моралью тогдашнего общества.

Г.

Гегель (1770—1831)—представитель идеалистической философии, имевший большое влияние на всю мыслящую германскую и русскую интеллигенцию середины прошлого века, в том числе на К. Маркса, который преобразовал в материалистическом направлении и „поставил на ноги“ его диалектический метод. Основой всего существующего Г. считал вечную абсолютную идею; все действительное бытие, весь видимый и ощущаемый мир есть лишь выражение и осуществление абсолютной идеи. Марксизм усвоил у Гегеля его диалектический метод, отбросив его идеалистическую систему. Гегель впервые ввел трехчленную формулу: те-

зис—первоначальное состояние равновесия; антитезис—нарушение равновесия и синтез—восстановление равновесия на новой основе.

Гектар—метрическая поземельная мера, равная 10 тыс. кв. метров или 2.197 кв. саж. (около $^9/_{10}$ десятин).

Гёте, Иоганн-Вольфганг,—великий немецкий поэт, родился 28 августа 1749 г. во Франкфурте-на-Майне, умер 22 марта 1832 г.

Готская программа—программа германской социалистической рабочей партии, принятая на конгрессе в Готе 1875 г., объединившем две существовавшие до того отдельно социалистические фракции—лассальянскую и эйзенахскую (марксистскую). Программа вызвала критику Карла Маркса (см. его брошюру: „Критика Готской программы“).

Грант, Улис-Сидней,—генерал, 18-й президент С.-Американских Соединенных Штатов (1822—1885).

Григорий VII—папа римский в 1073—1085 г.г.

Д.

Давид, Эдуард,—видный член ревизионистского крыла немецкой с.-д. В своей книге „Социализм и сельское хозяйство“ пытался доказать неприменимость марксистского учения к сельскому хозяйству. Социал-патриот, был членом в правительстве Шейдемана.

Деморализация—распущенность, разложение.

Диалектический метод—способ мышления, впервые наиболее полно и широко примененный Гегелем для обоснования своей философской системы, а впоследствии приложенный Марксом и Энгельсом к научнму исследованию истории человеческих обществ. Всё течет, всё изменяется,—эта мысль, высказанная еще греческим философом Гераклитом, является основным положением диалектического мышления, т.-е. каждое явление в каждый данный момент есть уже нечто другое, по сравнению с предыдущим; поэтому нельзя рассматривать явления и предметы каждое отдельно, вполне самостоятельно, независимо от времени и пространства, независимо от всевозможных связей их с другими явлениями и предметами; необходимо исследовать предмет со всех сторон, необходимо изучать его в непрерывном развитии; всякое развитие состоит в смене форм, постоянной

противоположности между старой и вырастающей из нее формой; без уничтожения предшествующей формы не может быть следующей, каждая новая форма вырастает из старой, чтобы своим появлением уничтожить ее; таким образом всякое развитие совершается путем постоянных противоречий, путем постоянного отрицания одних форм другими; изменение в количестве переходит в качество; изучение явлений жизни путем исследования их внутренних противоречий, обусловливающих их изменение и развитие, есть характерная особенность диалектического метода мышления.

Диаметральный—находящийся на противоположном конце, противоположный.

Дилемма—выбор между двумя решениями.

Дилювиальный период—эпоха в истории земли, предшествующая настоящей, характерная в том отношении, что остатки ее не имеют слоистости и содержат в изобилии валуны различных горных пород, разбросанные на сотни верст. Позднейшее название этой эпохи—ледниковая эпоха.

Дифференциация — разделение, расчленение целого на отдельные части. Дифференциация труда.

Диц, Фридрих (1794—1876),—основатель романской филологии. Его грамматика и словарь, несмотря на массу позднейших трудов, до сих пор остаются настольными книгами у всякого специалиста.

Догмат—основное положение какого-либо учения, принимаемое за непреложное.

Доктрина—учение, наука.

Дюринг (1833—1902)—немецкий экономист и философ, первый противник Маркса и социализма, пытавшийся дать свою собственную „социалитарную теорию". Резкую критику взглядов Дюринга дал Энгельс в книге „Переворот в науке, произведенный г-ном Е. Дюрингом" (Анти-Дюринг). В России большим почитателем Д. был Н. К. Михайловский.

Ж.

Жорес, Жан (1859—1914),—один из вождей французского социалистического движения. Первоначально состоял профессором философии в Тулузе и являлся сторонником идеалистического миропонимания. Постепенно эволюционировал

влево и пытался примирить теорию Маркса с идеалистической философией. Будучи в 1885 г. впервые избран в палату депутатов, примыкал к леворадикальному буржуазному центру. В 1892 г. был переизбран голосами рабочих, уже как „независимый социалист“. С 1902 г.—депутат палаты от французской социалистической партии и руководитель ее парламентской фракции. Не будучи чистым марксистом, в социалистическом движении стоял на его правом крыле, поддерживая социалиста Мильерана, принявшего министерский портфель в радикальном буржуазном правительстве. В 1904 г. Жорес основал „Humanité“, центральный орган партии, и руководил им до конца жизни. Борьбу с милитаризмом продолжал до конца, отстаивая идею народной милиции против постоянной армии и добиваясь сокращения срока военной службы. Депутатские речи Жореса, с которыми принуждена была считаться вся палата, являются образцом парламентского красноречия. Его многочисленные выступления на митингах и рабочих собраниях пользовались чрезвычайной популярностью в массах. За день до объявления империалистической войны 1914 г. Жорес был предательски убит французским „патриотом“, опасавшимся его влияния на массы. Парижский пролетариат ответил грандиозными демонстративными похоронами.

З.

Занд (Жорж Санд 1801—1876)—литературный псевдоним знаменитой французской романистки Авроры Дюдеван.

Зингер, Павел (1844—1911),—один из вождей германской социал-демократии. Происходил из небогатой купеческой семьи, пережил бедность в детстве и юности; был приказчиком в магазине. С конца 60-х годов принимал деятельное участие в политической жизни, принадлежа к левому крылу прогрессистов; в начале 70-х годов присоединился к социал-демократической партии. С 1884 г. был членом берлинской городской думы. В 1886 г. на основании закона о социалистах был выслан из Берлина; в 1890 г. получил право вновь жить там. Был фактически бессменно одним из двух председателей правления партии и председателем всех партийных съездов (партейтагов). Как член левого крыла с.-д.

партии, он был противником аграрной программы, выдвинутой Давидом, Фольмаром и др., а также стоял за участие в выборах в прусский ландтаг.

И.

Игнорировать—пренебрегать, оставлять без внимания.

Идеал—1) высшая цель стремления, деятельности человека; 2) образец совершенства в каком-нибудь отношении (добра, красоты и пр.).

Идея—понятие, мысль; главная мысль литературы или искусства.

Имманентный—внутренний, свойственный данной вещи или понятию, необходимый, в противоположность случайному.

Интенсивность—напряженность.

Интеллектуальный—умственный.

Ипотека—акт, которым обеспечивается право, в случае неуплаты долга, на недвижимое имущество должника.

Иррациональный—несовместимый с рассудком, неразумный.

К.

Кавеньяк—французский генерал, военный министр, после февральской революции 1848 г. подавивший в крови июньское восстание парижских рабочих.

Казуистика—крючкотворство, хитросплетение, изворотливость в доказательствах.

Каста — резко обособленная, замкнутая общественная группа (чиновничья каста, духовная каста, профессорская каста).

Каутский, Карл (род. в 1854),—теоретик германской с.-д. и II Интернационала. Крупный историк, экономист. Редактировал (1887 г.) научный журнал „Новое Время“, орган германской социал-демократии. До 1914 года принадлежал к левым марксистам и резко критиковал ревизионистов. Во время империалистической войны занял среднюю позицию между оборончеством и интернационализмом. После Октябрьской революции—идеолог демократии и социал-соглашательства. Отсюда отрицательное отношение к советской системе и резкая критика коммунистической партии. Защита буржуазной демократии привела Каутского к отрицанию ряда по-

ложений, выдвинутых им еще до империалистической войны. Важнейшие из его сочинений, имеющиеся в русском переводе: „Эрфутская программа“, „Противоречия классовых интересов в 1789 г.“, „Экономическое учение Маркса“, „Предшественники научного социализма“, „Анти-Бернштейн“, „Аграрный вопрос“, „Этика и материалистическое понимание истории“, „Т. Моор и его утопия“, „Путь к власти“, „Социальная революция“, „На другой день после социальной революции“, „Происхождение христианства“ и др.

Квинт-эссенция—сущность.

Кенэ, Франсуа (1694—1774),—известный экономист школы физиократов. Всегда вокруг него объединялись выдающиеся люди того времени (Дидро, Дюкло, Мирабо, Тюрго). К экономическим исследованиям он приступил уже на склоне лет. Его „Экономическая таблица“ и примечания к ней сделались своего рода катехизисом школы физиократов.

Коалиция—совместная деятельность, сотрудничество; союз государств против одного или нескольких государств; коалиция с буржуазией—сотрудничество с буржуазией; коалиционное министерство—министерство, составленное из представителей различных партий (в России в 1917 г. в коалиционное министерство вошли, кроме кадетов и октябристов, меньшевики и эс-эры).

Коллизия—столкновение.

Комментарий—пояснение.

Конвент—верховный орган революционной власти народа в годы наивысшего подъема Великой французской революции (1792—1795). В Конвенте господствовала партия якобинцев—сторонников диктаторского централизма и беспощадной борьбы, до террора включительно, со всеми врагами революции. Видные вожди Конвента: сначала Дантон, потом Робеспьер.

Кондорсэ, Жан-Антуан (1743—1794),—французский писатель и политический деятель Великой французской революции. Сначала секретарь, а потом президент Национального Собрания (1791 г.). В Конвенте был жирондистом.

Концентрированный—сгущенный, сосредоточенный.

Корпорация—союз объединений.

Кропоткин, Петр Алексеевич,—физик, геолог и революционный деятель, анархист (1842—1921). Был членом кружка

„чайковцев“; особенной известностью пользуются его „Записки революционера“. В начале войны Кропоткин оказался в лагере патриотов. В „Русских Ведомостях“ выступил в защиту стран Согласия. Под конец жизни склонился к признанию Советской власти.

Л.

Лавеле (1822—1892),—бельгийский ученый и публицист. Главные его труды относятся к политической экономии. В своих трудах проводит мысль глубоко буржуазную, что современный ему социализм имеет общее с христианством и что все попытки насильственного свержения существующего строя должны быть осуждены.

Латифундия—обширное частновладельческое поместье.

Лафарг, Поль (1842—1911),—французский марксист, ученик Карла Маркса, женатый на его дочери Лауре. Один из основателей и вождей революционного крыла французской социалистической партии.

Легин—немецкий с.-д. шейдемановец, социал-империалист, деятель германского профессионального движения и один из вождей Амстердамского объединения II Интернационала. Умер.

Левальд, Фанни (1811—1889),—немецкая писательница. Посвятила несколько своих произведений женскому вопросу.

Лэндлорд—помещик.

Либерал—сторонник общественной политической и религиозной свободы. На деле „свобода“, отстаиваемая либералами, означает лишь свободу капиталистической конкуренции и промышленного развития. Либерализм является выражением стремлений и идеалов буржуазии, трусливой и нерешительной в действиях и целях, половинчатой в реформах.

Либих, Юстус (1803—1873),—химик. Научные его работы касаются всех областей химии. Особенно же важны его работы в области органической химии, где он усовершенствовал методы анализа, исследовал все кислоты, изучил продукты разложения спирта хлором, исследовал мясные жидкости и т. д.

Либкнехт, Карл—сын Вильгельма Либкнехта,—пламенный революционер-коммунист. В начале империалистической

войны, в 1914 г., только он один из всех социал-демократических членов рейхстага выступил против этой войны призывая войну народов превратить в войну классов.

Не поддержанный социал-демократическими вождями, он образует самостоятельную социалистическую группу „Спартак“, из которой потом развивается германская коммунистическая партия. За противодействие войне германское правительство заключило Либкнехта в тюрьму, из которой его освобождает лишь революция 1918 г. По выходе из тюрьмы он продолжает свою коммунистическую деятельность, призывая и организуя рабочих для захвата власти. Но находящееся во главе Германии меньшевистское правительство (Шейдемана) оказалось более варварским, чем императорское правительство Германии,—оно во время январского восстания 1919 г. в Берлине арестовывает Либкнехта вместе с Р. Люксембург и по дороге в тюрьму зверски и подло убивает их.

Люксембург, Роза,—родилась в 1870 году в русской Польше. Будучи ученицей одной из варшавских гимназий, примкнула к кружку учащихся, организованному польской партией „Пролетариат“. Вследствие угрожавшего ареста восемнадцатилетней Л. пришлось бежать в Цюрих, где она окончила университет, получив докторский диплом за диссертацию „Развитие польской промышленности“. Проживая в Швейцарии и работая вместе с Львом Иогихесом (Тышко), она много сделала для выработки теоретического обоснования польского с.-д. движения, чем способствовала образованию в 1893 г. „Социал-демократии царства Польского“ (впоследствии „С.-д. Польши и Литвы“). На Цюрихский международный конгресс Л. получила мандат от варшавских рабочих. В 1897 г. переехала в Германию. Свою деятельность в рядах германской с.-д. Л. начала среди польских рабочих в Познани и Силезии.

Во время расцвета бернштейнианского ревизионизма, а позднее министериализма (Мильеран), Л. повела с этим течением решительную войну, заняв место на левом крыле германской партии. В то же время она не прерывала связи с польским движением, получив мандат от польской с.-д. в международное социалистическое бюро. Русская революция 1905 г. перенесла ее работу в Варшаву, где она вскоре,

была арестована, но освобождена под залог и вернулась в Германию. В 1907 г. участвовала в качестве делегата с.-д. Польши и Литвы на Лондонском съезде Р. С.-Д. Р. П., поддерживая по основным вопросам русской революции большевистскую фракцию.

С 1907 г. Л. всецело отдалась работе в Германии, занимая леворадикальную позицию и ведя борьбу с центром и правым крылом. За это время ею написан большой труд „Накопление капитала". В 1913 г. за речь против милитаризма была приговорена к году тюрьмы. С первого дня империалистической войны Л. заняла интернационалистскую и революционную позицию, пытаясь вместе с Мерингом и Кл. Цеткин издать манифест к рабочим. Попытка группы Р. Люксембург издавать журнал „Интернационал" была прекращена на первом номере. Вскоре Л. вошла в „Союз Спартака", основанный К. Либкнехтом. В 1916 г. вновь была арестована в административном порядке. В тюрьме написала брошюру „Кризис с.-д." (под псевдонимом Юниус), где предсказала распад II Интернационала и образование Коминтерна, и периодически составляла „Письма Спартака", выходившие нелегально. Ноябрьская революция в Германии дала ей возможность развить самую широкую агитацию за социалистическую революцию. Участие в январском восстании 1919 г. сделало ее имя именем пролетарской революции. Предательски убита вместе с Карлом Либкнехтом немецкими офицерами в январе 1919 г. в Берлине.

М.

Магнаты — владельцы крупных поместий в Венгрии и Польше. В переносном смысле—крупные капиталисты, имеющие огромное влияние в промышленности и экономической политике.

Мальтузианство—учение английского буржуазного ученого, попа Мальтуса, по которому средства производства в росте своем отстают от роста населения. Этим несоответствием Мальтус объяснял развитие нищеты (пауперизма). Поэтому Мальтус советует трудящимся воздержаться от раннего вступления в брак и деторождения. Марксизмом доказана вся ложность этой враждебной рабочему классу теории,

старающейся скрыть от пролетариата подлинных виновников его бедствий.

Маркс, Карл (1818—1883),—один из самых глубоких умов XIX века, основатель научного социализма, коммунист-революционер, изгонявшийся из Германии, Франции, Бельгии. Вождь I Интернационала, автор многочисленных исторических, философских и политикоэкономических работ. Главный труд Маркса „Капитал", вышедший в свет в 1867 году, составил новую эру в экономической науке. Появление „Капитала" было огромной победой пролетариата в области научной мысли. Рабочий класс получил возможность изучить сущность хозяйственной жизни капиталистического общества. Сущность экономического учения Маркса сводится к открытию тайны капиталистической эксплоатации рабочих. Маркс показал, что главной причиной порабощения рабочего класса является частная собственность на орудия производства, т.-е. принадлежность орудий производства частным лицам—капиталистам. Капиталисты, нанимая рабочих, платят им меньше, чем те вырабатывают, и присваивают себе излишек (учение Маркса о прибавочной стоимости). Присвоение прибавочной стоимости является основой капиталистического накопления, которое происходит путем сосредоточения богатств на одном полюсе и нищеты—на другом. Хозяйственное развитие капиталистического общества идет путем концентрации капитала и производства, т.-е. сосредоточения в руках немногих крупных капиталистов средств производства (фабрик, заводов, сырья), расширения производства и победы крупного производства над мелким (пролетаризация мелких собственников). Кроме частной собственности и наемного труда, основным признаком капиталистического общества является резкое разделение его на два враждебных друг другу класса—пролетариат (эксплоатируемые) и буржуазию (эксплоататоры). Чтобы освободиться от эксплоатации и нищеты, рабочие должны сделаться хозяевами орудий производства. Для этого рабочий класс должен организоваться в коммунистическую партию и, завоевав власть, установить диктатуру пролетариата для осуществления коммунизма. Философские взгляды Маркса, высказанные им в разных сочинениях, составляют основу новой научной теории, известной под именем диалектического материализма.

Основные положения этой теории в ее приложении к истории даны Марксом в предисловии к книге „К критике политической экономии“ и сводятся к тому, что в основе исторического процесса лежит экономическая структура общества; все явления умственного, нравственного, социального порядка (религия, наука, искусство, литература, политические идеи, государство и т. д.) составляют надстройку, являются производными, зависящими от экономических факторов, от изменений в способе производства. История всех существовавших и существующих обществ есть история борьбы за экономическое господство и власть. Главнейшие сочинения Маркса: „Капитал“, „Нищета философии“, „18 брюмера“, „Коммунистический Манифест“, „Борьба классов во Франции в 1848—1850 г.г.“ и т. д.

Меньшевизм—оппортунистическое крыло российской с.-д. Разногласия его с большевизмом, сводившиеся вначале (1903) лишь к организационным вопросам, постепенно углубляются разногласиями по тактическим вопросам, для того чтобы потом совершенно расколоть Р.С.-Д.Р.П. на две совершенно непримиримые фракции—две партии: большевистскую, революционную, пролетарскую, и меньшевистскую, оппортунистическую, мелкобуржуазную, становящуюся проводником буржуазного влияния на рабочий класс. Начиная с 1908 г. меньшевизм почти целиком захватывается крайним выражением оппортунизма — ликвидаторством. Война, за исключением незначительных групп, бросает меньшевизм в объятия шовинизма и оборончества. Февральская революция ставит его вместе с эс-эрами и либеральной (теперь переходящей быстро к контр-революции) буржуазией у кормила власти, и здесь пышным цветом распускаются основные грехи меньшевизма—социал-соглашательство и предание интересов рабочих. Октябрьская революция ставит над ним, как социалистической партией, окончательный крест, и с этих пор он выступает как партия контр-революции, как активный борец с Советской властью.

Миазмы—вредные газы, испаряющиеся из разлагающихся органических веществ.

Милитаризм—стремление государства к увеличению своих военных сил, преобладание в государственной политике военных интересов. Современный милитаризм находится

в тесной связи с капитализмом. Буржуазия нуждается в рынках, колониях для сбыта своих товаров и добычи сырья, и она захватывает их вооруженной силой, держа последнюю всегда наготове для подавления восстаний, захвата новых земель.

Мильеран—род. в 1859 г., бывший французский социалист. Первый социалист, вошедший в буржуазное министерство (1899 г.). В 1904 г. Мильеран был исключен из социалистической партии. С начала империалистической войны член коалиционного правительства. Был президентом французской республики; ярый враг коммунизма и Советской России.

Мистицизм—направление, считающее возможным раскрытие непостижимых разуму тайн посредством экстаза, созерцания и различных религиозно-нравственных упражнений.

Мозель—левый приток Рейна, начинается в южной части Вогезских гор. Лучшая часть долины р. Мозеля от города Трира до Кобленца.

Мольтке—германский фельдмаршал и политический деятель (1800—1891 г.). Большую стратегическую способность обнаружил еще во время войны с Данией (1864 г.). Франко-прусская война (1870—1871 г.) велась по предложенному им плану. Монархист. Один из тех, кто положил основы знаменитому германскому генштабу.

Монополия—исключительное право на пользование чем-либо: промыслом, торговлей и т. д. В капиталистическом обществе различаются государственная монополия и частная; к первой относится исключительное право государства на продажу товаров (винная монополия, спичечная, табачная монополия и т. д.), на покупку некоторых предметов (золото, платина), изготовление определенных предметов (чеканка монеты), исключительное владение чем-либо (недра), монопольное пользование правом сбора налогов и т. д.; к частным монополиям относится передоверенные государством права на пользование той или другой вещью, право производства торговли, эксплоатации недр и пр. В С.С.С.Р. особенно выделяется монополия государства на внешнюю торговлю, т.-е. исключительное право государства вести торговлю с заграничными странами.

Монотеизм—единобожие, вера в единого бога; развивается из почитания родовых и племенных богов, по мере того как

складываются устойчивые национально-государственные организмы. Обыкновенно или однородные божества различных племен отожествляются между собою, или одно из племен, достигая руководящего положения, вместе с тем и своего бога делает господствующим главным богом.

Монстр—чудовище, необычное уродство.

Монтескье (1689—1755)—знаменитый французский писатель „эпохи просвещения“. Главное его произведение „Дух законов“. Считается отцом буржуазного либерализма. Впервые обосновал буржуазную теорию о разделении и равновесии „властей“—исполнительной, законодательной и судебной.

Моор, Томас,—английский гуманист (1473—1535). В молодости перенес сильную нужду; учился в Оксфордском университете; был близким другом Эразма Роттердамского, в 1504 г. был членом палаты общин. После вступления на престол Генриха VIII (1509 г.) М. сделался помощником шерифа гор. Лондона, в 1514 г.—членом тайного совета. В 1521 г. М. назначен помощником королевского казначея; в 1523 г. спикер палаты общин. В 1529 г. после падения кард. Уольсея сделан канцлером (первый случай замещения этой должности не прелатом и не представителем высшей аристократии). В этой должности М. приобрел значительную популярность неподкупным и добросовестным судом, им установленным. В 1534 г. ему было предложено признать незаконность первого брака короля; он отказался, был арестован и в 1535 г. казнен по обвинению в государственной измене. М. был один из образованнейших людей своего времени; между прочим, он знал греческий язык, что в то время было редкостью, и настаивал в своих сочинениях на его изучении. М. много писал по-английски и по-латыни; писал он по истории, религиозно-политические сочинения и др. Но главное сочинение М., сделавшее его имя бессмертным, это его „Утопия“, написанная по-латыни, впервые появившаяся в печати в Лувене в 1516 г., затем многократно переиздававшаяся. Это сочинение делает М. одним из самых видных предшественников позднейшего социализма; оно создало и сделало нарицательным слово „утопия“ (т.-е. нигде). В нем изображен счастливый коммунистический строй жизни на о-ве „Утопия“, жители ко-

торого не знают частной собственности и на котором труд признается обязательным. По широте своих идей это произведение далеко опередило свой век; в нем проводятся идеи веротерпимости, широкого демократизма и тайного голосования.

Морген—старинная единица земельной меры, принятая в Германии (в Польше—морг) приблизительно около 30 *ар* (около $^1/_3$ десятины).

Муниципалитет—название городского самоуправления в Западной Европе.

Н.

Номинальный—существующий только по имени, нарицательный.

О.

Октроирование конституции—„дарование" конституции сверху, главой государства, обычно вынужденным на то восставшими народными массами.

Оппозиция—противодействие, сопротивление, движение против существующего порядка вещей; группа, партия, ведущая борьбу против правительственной политики, противодействующая мероприятиям господствующего большинства.

Оппортунисты—люди, группы, партии, неспособные на решительные революционные действия, проповедующие соглашение с существующим строем вместо классовой борьбы. Оппортунисты—социал-демократы, меньшевики, эсэры.

Оуэн, Роберт (1771—1858),—социал-утопист. Он был убежден, что стоит перевоспитать характер человека, чтобы исчезло все зло, так как капиталисты поймут всю недопустимость эксплоатации труда других. Оуэн верил в то, что все очень быстро примут его учение, и тогда труд будет избавлен от гнета. Он пробовал применить свое учение на своем предприятии в Нью-Ланарке, а затем целиком отдался проповеди своего учения; он принимал участие во всех кооперативных, профессиональных съездах своего времени (тридцатые годы прошлого столетия), проповедуя свое учение. Получив средства от сочувствовавших ему богачей, он

попытался основать „коммуны гармонических интересов“ в Англии и Америке, но с весьма печальными результатами. Капиталистические предприятия, при наличии власти у капиталистов, оказывались сильнее. Оуэн не понимал необходимости классовой борьбы, которая ведет к победе рабочего класса и организации социалистического общества при господстве рабочего класса.

П.

Панегирик — неумеренное восхваление кого-либо в речи и печати.

Парадокс—утверждение, идущее в разрез с общепринятым мнением.

Парцелла—очень мелкий земельный участок.

Платон—знаменитый греческий философ, родился около 430 или 427 г. до начала нашего летоисчисления. Ученик Сократа, умер в 347 или 348 г.

Плебеи—низший класс населения древнего Рима, не пользовавшийся никакими гражданскими правами и добившийся лишь после долгой борьбы с патрициями (высший класс древнего Рима) равноправия с ними; вообще—низший класс, „простонародье“.

Плеханов, Георгий Валентинович (1856 — 1918), — основоположник марксизма в России. В России в 70-х годах принимал деятельное участие в народническом движении. В декабре 1876 года выступил с речью во время демонстрации на Казанской площади, после чего вынужден был перейти на нелегальное положение. С расколом „землевольцев“ на „Народную Волю“ и „Черный Передел“, П. примкнул к последнему, эмигрировал за границу, где занялся изучением западно-европейского рабочего движения. В 1883 г. был одним из основателей „Группы Освобождение Труда“— первой русской социал-демократической ячейки. Его литературные работы имели громадное значение для развития классового сознания рабочих России и освобождения их от влияния народнических утопий („Социализм и политическая борьба“, „Наши разногласия“, „К вопросу о развитии монистического взгляда“ и др.). П. является крупнейшим теоретиком русского марксизма. В 1903 г. по докладу П.

была принята программа Р. С.-Д. Р. П., близкая по духу к Эрфуртской (см. это слово), но отличающаяся от нее и вообще от всех предыдущих с.-д. программ требованием диктатуры пролетариата при социалистической революции. П. являлся участником всех международных социалистических съездов до 1914 г. С начала войны 1914 г. Плеханов занял оборонческую позицию, возглавляя социал-патриотическую организацию „Единство“.

Плиоценовый период—позднейший период третичной эпохи в жизни земли, предшествовавшей ледниковой.

Полемика—спор в печати или на собраниях по какому-нибудь вопросу.

Потресов, А. Н. (Старовер),—один из „стариков“ Петербургского Союза Борьбы за освобождение рабочего класса в средине 90-х г.г. (1894—1895). В 1900 г. эмигрирует за границу и принимает участие в организации „Искры“ с Плехановым, Лениным, Мартовым, Засулич и Аксельродом; на II съезде склоняется к оппортунистическому крылу „искровцев“, к „меньшинству“; деятельный работник новой „Искры“; постепенно Потресов все более уклоняется вправо, становится лидером „ликвидаторов“ (1908—1914 г.), наконец,—главой социал-патриотов в эпоху империалистической войны.

Престиж—авторитет, влияние, обаяние.

Принцип—основное положение; начало, из которого делается дальнейший вывод; руководящая мысль; нравственное начало, правило поведения.

Проблема—загадка, задача в науке, политике, искусстве, требующая ответа, нуждающаяся в разрешении.

Прогресс—движение вперед, совершенствование форм материальной и духовной культуры, развитие человеческого общества. После Дарвина и Маркса понятие прогресса лишилось мистической оболочки и рассматривается как совершенствование природы человека и общественных форм на основе развития производства материальных благ.

Прудон (1809—1865)—идеолог французской мелкой буржуазии, один из теоретиков анархизма. Видя причину всех зол капиталистического общества в современной форме обмена, он, в целях реорганизации этого общества, выдвигает не план коллективной организации производства, а уто-

пическую систему, строящую общество на началах мутуализма (взаимности) путем организации дарового кредита и меновых банков и увековечивающую мелкую частную собственность. Теория Прудона вызвала резкую критику со стороны К. Маркса (его „Нищета философии“) и борьбу его с последователями Прудона в I Интернационале.

Р.

Радикальный—коренной, решительный, стремящийся провести в жизнь свои убеждения полностью, без всяких отступлений и половинчатости.

Ратцель, Ф. Р. (1814—1896),—немецкий путешественник и натуралист. В 1870 г. принимал участие в войне с Францией в качестве волонтера.

Рафф (1748—1788)—известный немецкий педагог и писатель для юношества.

Реакционер—сторонник возвращения к старым порядкам, к отжившим формам жизни.

Реализация—1) осуществление какой-либо идеи, проведение в жизнь задуманного; 2) превращение имущества в наличные деньги.

Реальный— действительно существующий.

Регресс—упадочное состояние, отсталость, движение назад.

Реннер, К. (Рудольф Шпрингер, Синоптикус),—автор теории „культурно-национальной автономии“. Главные его сочинения: „Государство и нация“, „Национальная проблема“, „Борьба национальностей за государство в Австрии“ и др. Во время войны социал-соглашатель. После революции 1918 г. был главой австрийского правительства.

Репрессия—подавление, кара.

Рефлексы—непроизвольные движения, являющиеся ответом на раздражения (внешние и внутренние).

Реформа—преобразование.

Реформация—раскол католической церкви в Западной Европе в XVI столетии, в результате которого образовалась новая, протестантская церковь в двух главных формах—лютеранской и реформатской. Революционные классы в исходе средних веков стремились не к разрушению церкви, а к завоеванию ее. Зародившись под знаком борьбы угнетаемых

против своих угнетателей, реформированная церковь весьма скоро перекинулась на сторону эксплоататоров. Так Лютер, совершивший реформацию руками крестьянства, говорит: „Восставший крестьянин подобен бешеной собаке, которую надо убивать, ибо нет ничего более ядовитого, вредного и диавольского, чем восставший человек. Теперь настали такие удивительные времена, что князь лучше заслужит царствие небесное кровопролитием, чем другие молитвами. Пусть всякий, кто в силах, режет, бьет и душит. Если ты умрешь при этом, благо тебе“. Так всякая реформированная церковь оказывается классовой организацией, направленной против трудящихся масс.

Рикардо—известный английский экономист XIX в., принадлежавший к классической школе политической экономии; родился 19 апреля 1772 г. в Лондоне. Скончался 11 сентября 1823 г. Основой теоретических воззрений Р. является его учение о меновой ценности. Рассматривая Р. в исторической перспективе, следует иметь в виду то обстоятельство, что он был последовательным представителем интересов денежного капитала, интересов крупной буржуазии; отсюда защита им тех начал экономической и социальной политики, которые были выгодны для этого класса. С другой стороны, характерно отсутствие у Р. всякого представления об исторической эволюции; для него существующий экономический строй, покоящийся на началах свободной конкуренции и частной собственности, представляется естественным, неизменным порядком. Из этого общего мировоззрения Р. вытекает его оптимистический взгляд на бедствия рабочего класса, на пауперизм и т. п.; все это, по его мнению, мелочи, которые сами собой устранятся с полным осуществлением свободы труда и капитала.

Робеспьер, Максимилиан (1758—1794 г.г.),—деятель Великой французской революции 1789 г., вождь „якобинцев“, партии, руководившей революцией в момент ее наибольшего подъема. Якобинцы организовали защиту внутри страны и на внешнем фронте, настояли на казни Людовика XVI и не останавливались перед самым суровым террором для подавления контр-революции. Робеспьер был в это время главой правительства. Провозглашенный якобинцами лозунг—„свобода, равенство, братство“ касался только

политической стороны жизни, а не экономической, Робеспьер не отстаивал интересов рабочих масс. Народные массы вскоре отвернулись от Робеспьера, и когда крупная буржуазия взяла верх над якобинцами, он был низвергнут и казнен как „враг народа“.

Фон Рохов (1792—1847)—с 1834 по 1842 год был министром внутренних дел и полиции в Пруссии. Черносотенец, ему принадлежит выражение: „ум подданных ограничен“.

Руссо, Жан-Жак (1712—1778),—философ и политический мыслитель, родился в Женеве. Осуждал современный ему социально-политический строй, много и горячо писал о значении непосредственного чувства, указывая отрицательные стороны цивилизации, сравнивая последнюю с „естественным состоянием“ человека. Пытался преобразовать воспитание, строя его исключительно на развитии чувства. Обосновал теорию народного суверенитета (народовластия), ставшую во время Великой французской революции знаменем якобинцев. Главные сочинения Руссо: „Общественный договор“, „Эмиль“ (о воспитании), „О происхождении общественного неравенства“, „Исповедь“.

С.

„Свободное народное государство“—лозунг, выдвинутый Лассалем и в свое время широко популярный в Германской социал-демократии. К. Маркс (в „Критике Готской программы“) и Фр. Энгельс (в письмах к Бебелю и др. работах) вскрыли ложность этого лозунга.

Секта—раскол, толк; организация лиц, отклонившихся от какого-нибудь основного вероучения.

Сениор (1790—1864)—английский экономист. Профессор политической экономии в Оксфорде. Принадлежал к классической школе экономистов.

Синтетический—сводный, обобщающий.

Ситуация—положение, которое получается от взаимодействия и борьбы различных интересов.

Смит, Адам (1723—1790),—английский экономист и философ. Особенно известны его труды „Теория нравственных чувств“ и „О богатстве народов“.

Сократ представляет центральную фигуру в греческой философии. С. сам ничего не писал, почему мы о его учении и о его целях узнаем из вторых рук, из источников, несогласных между собою во взглядах на роль, сыгранную С. Источники для биографии и учения С. следующие: „Диалоги“ Платона, „Воспоминания“ Ксенофонта, сочинения Аристотеля и др.

Солидарность — согласие во взглядах, общность интересов.

Стимул — побуждение.

Структура — строение, устройство.

Суверенитет — верховенство, независимость государства.

Т.

Тавтология — излишнее, бесполезное повторение одной и той же мысли в различных выражениях.

Тенденция — склонность, стремление к определенной цели, предвзятая мысль, стремление прийти в какой-либо работе к заранее намеченным выводам.

Термин — специальное выражение или название какого-нибудь предмета или понятия, принятое в науке, искусстве или технике.

Традиция — обычай, порядок, идущий из поколения в поколение.

Триумф — победа, блестящий успех.

Трэд-юнионизм — то течение в профессиональном движении, которое особенно ярко наметилось во второй половине XIX в. в Англии. Это течение считало невозможным бороться против капитализма. Его главный идеолог Деннинг прямо говорил, что профсоюзы призваны бороться только с чрезвычайными проявлениями капиталистической эксплоатации. Примиряясь с капитализмом, трэд-юнионизм проповедывал договор, соглашение с хозяевами через союзы. Трэд-юнионизму свойственны цеховщина и распыленность союзов. Цели союза, по учению вождей трэд-юнионизма, — взаимопомощь членов, улучшение условий труда, самообразование. В чистом виде это учение теперь проповедуется только Эппльтоном и его немногочисленными сторонниками. В английских профсоюзах (трэд-юнионах) идет в настоящее время

сильная борьба за социалистические и коммунистические принципы профдвижения против „трэд-юнионизма“.

Туган-Барановский, М. И.,—русский экономист, родился в 1865 г., когда-то был марксистом, затем, „обревизовавши“ марксизм, переменил фронт и стал „почтенным либералом“. Известны его „Русская фабрика в прошлом и настоящем“, „Учение о предельной полезности“, „Очерки по истории политической экономии“ и „Курс политической экономии“.

Турати—вождь „реформистов“ резко-оппортунистического, правого крыла итальянской социалистической партии. Стоит за мирную парламентскую работу и частичные улучшения в положении рабочего класса, за сотрудничество с радикальной буржуазией.

Фон-Тюнен (1783—1850)—известный немецкий буржуазный экономист.

У.

Утопист — человек, живущий несбыточными мечтами.

Утопия — несбыточная мечта, сочинение, рисующее обыкновенно в полубеллетристической форме строй будущего общества, как он представляется автору или каким он желал бы его видеть.

Ф.

Фазис — отдельный момент в развитии какого-нибудь явления.

Филистер — человек ограниченный, с узкими взглядами, погрязший в мелочах повседневного быта.

Формула—общее определение, точное, строгое определение сущности, предложение в краткой форме.

Франклин, Веньямин (1706 — 1790),—английский писатель и политический деятель. Известен и как физик (электричество), изобретатель громоотвода.

Фурье, Шарль (1772—1837),—французский социалист-утопист, беспощадный критик буржуазного строя. В своих сочинениях Ф. в основу нового общественного строя кладет „фалангу“ — мелкую общину в 1500 — 2000 человек. Отдельные „фаланги“ связаны между собой и, по мысли Ф., в своем конечном развитии должны составить мировую организацию

нового общества. Главная основа общественного хозяйства „фаланги"—земледелие. В „фаланге"—строгое разделение труда, труд непродолжительный и доставляющий удовольствие, а не мучение, как в капиталистическом обществе. Общий доход „фаланги" распределяется между талантом ($^3/_{12}$), физическим трудом ($^5/_{12}$) и капиталом ($^4/_{12}$). Независимо от этого, каждому члену „фаланги" обеспечено удовлетворение минимума его потребностей в пище, одежде, помещении и проч. Ф. надеялся осуществить организацию нового общества при содействии просвещенного и великодушного капиталиста и до самой смерти тщетно ожидал богача, который, поняв все значение для человечества его социальной реформы, согласился бы помочь ему построить идеальную трудовую общину.

Последователи Ф. после смерти своего учителя пытались осуществить его систему, но неудачно. Он имел своих последователей и в России в лице „петрашевцев".

Ц.

Центнер — единица торгового веса в Западной Европе равна 50 килограммам. Двойной центнер или метрический (квинтал) = 100 килограммам.

Централизация — сосредоточение в одном пункте или в одних руках.

Цивилизация — развитие социального строя, усовершенствование условий человеческого общежития; состояние народа, отличающееся значительным развитием материальных и духовный потребностей.

Циглер, Теобальд, — родился в 1846 г., немецкий писатель, профессор философии в Страсбурге.

Цитата — дословная выдержка из речи, статьи, книги и т. д.

Ч.

Чернов, В. М., — родился в 1876 г., начал политическую деятельность в 1893 г. в рядах „социал-революционной партии народного права" (промежуточное образование между партией „Народная Воля" и П.С.Р.). Эмигрировал за границу в 1899 г., где стал во главе сначала Союза, а затем и партии

социалистов-революционеров в качестве ее идеолога (бессменный член Ц.К. и редактор центрального органа „Революционная Россия“). В годы войны занимал промежуточную позицию между интернационализмом и оборончеством, участвовал в Циммервальдской конференции. Оборонец и социал-пацифист. По возвращении в Россию после Февральской революции министр земледелия в одном из коалиционных правительств Керенского, несмотря на принадлежность к П.С.Р. или, вернее, вследствие принадлежности к ней, боровшийся против крестьян, отбиравших помещичью землю. Вышел в отставку после июльских дней. 5 января 1918 г. Ч. был избран председателем учредительного собрания, насчитывавшего ²/₃ право-эсэровских голосов, распущенного В.Ц.И.К. Вскоре после этого Ч. оказывается в стане контрреволюции, принимает деятельное участие в чехо-эсэровской авантюре на Волге в 1918 г., возглавляя съезд членов учредительного собрания. В Уфе был арестован Колчаком, но вскоре освобожден. Принимал участие в Парижском съезде членов учредилки (февраль 1921 г.), выделившим из себя комитет, составленный из эсэров и к.-д.; пытался оказать энергичное содействие кронштадтскому восстанию из Ревеля, куда специально для этой цели приехал. Ярый враг коммунизма и Советской власти, борется против нее и ее главных деятелей, не гнушаясь никакими средствами, вплоть до заговоров и покушений на жизнь видных вождей революции.

Ш.

Шейдеман — один из вождей германской социал-демократической партии, видный депутат рейхстага. На последних выборах перед войной был избран вице-президентом рейхстага от с.-демократии. Во время войны — лидер правого оппортунистического крыла немецкой социал-демократии, социал-патриот, голосовал за военные кредиты, вел борьбу с Карлом Либкнехтом и группой „Спартак“; после ноябрьской революции 1918 г. — глава соглашательского правительства республиканской Германии, расстрелявшего десятки тысяч пролетариев, убившего К. Либкнехта и Р. Люксембург.

Шопенгауэр, Артур (1788 — 1860), — знаменитый немецкий философ. Идеалист, мистик и пессимист. Оказал большое влияние на последующие философские течения (ницшеанство и ново-кантианство).

Э.

Эклектизм — соединение различных и даже противоположных учений и систем в одно искусственное целое. Эклектические системы очень распространены в буржуазной философии и служат выражением состояния класса, когда оригинальное творчество и самостоятельность мысли иссякают, ослабевают.

Эксперимент — опыт, испытание.

Экспроприация — 1) принудительное обращение частной собственности в государственную в интересах государства, 2) в искаженном значении — грабеж, насильственное отобрание имущества.

Эксцесс — резкое проявление чувств, излишеств, насилие.

Эластичный — упругий, гибкий, растяжимый.

Элементы — основные начала, простые неразложимые тела, составные части тела, организации, общества, науки и т. д

Эмансипация — освобождение от рабства, угнетения или зависимости, уравнение в правах, например эмансипация женщин, рабов и т. д.

Энгельс, Фридрих (1820—1895),—родился в Бармене, в Рейнской провинции, уже в то время выгодно отличавшейся от всей остальной Германии сильно развитой крупной промышленностью и многочисленным, проникнутым классовым сознанием пролетариатом. По отбытии военной службы в Берлине Э. работал в одном фабричном предприятии в Манчестере (в Англии). В 1843 г. он знакомится в Париже с К. Марксом, и уже в 1844 — 1845 гг. появляется их совместная работа „Святое семейство“, сочинение исторического и философского характера. В 1845 г. Энгельс издает свою замечательную книгу „Положение рабочего класса в Англии“. Книга эта может считаться первым творением научного социализма. Вместе с К. Марксом Э. организует „Международный коммунистический союз“, для которого ими был написан „Коммунистический Манифест“. Все время Э. помогал

К. Марксу в его научных работах и является вместе с ним обоснователем научного социализма; главное его сочинение по философии марксизма — „Анти-Дюринг". В то же самое время Э. принимал живейшее участие в политической борьбе в качестве члена центрального совета Интернационала. После смерти Маркса, с 1883 г., роль вождя социал-демократии в теоретических и практических вопросах переходит исключительно к Энгельсу.

Эпизоотия — эпидемия у животных, падеж скота.

Эпос — эпические произведения, спокойное, бесстрастное описание какого-нибудь явления или события, совокупность героических народных сказаний.

Эрфуртская программа — программа социал-демократической рабочей партии, принятая на съезде в Эрфурте, в Германии, в 1891 году. Она делится на две части: I — теоретическая, излагает теорию развития общества от капитализма к социализму, и II — практическая, ставящая ряд требований, достижимых и при капиталистическом обществе. Эрфуртская программа послужила образцом для ряда программ разных национальных соц.-демократических партий, в том числе и русской. В настоящий переходный период, при наступлении социальных революций, эта программа устарела, и коммунисты заменили ее новой программой Коммунистической Партии. Комментарии К. Каутского к Эрфуртской программе в свое время служили начальным учебником марксизма для с.-д. кружков.

Этический — нравственный, отвечающий требованиям нравственности.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

Предисловие 3

Глава I. Общество будущего.

1. Идеал социалистического общества. (П. Лафарг. Из дискуссии с Жоресом о материалистическом и идеалистическом понимании истории) 13
2. Экономическая неизбежность социалистического строя. (Г. В. Плеханов. Программа социал-демократической группы „Освобождение Труда“.) 15
3. Материальные условия обобществления производства уже имеются на-лицо. (Фр. Энгельс. „Анти-Дюринг“.) 17
4. Можно ли разработать подробный план организации „государства будущего“ (К. Каутский. „Эрфуртская Программа“.) 19

Глава II. Производство, труд и распределение в коммунистическом обществе.

1. Высокая ступень развития общественных производительных сил— необходимое предусловие социализма. (Фр. Энгельс. „О социальном развитии России“.) 32
2. Современная буржуазия — препятствие общественного развития. (Фр. Энгельс. „Анти-Дюринг“.) 32
3. Первый шаг рабочей революции. (К. Маркс и Фр. Энгельс. „Коммунистический Манифест“.) 33
4. Уничтожение частной собственности. (К. Маркс и Фр. Энгельс. „Коммунистический Манифест“.) 33
5. Каким должен быть новый общественный порядок. (Фр. Энгельс. „Принципы коммунизма“.) 36
6. Каковы будут последствия окончательного уничтожения частной собственности. (Фр. Энгельс. „Принципы коммунизма“.) . . . 36
7. Судьба мелкой собственности при социализме. (К. Каутский. „Эрфуртская Программа“.) 39
8. Социализм и мелкие производства. (К. Каутский. „Аграрный вопрос“.) 44
9. Капитализм создает аппарат учета и распределения, нужный при социализме. (Ленин. „Удержат ли большевики государственную власть“.) 47

стр.

10. Распределение продуктов в „государстве будущего". (К. Каутский. „Эрфуртская Программа".) 47
11. „Оплата" простого и сложного труда в социалистическом обществе. (Фр. Энгельс. „Анти-Дюринг".) 58
12. Как решается вопрос о еде и жилище при социализме. (К. Маркс. „Нищета философии".) 60
13. Жилищный вопрос. (Фр. Энгельс. „Жилищный вопрос".) 60
14. „Всякий по своим способностям, всякому по его потребностям". (К. Маркс. „Критика Готской Программы".) 61
15. О равенстве. (Ленин. „Либеральный профессор о равенстве". Собр. соч., т. XII, ч. II.) 65
16. Уничтожение разницы между приятной и неприятной работой. (К. Каутский. „Томас Моор и его утопия".) 68
17. Система Тэйлора — порабощение человека машиной. (Ленин. Собр. соч., т. XII, ч. II.) 69
18. Труд — удовольствие. (Фр. Энгельс. „Анти-Дюринг".) 70
19. „Свобода труда". (К. Каутский „Эрфуртская Программа".) . . . 75
20. Профсоюзы — школа коммунизма. (Н. Ленин. „Детская „болезнь левизны" в коммунизме".) 83
21. Коммунистические субботники — прообраз коммунистического труда. (Н. Ленин. Собр. соч., т. XVII, „От первого субботника на Моск.-Казанской ж. д. к всероссийскому субботнику—маевке".) 85

Глава III. Социализм и сельское хозяйство.

1. Земля должна стать общественной собственностью. (Фр. Энгельс. „Анти-Дюринг"). 88
2. Капитализм в земледелии подготовляет почву социализму и является его предшественником. (Г. В. Плеханов. Статья из „Черного Передела".) 88
3. Социализм несет крестьянству избавление от капиталистической экспроприации. (К. Каутский. „Аграрный вопрос".) 91
4. Сельское хозяйство и социализм. (К. Каутский. „Размножение и развитие в природе и обществе".) 97
5. Элементы социалистического сельского хозяйства. (К. Каутский. „Аграрный вопрос".) 112
6. Будущее собственного жилища. (К. Каутский. „Аграрный вопрос".) 118

Глава IV. Уничтожение классов и „отмирание государства".

1. Уничтожение классов. (К. Маркс и Фр. Энгельс. „Коммунистический Манифест".) 120
2. Уничтожение всяких классов—необходимое условие освобождения трудящихся. (К. Маркс. „Нищета философии".) 120
3. При современном развитии производительных сил пропадает всякий предлог для существования буржуазии. (Фр. Энгельс. „Жилищный вопрос".) 122

стр.
4. В. И. Ленин—об „отмирании“ государства и о коммунизме („Государство и революция“. Собр. соч., т. XIV, ч. II) 124
а) „Отмирание“ государства и насильственная революция . 124
б) (Продолжение) Дополнительные пояснения Энгельса . . . 130
в) Полемика с анархистами. 133
г) Письмо к Бебелю 137
д) Предисловие 1891 г. к „Гражданской войне“ Маркса . . . 140
е) Энгельс о преодолении демократии. 145
ж) Экономические основы отмирания государства 147
1. Постановка вопроса Марксом 148
2. Переход от капитализма к коммунизму. 150
3. Первая фаза коммунистического общества 155
4. Высшая фаза коммунистического общества. 158
з) Опошление марксизма оппортунистами 165
1. Полемика Каутского с оппортунистами. 165
2. Полемика Каутского с Паннекуком. 172

Глава V. Национальный вопрос.

1. „Рабочие не имеют отечества“. (К. Маркс и Фр. Энгельс. „Коммунистический Манифест“.) 181
2. Международность. (А. Бебель. „Женщина и социализм“.) 182
3. Национальность и культура. (К. Каутский. „Национальные проблемы“.) 187
4. Социализм и самоопределение наций. (Ленин. „Социалистическая революция и право наций на самоопределение“, том XIX) 190
5. Борьба национальностей и социализм. (К. Каутский. „Национальные проблемы“.) 195
6. Однообразие мировой культуры. (К. Каутский. „Национальные проблемы“.) 199
7. Интернациональные культурные круги. (К. Каутский. „Национализм и интернационализм“.) 205

Глава VI. Положение женщины, брак, семья и судьбы традиционных идей.

1. „Общность жен“. (К. Маркс и Фр. Энгельс. „Коммунистический Манифест“.) 207
2. Какое влияние окажет коммунистический общественный строй на семью. (Фр. Энгельс. „Принципы коммунизма“.) 208
3. „Уничтожение семьи“. (Каутский. „Эрфуртская Программа“.) . . 208
4. Освобождение женщины от домашнего хозяйства. (К. Каутский. „Томас Моор и его утопия“.) 210
5. „Семейный очаг“. (К. Каутский „Аграрный вопрос“.) 212
6. Женщина в будущем. (А. Бебель. „Женщина и социализм“.) . . 216
7. „Уничтожение образования“. (К. Маркс и Фр. Энгельс. „Коммунистический Манифест“.) 223

стр

8. В будущем обществе воспитание детей соединит в себе производительный труд с обучением и гимнастикой. (К. Маркс. „Капитал“.) 225

9. Коммунизм радикальным образом разрывает с традиционными идеями. (К. Маркс и Фр. Энгельс. „Коммунистический Манифест“.) 227

10. Отмирание религии. (Фр. Энгельс. „Анти-Дюринг“.) 228

Глава VII. Проблема народонаселения.

1. Рост населения и социализм. (К. Каутский. „Размножение и развитие в природе и обществе“.) 231

2. Гигиена расы. (К. Каутский. „Размножение и развитие в природе и обществе“.) 246

3. Население и перенаселение. (А. Бебель. „Женщина и социализм“.) 254

Глава VIII. Заключительная часть.

1. Как молода еще история человечества!.. (Фр. Энгельс. „Анти-Дюринг“.) 277

2. Из царства необходимости в царство свободы. (Фр. Энгельс. „Анти-Дюринг“.) 278

3. Сверхчеловек будущего. (К. Каутский. „На другой день после социальной революции“.) 279

Краткий словарь собственных имен и некоторых малопонятных слов. 281